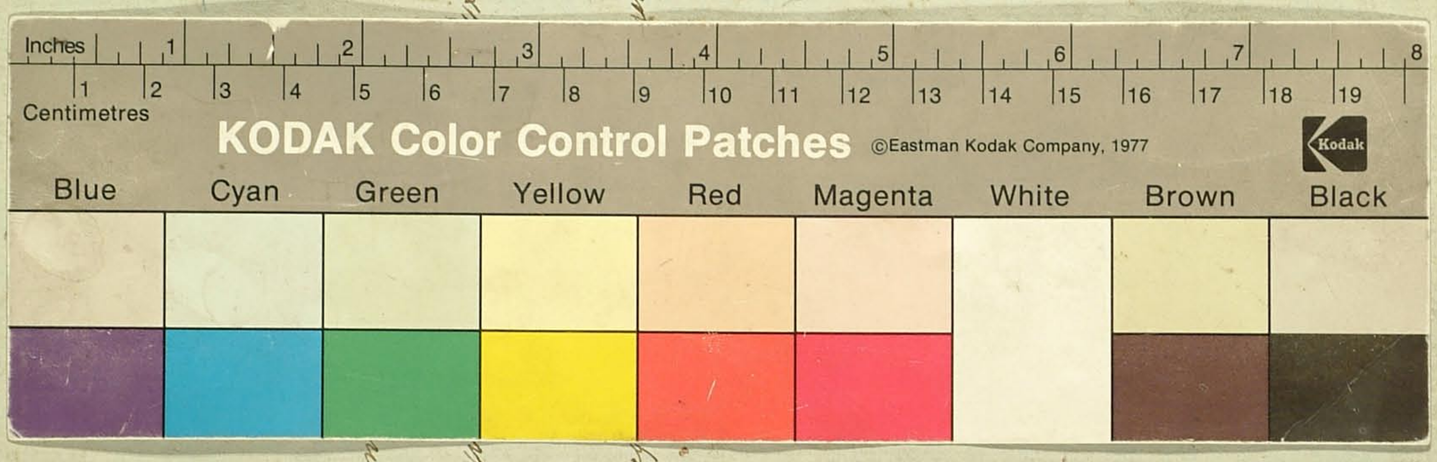
МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ
СЛАВЯНСКІЕ РУКОПИСИ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

РУКОПИСЬ ХРАНИТСЯ В
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ.
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

АВТОР	
ЗАГЛАВИЕ	Ученические сочинения архим. Макария (Глухарева) по богословию, философии.
ДАТА	1815–1817 гг.
МЕСТО	
КОЛ-ВО ЛИСТОВ	133 л.
ШИФР РУКОПИСИ	
ФОНД №	173.II
КАРТОН №	
ЕД. ХР. №	16
ПРИМЕЧАНИЯ	Рус. и лат. яз.

Электронная копия: МОСКОВСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ - 2009 г



№ 16

Рукопись
Фундам. Б-ки.
№ 16
дополнительная.

№ 16

Российская государственная библиотека
отд. рукописей

Рукопись
Фундам. Б-ки.
№ 16
дополнительная.

Ученические опыты в сочинении

О. Архимандрита Макария (Булгакова)

передано от Его Высокопреосвященства, Архиерея
Литовского Леонтия, в 1853 г.

Российская государственная библиотека
отдел рукописей

О сбращении премудрости
съ иницыми ея.

Хотя человекъ, возлюбивъ обладать вѣдѣніемъ добраго и лукаваго, и чрезъ то содѣлавшися равнымъ Создателю пріемлется безсмертною животностію и предобится имѣть, яко имѣетъ небесной премудрости приложится ея врачующу добро злобѣ зелѣній Бога и самонаводителя; но премудрость самаго мудраго того, кто потерялъ ее, не престанетъ ~~ея~~ непрелыщенныхъ сѣтехъ ухищренно забудущихъ сыновъ Адамовыхъ, отверзать для нихъ долу свои, растворять вино, уготовляемое трапезу, повелѣвать на распутіи раскрыть своихъ съ высокими преповѣданіями, призывать ихъ ими проходящихъ улицы. ~~[illegible]~~. Иже есть безуменъ, отпущенъ устами ихъ, да уклонится ко мнѣ; пріидите, ядите моихъ хлѣбъ, и пійте мое вино, оставите безуміе и живи будете. — Блаженна душа, которой коснется сей гласъ вожделѣнный! Блаженъ, кто въ глубинѣ своего сердца сохранитъ сіе вопіющее произвѣваніе, и готовъ будетъ изъ твиныя и сѣни смертныя, чтобы ходить безпреткновенно во свѣтѣ. Свѣтъ сей не есть слабое мерцаніе осѣтительнаго себѣ сѣтному разсудію на путяхъ сихъ низвѣстительнаго заблуждающаго; это свѣтъ вѣры — тѣ-

РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА ОТДѢЛ РУКОПИСЕЙ
БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ибнице мудрости Божей, святых, со которыми не совместятся никакой омрачающий духъ нашихъ сомнений; святых оскверняющий и опасного развратителя; премудрость отеческая, какъ отеческая Богъ, отъ которого она происходитъ, какъ отецъ Богъ, къ которому снова возводитъ своихъ любителей. — Несмотря всей сей премудрости! Умилительно описаніе чувствованности сущихъ для своего чувства и освобожденныхъ о сущемъ отъ нихъ духъ безсмертномъ; + умилительна о мудрецахъ отвержения превозносящихся умомъ тщети, отъ которого столько злыхъ ждутъ они святыхъ и всегда ходятъ во мракѣ; + сколь многіе, по видимому, жаждущіе истинной мудрости въ первыхъ числахъ ко храму ея стекаются, любодушествуютъ при видѣ встрѣтившихся имъ трудностей, и возвращаются вспять къ обыкновенному состоянію безпечности близкой къ глубокому злу. Они хотѣли бы получить ее безъ всякаго со стороны своей усилія, желали бы восчитать благословенные дары премудрости, не содѣлавъ себя способными къ пріятію оныхъ. Это невозможно. Царствіе истинной премудрости есть царствіе Божіе; и царствіе Божіе нудится и нудящіе

днищы восхищаютъ е. Чадо! говоритъ сынъ Сираховъ желающему обрѣсти мудрость, сице приступай работать Господеви, уготови душу твою во искушеніе. — Ты приступаешь работать Господу; работать Господу повелѣваетъ не такъ какъ со строгостію, а строгій Господь есть и ненавидитъ, и исполненіе, и отвѣтъ, и корень премудрости: но сей строгій не можетъ помѣшать твоей душѣ, если не будешь ты ея ловителя преслѣдующея тебѣ твоею любовію ко всему, что есть врагъ добродѣтели сопротивному строгому сему. Итакъ если ты приступаешь работать Господу, если ревнуешь имѣть благословенное начало, преуспѣяніе и окончаніе пути твоего къ мудрости; то уготовь душу твою во искушеніе. — Зміи, — сквозѣ сердце твое огрій пройдетъ, — мечь обоюду острый, врачебный и смертоносный, — всесильный Горій ангелъ, который, чтобъ оправить отъ тебѣ Адама новаго, дабы не переродъ умертвилъ Адама ветхаго. Уготовь душу твою во искушеніе, и благодушествуй: строгость ходитъ премудрость съ нудящими ея въ первыхъ, боязнію и страхъ наведетъ ихъ, и помучитъ ихъ въ нѣкоторыхъ своихъ: доколѣ огрій изгонитъ души

его, и искусить его во-опускаемыхъ своихъ, и текши возвратится прямо къ нему, и повѣсить его потрясть ему тайны своя.

Строптиво ходитъ премудрость! увы! мы такъ младенчествуемъ умомъ, что по кривого строптиво съ нами ходитъ ~~ея непремудрость~~ медленникъ ни единая.

Входя въ міръ сей сосмотрю только немощного, мы приносимъ заключенныя въ брегненномъ окомъ сердцо и духъ столькоже слабый. Едва духъ сей начинаетъ съ возрастомъ и укрѣпленіемъ тѣла возрастать и крѣпчиться; немедленно окружаютъ его сѣти тѣлы — предразсудки и страсти; первые покрываютъ мрѣкомъ очи его, а послѣдній какъ бы связываетъ слугу руки, чтобы дѣятельность его вредя подсѣкать совершенно, а нѣкоторыя оставить при одномъ неразумномъ сердцѣ. Тогда, если мы живемъ, то живемъ только въ своихъ глазахъ, слухѣ, вкусѣ, обоняніи и осязаніи; чувственность до того простираетъ наши пораженія, что сѣтью первоначальною глазной, относящіяся къ кругу низшихъ душевныхъ способностей, карутея нами непостижимыми, подобными нѣжности, ихъ духи представляетъ тѣмъ въ совершенномъ чувственномъ видѣ, или по простому человѣку, безъ всякаго сдѣлойствія размышленія и даже безъ ясного сознанія, какимъ образомъ они содѣлались для насъ ясными. — Что рѣкать о знаніяхъ требующихъ напряженія силъ обымныхъ духовной нашей природы! — всякая наука ходитъ съ нами строптиво; всякая требуетъ великихъ усилій, великаго труда, туги и тягости, доколѣ ея уразумѣемъ и постигнемъ. Не любимъ убо пасти, въ беззаконіи зачатыя, во грѣхѣ рожденныя и грѣхъ непрестанно раждающія, — не любимъ видѣть, что отрасленный разумъ столь тяжко мудрствующій земныя, немогутъ быстро тѣни отъ истинныя вещей невидимыхъ постигнуть. —

Боязнію и страхъ наведетъ нашъ человѣческій разумъ при всей своей ничтожности столько гордъ, что мнитъ дикливою быть всѣмъ. Безсильный проникнуть отъ тайны естества видимаго, дерзаетъ очи простирать любопытливый взоръ въ судьбы Творца предвѣчнаго, и покусятъ ихъ заключать. ~~своего недосягаемаго взора.~~ Онъ мнитъ извѣстнѣя, что самыми утвержденными и знаменіями непрекословенности испытательныя пресѣчи, которыя хочетъ употребить творцомъ всякой истины.

Отказаться отъ сихъ правилъ всего трудно для его кичливости; но сего-то премудрость и требуетъ отъ него, какъ необходимаго условія, безъ котораго высокія тайны ея для человѣка непріступны. – Предстанемъ теперь мудрецу, который привыкъ взвѣшивать все на вѣсахъ своего разума, не будетъ ли для него ерамословіемъ удаленіе требованій отъ лица Божія, покорить разумъ ко послушанію вѣры и ходить предъ него со смиреніемъ младенца? Истины небесной премудрости для плотскаго разума – непроницаемый мракъ или ослѣпительной свѣтъ, – и блескъ, естьли проникнутый боязнію среди сего сокрушеннаго мрака, и порасщелинный страхомъ среди сего блестящаго свѣта преклонитъ очи высокую очію своею, и закроетъ очи свои подобно херувимамъ, которыхъ они видѣли предъ окрестъ престола Божія.

Сія премудрость хочетъ равно господствовать и въ разумѣ и въ сердцѣ: посему за испытаніемъ разума творитъ она искушеніе сердцу и чувствамъ. – Она требуетъ, чтобъ человѣкъ разорвалъ душу свою отъ привязанностей ея ко тлѣнному, и прилѣпился любовію христіанской ко нетлѣнному, къ единому Богу; она повелѣваетъ свернуть съ себя всю похоти плотской, похоти очесъ и гордости житейской, умертвить міру и всѣмъ удовольствіямъ, которыми прельщается чувственность, распять плоть со страстьми и похотьми, не злочестить ли ai оборужить человѣка противъ его самого? искушеній тяжкихъ, но сего полезнѣе. Пострадавшему будетъ дано жити отъ мертвыхъ сокровенныхъ, и премудрость искушеніи его во отраженіяхъ своихъ возвеселитъ его и откроетъ ему тайны свои. –

Есть и прежде были книги, и точнѣе. въ выраженіяхъ. Только учителя премудрости опущено, а ея вѣсовъ не описано.

Сент. 29. 1875.

Действіе возрожденія такъ ли ощутительно въ человѣкѣ, чтобъ истинный Христіанинъ съ достовѣрностію могъ почитать себя возрожденнымъ?

Живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ. Сими словами Апостолъ Павелъ даетъ намъ разумѣть, что новая жизнь, въ которую отъ смысленнаго Бога рождается истинно возрожденной столь же достовѣрна и несомнѣнна въ ощущеніи внутреннемъ, сколь несомнѣнно и человѣкъ естественный чувствуетъ естественную жизнь свою.

Но въ сихъ же словахъ: Живу не ктому азъ, видно такожде опасеніе, съ которымъ истинно возрожденной носитъ нетленное сокровище въ скудельномъ сосудѣ своего сердца. Живу азъ, азъ есмь, достоитъ изрещи о себѣ единому тому, который есть жизнь всего сущаго и существо всѣхъ сущихъ въ видимомъ и невидимомъ царствѣ его. Итакъ всего опаснѣе въ духовномъ домѣ присвоивать себѣ что нибудь и себя почитать чѣмъ нибудь; но должно все воспѣвать Богу, отъ котораго все получили, и которому все надлежитъ возвращать. Человѣкъ самъ по себѣ есть ничто; а я въ человѣкѣ есть нѣчто безконечно худшее, нежели ничто есть грѣхъ, есть нѣчто само по себѣ, которое отъ никакова разрушенія созданіе Божіе.

Справедливо.
7. II. 1817.

О испорченности естества человеческаго по опыту.

Все, что вокруг человѣка, и все, что въ человѣкѣ, вопіетъ о его бѣдности, испорченности и виновности предъ богомъ: но душа его или глуха для сего вѣрнаго гласа, или и слышитъ его, но, пріемля въ поль уха, разумѣетъ непроизвольно, и-ногда же, естьми разумное творіе явѣ въ ней есть, но безаконная сквернится еще тѣмъ, что истину творіе содержитъ въ неправдѣ. Итакъ тѣмъ болѣе она бѣдна, что не чувствуетъ своей бѣдности, тѣмъ болѣе испорчена, что не ищетъ источника оной въ своей виновности, тѣмъ болѣе бѣдна, испорчена и виновна, что не имѣетъ отъ себя самой средствъ исправить искривленное, или порпщетъ на вѣчную любовь, не терпитъ ли предъ вѣчнымъ праведу-діемъ, или нераздитъ, и съ отчаяніемъ спокойствіемъ во глубину зовъ нисходитъ. Таковъ по естеству души человѣческаи.

Человѣкъ созданъ для бога, и всѣ бездушныя и неразумныя твари созданы для служенія человѣку.

Но когда человекъ отвратится отъ любви Божіей, то и всякъ товаръ, которую онъ поработитъ сует, не только отвратится отъ первобытной покорности ему, но и возстанетъ противъ него со всего ристалища; потому что онъ сдѣлается врагомъ ея, явившись Божіимъ преступникомъ, и подвергъ ее проклятію, одинъ собою всю тварь. Вотъ почему воздухъ задушитъ, вода поглотитъ, огонь пожрать насъ готовы, и земля, недовольствуя тѣмъ, что каждый человѣкъ рано или поздо возвращаетъ ей взятую отъ нея персть хранитъ, разверзаетъ бездны и поглощаетъ въ нихъ гробы и страны. Во всѣхъ особыхъ убійственныхъ и разрушительныхъ явленіяхъ природы слышенъ гласъ правосудія Божія, которое даетъ намъ такое примѣчаніе, какое прилично нашей испорченности.

Когда Адамъ ощутилъ въ себѣ дѣланій духомъ, то вдругъ сіи дѣланія, одушевленныя Богомъ, выступили къ источнику своему устремилось, и пронищая тѣлесный составъ человѣка, союзъ въ немъ вещественнаго міра съ духовнымъ, всѣхъ поколѣ къ

Создателю всѣхъ. Что въ человѣкѣ возвѣщаетъ такимъ образомъ человѣка и все, что было мощный и крѣпкій духъ его. Онъ совершенно владѣствовалъ въ немъ надъ низшими душевными и тѣлесными силами и содержалъ ихъ въ законномъ одинъ къ другимъ отношеніи и другъ съ другомъ согласіи. Но нынѣ совсѣмъ противное нашли въ себѣ. Дѣйствуютъ въ насъ (и слишкомъ чувствительно) способности, которыми наши прародителя обращены къ видимому міру; духъ такъ ослабъ и сокрушился, что не только не знаемъ, но даже и не довѣдываемся о его существованіи. Отъ того, какъ разорвется умъ нашъ, когда пропадаетъ въ немъ чувство-проницательность; такъ умственныя и чувственныя силы человѣка, не чувствуя духовнаго надъ собою господства, потеряно мерду собою сообщеніе, дорогой каждая изъ нихъ изнемогаетъ, и дорогой всѣ разстройствуютъ свои производятъ то, что мы называемъ смертію. Помышленія

при малом мірском разумѣ очевидно, что Существо премудрое, благое и всемогущее немогло восхотѣть, и потому не могло произвести столь противорѣчущее самому себѣ и потому нелѣпостное твореніе: то безсомнѣнно человѣкъ самъ испортилъ въ себѣ премудрое дѣло рукъ Божіихъ, и, уклонившись отъ благаго съ Нимъ союза, ввелъ бѣдственный разладъ въ естество свое.

Какія могутъ принимать мудрецы и переправители для исправленія человѣчества! ко всѣ трудѣ ихъ остаются тщетными, и люди рассѣяни необуздаемыхъ страстей, врагами своего собственнаго и ближнихъ своихъ спокойствія. Единъ Іисусъ Христосъ, примиряя человѣка съ Богомъ, примиряетъ его съ самимъ собою, и съ міромъ. Единая благодать его можетъ потребить грѣхъ, столь глубоко укоренившійся въ немъ ирдуть. Но прежде всего должно насъ его милосердіе сподобить опустить горечь сего погибшаго корня, и потомъ посѣщеніе его спасеніемъ Господнимъ: ибо не безъ причины Святый Макарій назвалъ всѣхъ таинствомъ познаніе испорченности естества человѣческаго по опыту.

Епископъ Тверской.
Іюня 24. 1866.

О догматических или[1] нравственных истинах более должно говорить на церковной кафедре.[2]

На сие отвечает Апостол Павел сими словами: разумъ кичитъ, а любы созидаетъ. Онъ же, въ иномъ мѣстѣ, приводя истину сію къ свѣту самому, глаголетъ: аще языкомъ человѣческимъ и ангельскимъ глаголю, любве же не имамъ, ничтоже есмь. Итакъ любовь есть душа христіанства, пѣснь, которую Духъ Святый полагаетъ на сердцы, на языкахъ и на устнахъ истинныхъ Христовыхъ искупленниковъ, и симъ единымъ знаменіемъ отличаются они отъ враговъ Іисуса Христа. Чему же еще надлежитъ христіанамъ научаться, и чему еще учить христіанъ, кромѣ сей любви низводящей небо на землю и землю возносящей на небо. Любовь есть исполненіе закона и союзъ совершенства.

Чистая вера дарует чистую любовь; но кто не любитъ, тотъ еще не возрожденъ. Тотъ самымъ мрачнымъ образомъ вѣруетъ, кто болѣе любитъ, нежели умствуетъ.

Существенно, а потому необходимо отдѣлимъ вѣру Христову на области разума и области сердца. Почему Давидъ говоритъ къ Богу: Боже сердцу моего, а не сказалъ: Боже моего разума? потому что чувствіе Божіе, престоль

борій, покоится боріе находится въ сердцѣ человѣка, а не въ разумѣ.

Истинѣ слушитель слова божія всегда долженъ стараться о исправленіи воли своей, о которомъ его попеченію; и даже то ученіе, въ которомъ разумъ требуетъ преимущественнаго участія, направлять къ дѣятельности. Онъ долженъ подражать въ этомъ Іисусу Христу и Богословамъ Апостольскимъ. ибо какъ Іисусъ Христосъ, такъ и Апостолы излагали высочайшія истины вѣры не иначе, какъ соединивши съ ними высочайшія правила Христіанской нравственности.

По обыкновенію ни только новѣйшихъ временъ, или по особливой нуждѣ преподается ученіе Догматической Богословіи, въ образѣ и по правилахъ науки.

Естьлисъ кто поревнуетъ слѣдовать въ сихъ только обычаю новѣйшихъ временъ, то могъ бы, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, низвести дѣятельную Богословію съ высоты небеснаго ея достоинства въ кругъ обыкновенныхъ изображеній человѣческихъ, лишиться самъ и лишить другихъ ея существенной пользы. тогда сие богатое пріобрѣтеніе разума не замѣнимо бы безплодной потери сердца: ибо нравственная Богословія стоитъ бы слабо вмѣсто горѣ, какъ и нравственная, дѣлаемая посредственною Философіею. Истина не для одного одностороннѣ естественными науками и искусствами дѣятельно-христіанское ученіе можетъ принять видъ искусственной правильности, но для цѣли, которая бы приближалась къ намѣренію, съ которымъ богъ даровалъ намъ въ письменахъ слово свое.

Вопервыхъ такая строгая правильность имѣетъ пользу ту, что обязанный прямо правитъ слово вѣрой истины, можетъ обратить ее въ средство, счастливо владѣть духовнымъ мечемъ противъ тѣхъ духовъ тьмы, которыхъ убійственное ученіе буквы приводитъ къ превратнымъ

толкать, и которые или поразделять
или питаться несогласіе между ору-
рующими. Апостолъ Павелъ часто
и сильно запов[illegible]дуетъ [illegible]
[illegible]ину воспитывать противъ забур-
деній, съ кротостію и съ тѣмъ вмѣ-
ст[illegible] неспорливымъ, чтобы привести
заблудившихся въ разумъ истины.
Но когда пристрастіемъ къ [illegible]
многихъ ученые люди, по законамъ
своимъ, позволяютъ угождать себя
не менѣе, какъ если бы подъ[illegible] ихъ
тѣломъ не оружіемъ, какое они употреб-
ляютъ для своего защищенія: по мо-
гобы, которую мы должны питать
къ нимъ, повелеваетъ намъ поща-
дить ихъ столь немощную совѣсть;
а когда мы помышляемъ, что въ та-
кихъ случаяхъ идетъ дѣло о славѣ
Божіей и истинѣ священнаго пи-
санія: то всѣ затрудненія, подни-
маемыя или отъ нашего нерѣшенія и
извращеннаго вкуса происходящія, дол-
жны исчезнуть при этомъ свѣтѣ.

Пріемля слушатель слова всегда
обязанъ быть готовымъ отвѣщать
получающимся у него на вопросъ о
словесѣ уподобленія. Для такихъ слу-
чаевъ всего нужнѣе ему приготовить
себя [illegible], точнымъ, болѣе обтем-
лющимъ умомъ, нерѣдко пересматривая
въ [illegible] часахъ обозрѣнія книгъ
истинѣ длительной Христовой ни-
уки, привести ихъ къ единой видимо-
сущей точкѣ, и содержа въ мысляхъ
правильную ихъ связь, подкрѣпить
такимъ образомъ домысленную мысль,

которой тѣмъ легче находить всякую
вещь въ домѣ, чѣмъ болѣе привыкъ
держать ее въ своемъ мѣстѣ. Для по-
учающагося слова церкви нѣтъ необ-
ходимости въ строгостяхъ науки; если
онъ отвѣчаетъ истинѣ въ сердцѣ
своемъ. Но слушатель церкви должен
помнить, что онъ поставленъ на
свѣтильникъ, и что его назначеніе свѣ-
тить и свѣтить.

Наконецъ многочисленность противорѣчу-
щихъ мнѣній, утонченность забур-
деній и многообразные виды, въ ко-
торыхъ они представляются, слабость
въ каждомъ умственныхъ силъ, и пи
всего недостатокъ внутренняго сви-
дѣтельства или духовнаго чувства,
долгимъ длительнымъ обученіемъ при-
обрѣтаемаго — все сіе невольно застав-
ляетъ каждаго — попещись о семъ, прежде
нежели будетъ должно пещись о другихъ.

Немного, что довольствуетъ разумѣющаго.

Сент. 26. 1816.

Подобіе конц.

№3.

Отъ чего зависитъ успѣхъ проповѣди?

Многовѣщательнымъ внѣшнимъ міра сего дерзаетъ самовѣй міръ надъ собою побѣду. Вѣщественнымъ правъ неотразимаго естества все благопріятствуетъ въ человѣкѣ, — и разумъ, приспособленный ко всѣму новому, хотя его и недостойному, — и воля, стремящаяся ко всѣму привлекательному для чувственности, хотя и пагубному для духа, — и воображеніе, мнящее созидать великолѣпныя, хотя всегда воздушныя чертоги, — и страсти, ухищряющіяся самій собою, когда представляютъ имъ въ мнимомъ чѣстіи, слѣпородствѣ и даже величіи, хотя въ собственномъ видѣ онѣ и нечисты, и срамны, и низки. — Мнѣ ль препятствовать; — только бы внѣшнія не оскорбляли ничьего слуха, только бы не преступили несоразмѣрныя предѣловъ возможности, только бы невидимою стопою шли къ сердцу для него всегда отверзтому, только бы былъ чистосердечный мужъ вѣры, любезной развратникъ, набожный сластолюбецъ, — и тогда трудъ его неторопливъ, и дѣйствія его неувядаемы.

Между тѣмъ Христовы ежедневно взываютъ только къ послѣднему изъ: Господи! кто оправдалъ слуху нашему, и мышца твоя кому откроется? — Есть и не вотренное мнѣ слово Божіе падаетъ на добрую землю; они и тогда возрастутъ къ Господнему духовной ратовѣ: не намъ, Господи, не намъ, но имени твоему дадутъ славу! Въ долѣ Божіемъ весь успѣхъ воспослѣдуетъ единому Богу;

а на себя смотрять, какъ на орудія, хо-
торыхъ дѣйствительность зависитъ
единственно отъ дѣйствующей чрезъ
нихъ благодати небеснаго Художника.

Такъ! если учители церкви суть
свѣтъ міру: то свѣтъ сей заимствуютъ
отъ невечернаго Солнца правды. Они
суть только орудія, долженствующія ис-
лить духовныя недуги, въ которыхъ мы
зачинаемся, и въ которыхъ рождаемся.
Но поелику рожденій сіе есть общее для
всѣхъ человѣковъ: то и сами врачи под-
вержены тѣмъ же недугамъ, страдаютъ
отъ нихъ, и до всѣхъ способствуютъ
имъ прирожденныя способности не исходятъ отъ
есть слуги Божій, потрясаемыя, и
оогорѣлыхъ моему попеченію, зло, ко-
торое свободно сопротивствуетъ въ соб-
ственной моей сердцѣ? когда я самъ
что творю, что хочу, и тогда, что
ненавижу; когда самъ не воленъ въ своихъ
помышленіяхъ, рѣчахъ и дѣйствіяхъ:
то могу-ли быть воленъ въ сердцѣ дру-
гаго? Могу-ли самъ собою исправить
поврежденное въ другомъ естествѣ; ког-
да недостаетъ въ себѣ самомъ произвести
сіе? Я слѣпъ отъ рожденія: и кого
возбуду ко Богопознанію и ходатайству о Бо-
жіихъ заповѣдяхъ? Я мертвъ духомъ:
и кого воскрешу къ духовной жизни? Мо-
гу ли дать другому то, чего самъ не
имѣю, отъ чего другой отвращается,
что принять никого нельзя прину-
дить.-

Итакъ ему нигдѣ надежды, если-ли
не прибѣгнетъ къ источнику благода-

ти во Іисусѣ. Се благій врачъ врачующихъ! Его смущенныя слова должны мо-
литвѣ, да ввобразится онъ въ немъ со
всѣми добродѣтелями небесныхъ совершителей
своихъ; да изгонитъ изъ сердца его не-
чистыя образы входящіе отъ стихіи
міра; да очиститъ всепорицающій
очи благодати и разумъ его, и сердце,
и помышленія, и желанія. тогда,
и не прежде должны онѣ помышлять
о обращеніи другихъ ко Христу, когда
самъ къ нему обратится; тогда, и
непремѣнно можетъ быть совершите-
лемъ человѣкъ, когда самъ благодать
Божія уготовитъ его на всякое дѣло
благое.-

Правда, Божія премудрость, неизслѣди-
мая въ совѣтахъ своихъ, избираетъ и
когда и недостойные органы для изъ-
явленія людямъ дѣлъ своея любве своея; и тѣ,
кто является ненарушимыя его, явля-
ютъ во время благопотребно чудную
силу слова своего чрезъ уста непотреб-
ныхъ грѣшниковъ. но, кромѣ того, что
явленій Божіей силы въ нечистыхъ сосу-
дахъ бываетъ ~~чаще~~ сопряжено со вре-
домъ для послѣдующихъ, - не должно ли сіе
самое насъ наставить на то, что
Духъ св. дышетъ, и гдѣ хощетъ, что
благодать возбуждающаяся и обращающа-
щаяся не вѣрится никакимъ человѣческимъ
умомъ, ни языкомъ, ни даже свя-
тѣйшею ризою; а дѣйствуетъ тамъ, гдѣ
благоугодно. Исполненному благодати
и истины, въ десницу котораго содер-
жится сердца человѣческія подобно ску-
дельнымъ сосудамъ въ рукахъ Гончара,

могущаго сокрушить их, претворить
и вдохнуть в них всякое образование.

Единый Дух, который Апостолов
содействовал повсюдительными мiра, и ны-
не действует в церкви чрез пресви-
тиков земiя их. Если человек
словом Его обмен такого сильного,
которой не могли противиться все
естественно противившиеся духу Хрис-
тову: то все витийство проповедников
нынешних останется мертвою, если
не будет сопровождаемо его теперь творче-
ской Духа Св. силa. – Осуждение грешни-
ка к Богу было, и навсегда останется
чудом. Ибо чудо есть такое дело, хо-
торого причины не могут быть открыты
в обыкновенном ходе природы; а
каковы наши природа нравственная,
сие известно всякому. Что такое любовь?
и какая благая человек от себя и-
мать не может, по слову Апостола.
Такое нежное от сердца раздирае-
мого ненавистию порока чувство сво-
бодно злого – духовной радости, от
притязательного и нагло любостяжа-
тельного с бодрыми мира, – от
малодушного самонадеянiя – героического
долготерпенiя, от самости – всеобъем-
лющей благости, от жестокосердiя –
милосердiя Христианского, от кичли-
вого разума – второй безусловной, от
гордости и неведенiя – кротости ду-
ховной, нищетствующей, от сластo-
любiя – распинающаго плоть со стра-
стьми и похотьми воздержанiя. – Посему
как безводная и печальная степь

немогут произращать цветов бла-
говонных и плодоносных древес; так
и рождущая пустыня сердце человечес-
кого не может производить христиа-
торый был бы в зоне духовного бла-
гоухания; и никогда не явит они пло-
дов истинной добродетели, если
сердце не сойдет в нее. Долгого вре-
мени оно человеческих усилiя оплодо-
творить неспособную остаются
тщетными, и никакое искусство
не превозможет природы: ибо природе
сильное всего, кроме благого ея Вла-
дыки.

Немного довольно описать растите-
лiя одной природы, которую все отец
Адама получили в наследство; но че-
ловек тогда знающий, что не
существует своего знанiя. Сего не
довольно; примеры, нами взяты
для него христианское растение не толь-
ко сложны, но даже любезны. Е-
реи иногда в минуту, которой не знает
сердце, ощутит в непонятный
для себя страх умрет в семь со-
тояний: но вдруг и объяснятся его ле-
пленiем – рука в оном отчаянно. Ка-
кой дар красноречiя сообщить чело-
веку сему ощущенiе собственной бед-
ности? какая рука остроумiя ис-
полнит своим возбужденiем его от бед-
ственной дремоты? какое словообилiе
исчислить сму то блага, которых
отец лишает себя по своему нерадению?

но естьми исчистить; но без сомнѣнія не сдѣлаетъ ихъ для него драгоцѣнными. Душевенъ человѣкъ не пріемлетъ, яже духа божія. Кто живетъ по духу міра, тотъ не имѣетъ разумѣнія сладости пить по духу божію; кто прикованъ къ землѣ вещественнымъ своимъ, тотъ не имѣетъ на крилѣхъ священнаго восторгавоспарить въ горняя, и улыбшимъ очами созерцать уготованное праведницѣмъ Бога. Все сіе ему юродство,-мечта воображенія, которую онъ презираетъ, и которой никогда не согласится искупить тотъ только, кто одно почитаетъ существенностію.-Богъ умираетъ: и кто воскреситъ его кромѣ тебя, о Боже, въ которомъ и состоитъ и живетъ человѣкъ? сердце его окаменѣло: но ты имѣешь изъ самаго камня воздвигнуть чадъ Аврааму. Онъ рабъ грѣха: но ты, Свѣте Боже, свободишь его, и онъ воистину свободенъ будетъ. Воистину: отъидетъ отъ истиннаго свободу чадъ твоихъ, съ истиннымъ раскаяніемъ приклонитъ къ нозѣ мытарицей благодати твоей, отрясетъ и злобою приступитъ къ тебѣ, возрадуется тобою. Воистину свободенъ будетъ: ибо тамъ только свободы, гдѣ къ Сыну влечетъ единый Отецъ, и не тамъ, гдѣ мирному кресту сопутствуетъ упивающійся человѣческою кровію мечъ. Тамъ нѣтъ свободы, нѣтъ благодати, и гдѣ нѣтъ благодати, тамъ какой и успѣхъ проповѣди?

Когда Апостолъ Павелъ говоритъ о своихъ подвигахъ въ Христовомъ благовѣстіи: то самые труды свои относитъ не къ себѣ, но къ единому Богу, потрудившемуся,-не сказалъ, но благоволитъ, яже со мною. Не единымъ Богъ сотворилъ сію вселенную, міромъ, и не о немъ единомъ все существа живутъ, ~~благотворятся~~ и существуютъ? Но естьми всѣ боги не было для Бога въ твореніи, и нѣтъ въ христіанѣ міра вещественнаго сотрудниковъ въ благовѣстіи: то и возсозданіе ветхаго человѣка въ новую тварь не имѣетъ быть дѣломъ существа сотвореннаго. Единъ тотъ, кто изъ тмы повелѣлъ возсіять свѣту, творитъ вѣчный свѣтъ и въ душѣ грѣхомъ омраченной. Апостолъ ненасытится, такъ напишетъ: но кто знаетъ, что ни-когдашній, ненасытимый и неутомимый, не изсохнетъ отъ дѣланія тщетворнаго вотра, и возрастетъ, и принесетъ вожделѣнные плоды? кто знаетъ, что немощный человѣкъ устоитъ неколебимо противъ соблазновъ и искушеній, и что сила Божія, явленная пребывающее въ немъ, вполнѣ не покажется будетъ изъ сокровищницы сердца его древнимъ врагомъ человѣковъ? Итакъ ни насладайся что есть, ни напаяй, но возрадуйся Богъ. Ибо всякъ человѣкъ о себѣ славится, слава его ничтожна есть.-

Живо и основательно!——

Мысли при начатии нового года.

Новый годъ, ~~с смертью~~ есть ~~для тверди~~ новый залогъ бѣдствій смертности. — Что бываетъ со всего природою, если либо Творецъ намѣнитъ отвратить отъ нея взоръ свой, и прекративши дѣйствіе своего промысла оставить ее собственнымъ ея силамъ? Представимъ образотворительныя ~~силы~~ начала ~~потерявшія~~ количество, изъ котораго плодъ ея вспомогаетъ благой виѳрдитель; и всѣ сіи законы, которыми стихійная мудрость ограничиваетъ столько могущества, не исполнены подвержены бытія ея. — Тогда и тебѣ, сіи горделивыя и вольныя неблагодарныя творенія, и тебѣ, гордый человѣкъ подавлены быть развалинами прекраснаго твоего Отечества. Исполни по своей обязанности, ты не инако можешь предотвратить отъ твоихъ сію ужасную язвину всеобщаго разрушенія, какъ въ супругахъ отдѣленной бурливости, по недовольному очевидности настоящей, чтобъ напомнить тебѣ о твоемъ участіи? Не довольно гробовъ, въ которыхъ нынѣ грѣхъ тебѣ подобныхъ, не довольно сихъ безмолвныхъ, но краснорѣчивыхъ вѣщателей, дабы научить тебя познавать свою слабость? Воззри, какъ смерть неумолимая всегда питаетъ сорокъ пожираемой вѣчностью пустоты; смотри, какъ сей невидимой тѣнь крадется въ непроницаемую для человѣческихъ храмину сокровища, чтобъ не сокровища у него, но его самаго похитить у сокровища; прими тѣмъ, какъ онъ испортитъ у Кесаря душу, тогда онъ думаетъ истерзанную бренныя остатки вольности у сокрушенія. — Прими тѣмъ — и въ

глубинѣ сердца сознавшейся, и устами исповедуй, ~~что и тебя жизнь въ рукахъ единаго Бога, и что~~ не только годъ, которымъ угодно его милосердію ~~продлить~~ ~~продолжить~~ этотъ твой, но и каждый день, и ~~день~~ каждый часъ, и ~~въ часу~~ каждая минута есть для тебя новое побужденіе къ прославленію и благодаренію Того, Кто есть Сый, о немъ же есть написано, Единаго и Вѣчнаго. —

Но благодареніе ограничено однимъ словомъ, и неотрывное на этомъ, есть болѣе всякой мѣрой святаго имени Божія, нѣжели христова достойнаго и удовлетворительнаго для Сердцевѣдца. — Такова воля Всевышняго, что только порядочное и правильное дерзаетъ его употребленіе можетъ быть пріятнѣйшею для него ~~съ нашей~~ стороны благодарностію. Вотъ мы благословляемъ Провидѣніе устроившее для нашей жизни, и между тѣмъ жизнь не соотвѣтствуетъ цѣли нашего бытія; только показываемъ, что мы любимъ христіанъ, и недостойны ихъ наименованія. — Когда бы нѣжный отецъ, съ намѣреніемъ пригвоздить, послалъ, на страну далеча, своего сына, на конецъ возвзвать его паки въ родительскій кровъ; что подумали бы мы о его сынѣ, если бы онъ, вмѣсто того, чтобъ спѣшить въ страну его рожденія, въ объятія отца его любящаго, въ кругъ единоплеменъ, въ кругъ братій своихъ, поверженся и благожелательствующей подъ руку того, сіяющаго всѣми благими родителя, ~~если бы~~ "неблагодарній", забывъ священныя права сего дышащаго его въ вѣковѣчномъ его днемъ, пренебрегши долгъ сыновней покорности, загрузившимъ въ сердцу своемъ ~~имъ~~ врожденной любви къ странѣ отечественной, ослѣпительной красотѣ отца его, — расположился въ странѣ пришельства своего такъ, какъ бы онъ въ ней родился, такъ, какъ бы ему никогда не надлежало ее оставить? — О человѣкъ! чтобы тебѣ сбыть въ глазахъ человѣковъ, помни, что ты сынъ Отца, иже есть на небесѣхъ, Отца, который послалъ тебя на страну міра сего не въ тѣмъ, чтобы ты утвердилъ въ немъ свое погруженное пребываніе, но чтобъ первый шагъ твой на землѣ былъ уже приближеніемъ къ небесамъ, Отца, которой для сего ознаменій, долженствующаго составить порфиросное для Агнцевъ, послалъ тебя подъ сѣнію времени не съ тѣмъ, чтобы ты содѣлалъ изъ нея для себя домъ, но чтобъ, путешествуя на распущенныхъ свѣтлыхъ дней и годовъ сего бурное море настоящаго втока, непрестанно направлялъ ты ее къ селеніямъ горнимъ, и у предѣловъ ихъ оставилъ какъ вещь для тебя болѣе, безполезную. — Увы! бытіе наше ограничено временемъ; вѣчность — назначеніе наше, удѣлъ нашъ, — честь наша: блаженъ кто живетъ въ временномъ для вѣчности!

~~Но горе человѣку сидящему во времени для~~ ~~не возвратного~~ ~~невозвратно пропавшаго~~ ~~вѣчности, горе~~ ~~человѣку~~ ~~для~~ ~~вѣчности!~~ Но горе человѣку сидящему во времени для вѣчности! горе человѣку, не достигающему конца своего существованія — горе тебѣ, странникъ! ослѣпленный тѣмъ, что есть ограда на отца твоего. увы! ты коснишь въ состояніи не помышляя о твоемъ долгѣ; преклоненъ по землѣ, неотрицая взора на небо; ~~непрямо~~ внутреннее вѣщаніе совѣсти напоминаетъ тебѣ,

что не весь ты отъ міра сего; блаженному забвенію
съ испокон веку благо предпочитаешь ту
движущую изступленій, и тщетно изъ нихъ смертоносную
для души твоей воду; надѣй твоей жизни отличить
поспѣшно отъ сѣмянъ зловонныхъ и ядовитыхъ строевъ
и не течетъ ко граду святому, граду исполненному
славы Отца твоего – что я говорю? ты незнаешь
благое Отца своего; ты рекъ камню: отецъ мой
ѣси, и древу: ты мя родилъ еси. – Трепещи, нѣкогда
богосрдый! ибо не, гдѣ ты укрываешься отъ лю-
бви Отца твоего, не укроетъ тебя отъ его гнѣва;
оне его достоянія, зрятъ все повинуется мановенію
воли его; и по его повелѣнію готово отторгнуть
тебя насильно отъ земли, къ которой ты столь
ко прилѣпился, и представить предъ очи, – не мно-
Отцу сердобольнаго, который ласкамъ нѣжнѣйшимъ
только рѣзъ привѣтилъ тебя къ недрамъ своимъ, – но
судій неумолимаго, который взыщетъ отъ тебя
до послѣдней полушки изъ сокровищъ, данныхъ тебѣ
его щедротами для твоего къ нему возвращенія,
минуты изъ сихъ дней и годовъ, которыя тебѣ
ужели тебѣ употребить на путешествіе къ отчизнѣ,
ности, и которыя ты погубилъ для одного
времени. –

Не простирая взора въ вѣчность, всякій можетъ
видѣть, сколько теряетъ въ самомъ времени,
тотъ, кто живетъ для одного времени. – Всѣ
заимствуютъ свѣта луну отъ ихъ употребле-
нія, одно и тоже можетъ человѣкъ содѣлать для
себя полезнымъ и пагубнымъ. – Спасительное
врачество необращенными въ ядъ неизмѣ-
нудетъ его употребленія, и мечъ острѣйшій
безопаснѣйшій предметъ цѣлостенъ, необнаженъ

ли въ рукахъ безумнаго собственнаго его кро-
вію? – По назначенію судебъ Вѣчныхъ время дол-
жно руководствовать человѣка къ вѣчности. –
Ежели мы, покоряясь сему непремѣнному и
для насъ благотворному закону, не прикова-
ми нашего сердца къ чему либо временному,
естьми попользуемся временемъ такъ, что оно
не замедлитъ, и ускоритъ наши шаги къ
вѣчности; тогда и время, по мѣрѣ того, какъ
притѣсняетъ насъ къ цѣли нашего бытія,
какъ бы распространяетъ всѣ доли того блажен-
ства, къ которому оно долженствуетъ насъ
привести. – Тогда, душа вторая, ты чувствуешь
себя въ своей стихіи; ничтоже инуде отъ
тленныхъ благъ міра, пожидишь себѣ оби-
тованій и преизбытокъ: тебѣ обильнѣе чѣмъ,
кто есть всѣ; тогда не бываетъ тебѣ горести
пріятностей твоего, и дышешь отечествен-
нымъ воздухомъ. – Что значатъ всѣ утѣхи
и похоти плотскія, и похоти очесъ, и гор-
дости жизненной предъ сими краткими ве-
сеніями тебя исполняющими? Правда, сіи
щастливыя минуты рѣдко возрастаютъ въ
часы, но тебя не смущаетъ сіе неспокойство,
которое ты принимаешь для себя неудо-
бнымъ, пока не возвратишся къ тому, у
него нѣтъ времени, ниже пространства
сильнѣе. – Ты радуешся въ сихъ страданіяхъ
твоихъ, и минуты прискорбія не промы-
ляешь на пустый счетъ нечестивца, имѣю-
щаго въ рукахъ своихъ всѣ красоты міра. –

Полнику духовныя радости происходящія

не отъ лени, и не время дарует ихъ человеку, но отчасти какъ бы препятствует имъ свить на жизнь его; то очевидна сама собою, что мірозданіе не можетъ, и ему недано существовать небесной ихъ сладости.— Одна вечность знаетъ время способныя для человѣка; и для тѣхъ, кои не успѣютъ для вечности, не имѣютъ общенія съ вѣчностію, не приготовятся къ вечности, сказалъ Духъ святый время, что остается въ самомъ времени?— Скорбь среди всѣхъ увеселеній, бѣдность среди обилія, язвы среди всѣхъ врачеваній, гореспи среди утѣхъ, узы рабствой среди своеволія, гладъ среди пресыщенія, жажда среди источниковъ, урокъ среди шумнаго развлеченія, отчаяніе среди мостивыхъ надеждъ, пустота въ сердцѣ среди наслажденій —; сумракъ суетностей во всемъ, чѣмъ тщится нужевой міръ привлечь его въ залѣ-ній себя самаго и своей долговѣчности.— И отъ сего-то происходитъ, что время для людей не шутитъ упованій есть тяжкое, неудобоносимое бремя.— Напрасно ищутъ они обольщать себя самихъ, и во вліяніяхъ предъидущихъ: познаній себя для нихъ ужасно, міръ потерялъ въ глазахъ ихъ свои прелести, и никакія очарованія его не могутъ болѣе имѣть дѣйствія надъ сердцами истощенными.— Нещастные! они расточаютъ сокровища свои, хотятъ расточить время, и возбужденіе при всей своей плодовитости отказываются изобрѣсти для нихъ средствъ съ пріятностію успѣвать часы ихъ долги.— Несчастливы! прежде рождества они не провѣсть, что недалъ имъ продолжительнѣйшаго вѣка; теперь вопіютъ, на небо зо то, что каждая минута содѣлалася для нихъ вѣкомъ.— Мнѣ праведный Боже во зло употребляющихъ время наказывать самымъ временемъ!—

Міръ представляетъ намъ необозримое море, окаймленное предѣлами вѣчности; всѣ мы течемъ по пространству его; но одни изъ насъ имѣютъ въ виду одинъ берегъ на всегда предпочтенную себѣ цѣль, а другіе живутъ, чтобы тѣмъ, безъ противленія и опрометчивыхъ ударовъ отдѣлиться напротивъ отпустить;— отъ того одни скоро или долго достигнутъ необуревѣстнаго пристанища, другіе можетъ быть близки уже къ бѣдному погибѣли;— и при всемъ томъ нельзя, кажется, думать, что теченій первыхъ сопряжено съ бѣдствіями, печалями и горестями, нежели тѣхъ, кои ожиданій послѣднихъ, и что весьма человѣку стремленъ путь, его ожидаетъ его смерть, или жизнь мятущаяся смерти, нежели ея тишина вѣчнаго живота, спокойствія и блаженства.—

Ежели когда, то нынѣ при началѣ новаго года надлежитъ всякому разумѣть, куда направлять онъ свое плаваніе.— Нѣтъ нынѣ долженъ всякій обратить взоръ на протекшій дни свои, и въ полной мѣрѣ чувствовать важность его правила: употребить время на то, на что Небесный Отецъ даруетъ его человѣку.— Хотя незнаемъ числа временъ, но не увѣренъ, что имѣ должны мы снискать себѣ вѣчность; тотъ не ошибется, кто драгоцѣннѣйшимъ даромъ блаженства Божія, кто не

простирается сосцы камней за предѣлы гроба, и оживетъ во время оно такъ, что спрашивается жить онаго. И наконецъ тѣмъ не можетъ достойно возблаговѣстить Бога, благополучившаго явить промысломъ сохраняющаго его жизнь, кого настоящая жизнь удаляетъ отъ Бога, удаляетъ отъ сего единственнаго и высочайшаго блага, какого только естественно желаетъ человѣку, и приближаетъ къ аду, приближаетъ къ участи ужасной, неминуемо достигнутой нарушителемъ порядка Творцемъ предустановленнаго.—

Изрядно.

Legi, et commendavit Cubens
a Sancto.

О Богодухновенности Апокалипсиса и отношеній его къ составу священныхъ книгъ.

Доказывается Божественность откровенія Іисуса Христа есть море, что доказываетъ Божественность Бога.—По совопросникъ отвѣта сего вопитъ: какъ иного людей мерзу имѣлъ и Богомъ, и никому мы отвѣтствуемъ, что никто не узритъ Бога и живъ будетъ; что Богъ хощетъ открывать человѣкамъ волю свою только чрезъ человѣковъ возвысившихся превыше человѣчества, что сіи необыкновенные мужи очищаются и освящаются отъ употребленія мастерски къ великое служеніе избранныхъ сосудовъ и благозвучныхъ органовъ Св. Духа; и что сихъ-то святыхъ Божіихъ всякое пророчество книгъ по своему сказанію подобаетъ. Прославленные и вдохновенные свѣтомъ, они не своего глагола хотятъ, но Духъ, который творитъ въ нихъ и желаніе и исполненіе, Духъ дѣлаетъ или чуда и премудрость для возвышенія паки истины, которыя знать намъ необходимо,—незнать—спасительно, не хотѣть знать—воля сатанинская. Это суть чрезвычайные посланники Божіи, которымъ Отецъ отъ вѣка воздвигнетъ во благовременіи для привлеченія къ себѣ отпадшихъ отъ Создавшаго твари; это суть служители Добраго Пастыря душъ, которыя по его велѣнію являются въ дебрь человѣческаго міра, ищущіе заблудшихъ словесныхъ овецъ, чтобы привести ихъ во дворъ овчій святыя церкви.—Таково

происхожденіе въ вѣчномъ завѣтѣ Пророковъ, въ пѣсняхъ Евангелистовъ и Апостоловъ. — Св. Іоаннъ прошелъ весь сій сотворенный міръ Духомъ Божіимъ: въ Евангеліи своемъ онъ — Евангелистъ, въ посланіяхъ — Апостолъ, и Пророкъ въ Апокалипсисѣ. Итакъ самое имя Іоанна, единаго отъ исполненныхъ Св. Духа, — имя непогрѣшнаго Христова, которое Богочеловѣкъ учитель еще во дни плоти подалъ хранителямъ вѣчныхъ душъ своей, — имя Свидѣтеля словеснаго Бога, и за свидѣтельство сіе претерпѣвшаго заточенія, — зло, которое Іисусъ Христосъ обратилъ въ несокрушенное благо для своей церкви, — самое имя Іоанна напоминаетъ Апокалипсисъ Знаменій, и Апокалипсисъ Знаменій — имя Богочеловѣческаго происхожденія.

Но подлинное комментарій споръ его простираетъ далѣе споръ свой, и видитъ въ семъ откровеніи, яко въ зерцалѣ, непреложное присутствіе настоящихъ подвижниковъ Христовой церкви, — пустынножителей, отшедшихъ славы осязательныя, предсказанное въ царствіе закона, пророчествомъ, изъ коихъ одни совершившись, другія совершаясь въ царствіе благодати, собственнымъ своимъ ручаются за сію, имѣющихъ разгорѣвшимися въ пустынѣ славу; видитъ на востокѣ восточной церкви сдвигнутый съ мѣста своего, видитъ десятидневную скорбь церкви Смирнской въ болѣзняхъ долгихъ, Римскихъ гладскихъ; видитъ, что единый Духъ оживляющій и воскрешающій въ тѣлесномъ видѣніи Іоаннѣ, безсмѣнномъ и далѣе, далеко и въ Іоаннѣ, — видитъ и заключаетъ: если обыкновенный человѣкъ можетъ имѣть говорить сими словами только живымъ подвижническимъ, проницающимъ до глубины душу: то и все слово Божіе не будетъ ли только словомъ человѣческимъ? Если сіи видѣнія не что суть, какъ плодъ воспаленнаго воображенія; то не отгадали ли пустынники и видѣнія всѣхъ Пророковъ? — Теперь моя вторая вторая — единое твердое основаніе спокойствія моего духа: или лучше — вѣдь мой разумъ, чего и разумъ знаетъ, что никто не можетъ нарицаться не сущимъ яко сущимъ, и что пророчествующій, настоящій и будущій видѣлъ всѣ единъ Вѣчный, — въ двенадцати своихъ сосредоточенныхъ силы и всецѣлостныхъ, и всего единаго либра и нравственнаго, и всего единая всеобщая сила, и перемѣнныя пріемлющая, и смертной и плотяной человѣческій родъ направлять къ единому концу, универсальному его нравственному и пространственному, Духомъ образомъ откровеніе, даруемое Іисусомъ Христомъ Іоанну, запрещаетъ само себя. Имѣй ухо да слышитъ, что Духъ глаголетъ церквамъ, и имѣй око да видитъ, какіе чудные перевороты только въ своей, изъятыми отъ міра земнаго, и имѣй умъ, да постигнетъ славы пустынь Апокалипсическихъ, пророчествующихъ сердца горѣ и пламенѣющія возбудитъ огнь пламеннаго сего человѣка!

Но естьлибы книги сіи заключали въ себѣ
дать такій пророчества, коихъ исполне-
ніе служитъ предостаточнымъ свидѣ-
тельствомъ, Христосъ ли тогда отвергнетъ
она имѣетъ божественное? напротивъ
она имѣетъ потому и божественное, что
находится въ состояніи книгъ, о Хри-
стѣ свидѣтельствующихъ, и что
составляетъ необходимую часть его
церкви, что безъ нея все оста-
лось непонятнымъ и недокончательнымъ.
Ибо что есть Библія? Священная книга
великой Церкви сколпа и основа
нія истины. Что есть Библія? Собраніе книгъ
боговдохновенныхъ, въ которыхъ
Духъ Божій открылъ человѣкамъ
безпредѣльную любовь Творца и от-
кровеніе Его спасенія. Что есть Библія? Исторія дѣлъ Отца
Сына и Духа Святаго въ мірѣ между людьми древними и Новозавѣтными,
безпредѣльныя благодѣянія Божества
человѣчеству, которое раскрывалось только
постепенно, по мѣрѣ развитія человѣка
Библія? Исторія Божественнаго домостроительства
Божія благословеніе всѣмъ народамъ
земнымъ. Воля Божія благословенія, которая
открылась только
избранникамъ Божіимъ, и наконецъ во Христѣ
явила человѣчеству новое древо Жизни.

Жизнь, страданія, смерть и воскресеніе
Іисуса Христа — это во умѣ Божіемъ
тѣсной узелъ, который долженъ былъ
ему спортивнѣйшій. — Одинокій онъ
остается еще долгое до времени, и уз-
лишь пять столѣтій благословеннаго.
Христіане — люди обновленія носятъ
еще въ сердцѣ своемъ рано зрѣлое, ко-
торое для многихъ двѣнадцати, смер-
тельнѣйшій. Искупитель отверзъ
крестомъ своимъ человѣчеству рай,
но человѣчество еще на пути къ
заслуженному для него Своимъ Богочело-
вѣкомъ, и на уколъ пути семь
страданій, находитъ пламенеющій.
Многіе падаютъ подъ бременемъ под-
виговъ, и укоротятъ на широкую
дорогу, ведущемся добраго ора-
ніе человѣковъ. — Все сіе показываетъ, что
еще не полонъ колосъ зрѣлыхъ людей
Вѣчныхъ Божіихъ, и только
Божій часъ пораженъ, что восполнѣ
его есть полное что какъ приго-
товленіе къ послѣдующему неде-
лю. Все сіе являетъ очамъ вѣры
Духа великаго и просвѣщеннаго дня,
когда тяжкое сіе обличеніе въ не-
вѣріи и смертное сіе обличеніе
въ безсмертіе, и когда избранный
Богъ въ лицахъ радованій и весе-
лія отвѣчнаго востока торжествен-
ную тѣсь подъ ноги Божіи.

смерти? гдѣ жало, смерте, твое? гдѣ ти,
аде, победа? — Ликуйте! Сопарѣйся Бо-
гоу Вседержителю.

Мореніи для Христіанской души
бѣлый тотъ пиѳ̀дъ усладительнѣйшей
надежды явленія Свѣта Бога отъ полу-
денныя страны Діаволовой,
когда вся тварь, по слову Апостола,
воздыхаетъ такожде? Явленій славы Ве-
лика Бога нашего Іисуса Христа — упованіе
Церкви — откровеніе, въ которомъ зримъ
Агнца закланнаго предъ сотвореніемъ міра
сіяющаго до основаній славу Вышняго,
и градъ святыи, Іерусалимъ новый при-
готовленъ яко невѣсту украшенную
мужу своему. — Для чистыхъ чистою и
церкви? — Апокалипсисъ есть, такожде
есть разсѣяна, въ отношеніи къ хотя-
рой прочія св. книги суть только при-
готовленіе. Имъ заключается весь ход
мыслей судебъ Божіихъ о возстановленіи
падшаго человѣчества. Посему тревожно
бъется сокрушенная? и будетъ болѣ
да будетъ. Церковь захочетъ уступить
мѣсто царствію благодати, за царст-
віемъ благодати грядетъ царство
славы, которое пребудетъ отныне. —

Veni Sancte

1.

О пользѣ словесныхъ наукъ.

Наука словесности есть собраніе правилъ руководствующихъ къ изящному выраженію мыслей ума и чувствованій сердца. Это совокупленіе, приведеніе въ порядокъ опыты творцовъ всѣхъ временъ и народовъ, творцовъ, которыхъ имя достоинствомъ удивляетъ мы открываемъ и проложеннымъ ими путемъ къ достиженію одинаковой съ ними цѣли одинакими средствами, или находя въ произведеніяхъ ихъ нѣчто такое, что не согласно со всеобщимъ и непремѣннымъ закономъ здраваго вкуса, научаемся избѣгать сами подобныхъ погрѣшностей. — Правда, изъ сего понятія и происхожденія словесныхъ наукъ видно, что онѣ позже родились и возникли, нежели словесныя произведенія. Гомеръ — отецъ поэзіи въ чудесномъ твореніи безсмертной Иліады руководствовался однимъ своимъ геніемъ; и прежде нежели Аристотель изложилъ законы изящныхъ искусствъ безъ сумнѣнія были великіе витіи, кои волшебствомъ дарованія, слова преклоняли упорные умы, смягчали грубыя сердца, воспламеняли въ людяхъ страсти, и давали имъ направленіе по своему произволенію. — Чтожъ можно изъ сего заключить невыгоднаго для науки? Сіе доказываетъ одно то, что мы по долгу научаемся и отыскиваемся умные изъ разсматриванія совершенствъ или недостатковъ нашей слабости, или то, что дана человѣку благая природою способность творить

изящное независимо отъ изслѣдованій. Но когда Гомеръ не читалъ Аристотеля, — то ужели писалъ безъ правилъ? и если сіи заключались въ его умѣ, то не всеми равно, какъ естьли бы они лежали написанныя предъ глазами его? —

Подобнымъ образомъ и все, чѣмъ стараются острить или словесныя науки въ кругѣ искусствъ изящныхъ, по зрѣломъ изслѣдованіи разума, является невсегдашнимъ, безсильнымъ ухищреніемъ остроумія, желающаго блеснуть не вовсе. — Напротивъ кто изслѣдываетъ истину безпристрастно, безъ всякихъ видовъ личности, тотъ на вопросъ: природа, или наука? болѣе участвуетъ въ произведеніи и образованіи великихъ творцевъ, безъ сумнѣнія недастъ съ Горація первой никакого преимущества предъ подагнемъ: ибо хотя искусство не можетъ замѣнить недостатковъ природы, но и природа требуетъ помощи отъ искусства, дабы пріяти въ надлежащій степень зрѣлости и совершенства.

Въ царствѣ изящныхъ наукъ владыка самовластный, все устрояющій, все объемлющій, все похваляющій суду своему — есть вкусъ. — Безъ сумнѣнія рука единой природы влагаетъ въ наши сердца сію способность чувствованія впечатлѣнія производимыя изящнымъ. — Но сколь маломощна сія способность въ человѣкѣ лишенномъ свѣта наукъ! Онъ поражается однимъ сіяющею наружностію, не чувствуя красотъ внутреннихъ; нужны предметы колоссальные, величественные, дабы возбудить отъ дремлющія его

думу. Но чѣмъ ограниченнѣе и тѣснѣе кругъ дѣйствованія вкуса въ человѣкѣ рукоѳодимомъ однимъ природою, тѣмъ обширнѣе онъ въ томъ, кто посредствомъ науки умѣетъ умножить его удобопріимчивость и тонкость. — Искусствомъ вооруженный взоръ естествоиспытателя видитъ чудеса природы тамъ, гдѣ простое око находитъ одно обыкновенное; — думу его исполняютъ всѣ явленія, при видѣ коихъ другой остается равнодушнымъ; сухотою попираемый нами — онъ находитъ сладкую пищу для его духа. — Такожде дѣланіе имѣютъ и словесныя науки на вкусъ. — Образованный и усовершенствованный умъ видитъ въ произведеніи красоты сокровеннѣйшія и недостатки ускользающіе отъ взора непросвѣщенной толпы; не только замѣчаетъ прекрасныя обличенія истины, но разсматриваетъ ихъ со стороны справедливости, со стороны порядка, по которому они одна за другою слѣдуютъ, со стороны отношенія ихъ къ единому общему концу произведенія, — и чѣмъ долгое простирается въ таковомъ изслѣдованіи, тѣмъ многообразнѣйшія и поразительнѣйшія встрѣчаетъ изящества. —

Человѣкъ, по ограниченности природы своей, изъ стѣсненія одной крайности всегда подверженъ опасности впасть въ другую противоположенную первой. — Самый усовершенствованный вкусъ можетъ подвергнуться и превратно-

ся въ ложномъ, если мы не воспользуется пособіями науки, показующей ему истинный путь, которое единое недопуститъ ему держаться, дабы не соскользнуться въ распутія. — Такимъ образомъ правила предотвращаютъ вкусъ отъ принужденности, которая, какъ тлетворный вѣтръ изсушаетъ цвѣты, повреждаетъ всю красоту творенія, и которая всегда была плачевною причиною упадка словесности. Такимъ образомъ правила предостерегаютъ вкусъ отъ утонченности, которою зараженный, подобно какъ спящаго въ разслабленной безпокоитъ малѣйшее движеніе потерявшаго равновѣсіе воздуха, въ измѣненіе раздражительность отъ малѣйшихъ погрѣшностей въ словесныхъ произведеніяхъ, и ничтожныя недостатки почитаетъ непростительными пороками. Такимъ образомъ правила предохраняютъ вкусъ отъ излишней удобопріемлемости, которая лишаетъ видѣть и чувствовать изящное тамъ, гдѣ нѣтъ его, научаетъ отличать истинную красоту отъ ложной, существенную отъ поддѣльной, не судить о предметахъ по народному мнѣнію, не по ихъ внутреннему совѣршенству.

Если наука оказываетъ столь великія заслуги вкусу, какъ чистой способности художествовать изящно, то не меньшую приносятъ они ему пользу, когда примѣненный къ словеснымъ произведеніямъ получаетъ отъ названной критики. Сужденія, неуправляемыя законами здраваго ума обезславили почтенное имя критики. Одни, показывая, что судятъ о сочиненіи въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ не судятъ только сочиненія; другіе непричастные строгимъ духа пристрастія, но не имѣя довольныхъ способностей и сведеній, дабы соотвѣтствовать въ полной мѣрѣ долгу критики, или были слишкомъ поспѣшны и разсматривали одну поверхность сочиненія, не заботясь проникнуть въ его внутренность; заключали по однимъ недостаткамъ многочтеніе; или судили о истинахъ, не упражняя въ разсужденіи взаимной ихъ между собою связи и отношенія; или смотрѣли на предметы не изъ одной съ сочинителемъ точки зрѣнія: и отъ того произошло толикое множество критикъ ложныхъ, сужденій, которыя въ свой чередъ сами были осуждаемы. — Наука врачуетъ зло сіе, постановляя законы, сообразно съ коими надлежитъ разсматривать творенія, и указуя признаки, по коимъ отличается критика справедливая отъ критики незаконной уничтожающей единственно ея повреждені. —

Сего не довольно. — Самый геній, — сія творческая способность возносящая человѣка превыше человѣчества, самый геній, хотя не всегда, однакожъ нерѣдко покоряется себѣ въ послушаній

науки. Неподражаемый въ своихъ достоинствахъ, подверженъ онъ и заблужденіямъ необходимымъ. Пресѣченіе первыхъ его влечетъ за собою тѣмъ болѣе жалкое паденіе. И въ сіи-то паденія наука подаетъ ему руку помощи. Не смѣя остановить его въ исполинскомъ шествіи, не дерзая прервать ему въ жару восторга, она пользуется минутами покоя и хладнокровія, дабы обратить его вниманіе на собственныя погрѣшности и подать наставленіе къ ихъ исправленію. —

Но геній не только получаетъ отъ искусства законное направленіе, онъ въ свою очередь иногда образомъ своимъ. — Если существуетъ такой въ человѣкѣ необразованномъ, то не иначе, какъ захватитъ многолюдное древо въ маломъ семени. Потрудись рука вертограда, которая бы соединивъ съ силами природы искусство привела оное скоро въ состояніе развитія. — Итакъ наука, которая бы могла создать витію или стихотворца того, кому природа неизмѣнно щедрыя дарова своихъ, равно какъ могло искусство составить золота изъ частицъ чуждыхъ ему. — Но достоинство и польза истинной, основанной на разумѣ науки — несомнѣнны: ибо она очищаетъ, образуетъ, усовершаетъ то, что заготовлено природою въ умѣ и сердцѣ человѣческомъ. —

Пресняковъ

Какое вліяніе имѣло мученичество на первенствующую церковь.

Никогда Христіанская Церковь не являлась въ столь поразительномъ свѣтѣ боголѣпности, какъ въ тяжкія времена гоненій, когда Князь тмы подвигъ всѣ темныя силы, дабы разрушить бдительно возрящихъ и для нихъ гибельное царствіе благодати. Для сего вѣрія чудесе крестъ Христовъ казался соблазномъ и разореніемъ закона; мудрость Елинская видѣла въ ученіи Христіанъ одно юродство опасное для ея славы и вмѣстѣ съ обычаями нѣдръ ученія; корыстолюбій язычниковъ грековъ, возмущенный проповѣдію Евангелія, проходящаго всю землю, связи молчаніемъ ихъ прорицательницъ; Римскіе императоры были или такъ безумны, что никакого дѣла Христіанскаго не знали, или такъ умны, что признавали мирную вѣру человѣколюбивою съ кротостію, спокойствіемъ и безопасностію вѣчной власти своей. Итакъ весь міръ возсталъ противъ вѣры Христовой; но поелику сія вѣра сильнѣе богами побѣдила весь міръ: то гоненія и мученичество служили только къ умноженію славы ея, къ подтвержденію того Божественнаго слова, которое они произнесъ въ свидѣтельствованіи противъ Іудейскаго сонмища: Лукъ дѣло сіе отъ бога есть, не можете разорити то Дѣян. V. 39.; къ укрѣпленію вѣрующихъ, когда они видѣли столь человѣческое знаменіе небеснаго происхожденія вѣры своей, къ тѣснѣйшему ихъ соединенію союзомъ любви, къ украшенію Церкви и ея назиданію примѣрами неборимаго мужества, непоколебимаго

дерзновенія и любви ко Христу крепчайшей нежели смерть, къ сохраненію въ ней силы благочестія, состоящей въ непрестанномъ крестоношеніи, къ ублаженію самыхъ гонителей въ сущности и тщетныя усилій ихъ противоборствовать могуществу Божію, къ обращенію ихъ ко Христу, къ распространенію Христіанства и къ ускоренію торжественной побѣды его надъ язычествомъ, и къ уверенію тѣхъ, что богъ силенъ величайшее зло претворить въ величайшее благо, и что немощнымъ Богъ крѣпчае человѣкъ сильныхъ.

Отче наш!

1 Ст. 07. 1816.

31

Можетъ ли человѣкъ, не исправляющій себя внутренно, исправлять другихъ поученіемъ?

Если никто не можетъ дать того другому, чего самъ не имѣетъ; ~~никто~~ то конечно паче не можно тому вдохнуть въ сердце человѣка добродѣтели, кто не старается очищать душу свою отъ нечистоты порока. – Слово тогда одинъ звукъ, когда не одушевляетъ его чувство; чувствой принужденное изключаетъ само себя. Можно ли кому убѣдить въ томъ другихъ совершенно, въ чемъ самъ увѣренъ только въ половину? будутъ удивляться силѣ краснорѣчія, но не почувствуютъ силы витійствующаго въ простотѣ благочестія. ~~Поэтому~~ Апостолъ Павелъ называетъ людей звенящею и кимваломъ звучащимъ тотъ языкъ, которымъ не ~~управляется~~ говорится самая любовь. Проницаетъ до глубины сердца только то, что изъ глубины сердца исходитъ. Только благій человѣкъ износитъ изъ внутренней сокровищницы своей благое; а у кого сія сокровищница пуста, или наполнена идольскими образами нечистаго воображенія и безаконныхъ страстей, тотъ что добраго можетъ изнести изъ него? Мы не должны здѣсь смотрѣть на Демосѳеновъ и Цицероновъ; они были люди земные и плотскіе, говорили предъ земными и плотскими, о вещахъ земныхъ и плотскихъ: посему можно было имъ на нѣсколько минутъ возбудить въ себѣ ~~нѣкія~~ потрясенія ~~ихъ~~ чувствованій, которыя питаютъ не нашими выгодами ни пользе, ни посмѣшного, но къ которымъ были всегда сно-

собны. Дѣло духовнаго исправленія не
таково; ~~неотложно~~ истины, которыя
должны проповѣдывать служитель Божія
слова не таковы, чтобы ему можно было
убѣдить ихъ, кто знаетъ ихъ тол-
ко по слуху. Кто не имѣетъ вкуса, тотъ
можетъ ли говорить о сладости меда?
хотя бы и часто когда имѣлъ его предъ глазами!
Кто лишенъ зрѣнія, тотъ можетъ ли
описать испещренныя цвѣтами
поле? хотя бы часто ходилъ по нему.—
Такъ не способенъ возбудить ~~внушить~~ въ другихъ
рѣвность сладчайшаго нектара и сота
благода Божія, кто самъ не ощущаетъ
оной сладости въ сердцѣ своемъ; такъ
не способенъ возбудить въ другихъ очи
другихъ къ созерцанію небесныхъ и ду-
ховныхъ красотъ, кто самъ имѣетъ
отвращенное грѣхомъ и помрачен-
ное сердечное око.— Можно обольстить ухо,
но сердце обмануть себя не позволитъ;
оно вѣритъ только сердцу, и хорошо только
своей языкъ знаетъ и понимаетъ;
~~внесетъ языкъ свои, что~~
усвоивши чудное наученіе, остается
невнимательнымъ и хладнымъ. Про-
повѣдь Апостоловъ была не въ премуд-
ростяхъ слова, но въ ~~какой~~ силѣ, ко-
торой не могли противостоять ни
Елины въ гордости своей, ни іудеи въ
ослѣпленномъ суевѣріи. Они были о-
рудія, которыми дѣйствовалъ Духъ
Божій; но только что
~~не всякое~~ орудіе можетъ пріять
подобное дѣйствій свыше, не всякій
~~которое~~
~~очищено~~ имѣетъ ему быть чисту, якоже Богъ
чистъ есть. Страшно слово сіе, но
истинно. И Діаволъ можетъ облекаться
въ Ангела свѣтлаго; но не можетъ, по-
добно Ангеламъ святымъ, творить
въ людяхъ Божіе волю. Естьли тотъ,
кто устами неизмѣннаго ревнителя
получилъ осуществившагося ~~въ~~ по пословицѣ-
ямъ пророка, и устами его пророка
возвѣстилъ славу имени своего,— явленія
и чины подобныя чудеса всемощной
силы; ~~свято~~ должно помнить, что
слово Божіе есть мечъ обоюдуострый;
что воля ревнителя для однихъ, для другихъ
въ тоже время можетъ быть вѣчнаго смер-
тію отъ смерти; должно страшиться, чтобы
проходя чрезъ нечистый сосудъ для ос-
вященія и утѣшенія человѣковъ, не ~~пре~~ сдѣ-
~~лалося~~ истребительнымъ и
~~не~~ погубительнымъ для
него самаго писаніемъ.—

Хорошо.

Чемъ отличается поэзія отъ краснорѣчія.

Слово, даръ небесный, которымъ человѣкъ видимо превосходитъ животныхъ ~~средствомъ сему~~ ~~подобнымъ~~, имѣетъ два начала, или два источника по числу двухъ способностей души мыслящей и чувствующей. – И вотъ происхожденій двухъ (видовъ) слова, – поэзіи и краснорѣчія, языка чувствованій и страстей, и языка мыслей. – Въ юные дни міра и человѣчества, когда природа являлась человѣку какъ въ лицѣ брачномъ, и когда человѣкъ взирая на ~~прекрасное~~ Красное вселенной, еще не совершенно-вѣсящу представляющее взорамъ его красоты новыя, неподражаемыя, въ ~~покровѣ~~ непостижимой таинственности, но тѣмъ обильное очарованіемъ, умѣлъ только изумляться, восхищаться, истекать въ сладкихъ ~~чувствованіяхъ~~ Чувствованіяхъ восторга; ~~тогда~~ языкъ его былъ языкъ страстей, языкъ поэзіи. – Но любопытному уму не навсегда надлежало остаться въ безпечности, блестящая поверхность вещей не навсегда могла удержать его вниманія; человѣкъ восхотѣлъ видѣть въ вещахъ ихъ внутреннія, восхотѣлъ постигнуть законы, по которымъ совершается все въ мірѣ дѣйствій, восхотѣлъ проникнуть въ закрытую мракомъ работницу храмину природы; увидѣлъ, постигнулъ и проникъ, кругъ свѣдѣній распространился, ~~и~~ свѣдѣній произошла безъ сумнѣнія обильнѣйшая польза; но въ тѣ время, когда столь многое пріобрѣлъ разумъ, столь многое упростило сердце, съ умноженіемъ познаній обѣщавшее чувство, и языкъ страстей

изліяніяся въ языкѣ мысляхъ. Такова по видимому происхожденіе краснорѣчія, и такова существенное его различіе отъ поэзіи. Основательнѣе, просвѣщеннѣйшій рисуетъ — ораторъ, воспламеняясь, разгорячаемое сердце — пѣснь. — Шиллеръ характеризуетъ Ораторъ и Поэтъ опредѣленностью его прочія въ характерѣ того и другаго.

Пѣснь, движущей одною страстію, нѣтъ дѣла ни до чего внѣ ея. Всеобъемлющимъ взоромъ проглядѣть онъ многообразное зрѣлище міра, и, остановляя безъ вниманія предметы обыкновенные, остановившійся на чрезвычайныхъ. — Тогда, естьли природа бѣднѣе истины въ своихъ красотахъ, что страсть находитъ въ ней всѣ для своего удовлетворенія; пѣснь довольствуется словомъ подражать. но естьли существенности и въ немъ дѣвица наполнить его сердце; — естьли на тяжеловѣсной рѣчи, въ тѣснотѣ строгихъ своихъ изображающей мысли, не видѣть и слышать, не чувствовать всѣхъ ея требованій, рѣдкохающихъ вѣками вѣчну, семью среди бурнаго моря, въ облакахъ воздымающаго ярыя волны, и потомъ разрѣшающаго ихъ объ утлыя скалы, — естьли Ода Трева носящаго отпусками, не слышно плачевнаго вопля людскаго, потерявшихъ всю надежду избѣгать гибели; тогда пѣснь переходитъ въ необозримую область возможнаго, дополняетъ недостатки въ природѣ изобрѣтеніемъ, умножаетъ ея красоты своихъ вымышленій, ея красоты новыми, ея красоты новыми украшеніями, одними словомъ, подражаетъ. — И не только дѣйствительности страстію сильнаго, не только тогда, какъ въ сферу наступленія видитъ, и землю новую, и небо новое, но и въ нѣжныхъ ощущеніяхъ кроткихъ и мирныхъ, пѣснь не менѣе

пользуется безпрекословною правою своею — преображаетъ природу и предполагаетъ вещи не такими, каковы они суть, но такими, каковы бываютъ быть, чтобъ мысли питать струятся его. Все получаетъ иной видъ подъ рукою поэзіи. Къ чему не прикоснется сія волшебница чудотворящею своею, все получаетъ жизнь. Съ нею и горы разсѣлись, и почтъ стануть въ ореолахъ своихъ о Великомъ Петрѣ; съ нею и земля скачетъ, и холмы перепрыгиваются радостію. — Все не пустой отголосокъ для ея слуха, и нарушась не пустой отголосокъ въ ея глазахъ. Въ угодность ея воли зимній морозъ предполагаетъ себя старикомъ, скинетъ шубу и сорвитъ съ обмороженныхъ своею рукою. Весенній воздухъ наполняется толпами игривыхъ зефировъ, въ рѣчкахъ плаваетъ Нереиды, въ лѣсахъ и рощахъ резвятся Нимфы.

Критическимъ такой языкъ всегда постояннымъ, основательнымъ, покорнымъ, вопіющимъ одного разума краснорѣчію. — Поэзія, веселая, младая и прекрасная дщерь воображенія; мы любимъ прогуляться ей всю ея молодость; но краснорѣчіе украшаетъ ее въ нашихъ глазахъ все свое достоинство, составляетъ позволило себѣ волшебность поэзіи. — Крайность сидѣть дитя заботливое гоняющееся за бабочкою перелетывающею съ цвѣтка на цвѣтокъ; но терпѣливой представивъ, нашъ алмазное до отверженія въ человѣкѣ достиженіе имѣть возвышенности. Какъ сей полубдній совѣсть другими, сими-ми смотрѣть на міръ; перемѣнъ какими

выразить менѣе точности; такъ и краснорѣчію надлежитъ судить о вещахъ неодинаковой и поэзіи тѣмъ зрѣнія. Пусть онъ изчерпаетъ всю сокровищницу природы; ей нѣтъ не позволяется что либо отъ нея перемѣнить, и тѣмъ менѣе творецъ приспособилъ ее къ обществу; природа изъ сокровищницы воображенія. Пусть ораторъ изображаетъ міръ во всѣхъ его отношеніяхъ тѣсныхъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; если и кажутся его въ его образѣ, онъ - худой ораторъ; но есть ли онъ всѣ его превосходитъ самый подлинникъ, - онъ - болѣе не ораторъ. - И почему-то не все, чтобъ не можетъ занимательно поэзіи, не имѣетъ быть предметомъ краснорѣчія. Между тѣмъ, какъ первая избираетъ для себя только одно цѣлое, послѣдняя можетъ заниматься всѣмъ; даже обыкновеннѣйшимъ; и когда та старается возвысить самое обыкновенное, сія достигаетъ своей цѣли представляя вещи въ, насколько, собственномъ ихъ видѣ. -

Нѣтъ его само собою видно различія между поэзіею и краснорѣчіемъ со стороны предполагаемой тою и другимъ цѣли. - Поэзія дѣйствуетъ на воображеніе, краснорѣчіе на разумъ. Первое [старается] желаетъ нашъ прельстить, послѣднее хочетъ насъ убѣдить и наставить. Имѣть [нарисованную картину] [живыя] картинами сельской жизни заключающихъ [царя] царя, окруженнаго славою, царя, коего [геніи] геніи преобразуютъ исполненіе, заключающихъ позволяетъ долго веселаго пастуха, веселыхъ стадъ, упокоеннаго въ своихъ [геніи-

ніяхъ, противъ врагова своихъ тихолюбиваго соловецкаго въ вторжении своемъ пѣсь, одинокихъ поступокъ своихъ въ безпристрастной пѣсь и кротчихъ овцахъ. - Но отличительнѣйшій такого рода, хотя любезныя быть славѣ, не могутъ однакожъ быть предпочтительнѣе: скоро существенность изъ предъ ихъ въ нашемъ сердцѣ, и мечты воображенія исчезаютъ подобно призракамъ сна въ тотъ пробужденія. - Проходитъ, подобно сну, и обращается призраковъ, возрастъ пылкой юности любящей себя обманывать. Тогда человѣкъ пресыщается съ [illegible] прельщеніями фантазіи, хотя и самое основаніе ее, предоставляя разсудку руководить разумное существо по покрытую стезю. - И [здѣсь-то] краснорѣчіе подаетъ ему руку, и [illegible] проведетъ прежъ нимъ цвѣтами нѣсколько трудной и часто пасмурной путь истины, - убѣдитъ, но не совѣтуетъ его скрасить. Какія бы краснорѣчіе ни позволяло себѣ украшенія, существенное его цѣлію остается существенная наша [геніи], просвѣщеніе нашего разума, направленіе склонностей нашего сердца къ единому добру. Но не хочетъ обманывать насъ, не хочетъ обманывать своего, относится на судъ воображенія, собственнаго для нашъ единаго подозрительность. Истинный ораторъ говоритъ тѣмъ, что забывая его лицо, слушаетъ имѣетъ авлисать только внутренній [геніи] свой совѣстникъ разума. И вотъ [illegible] по которому [illegible] слѣдуетъ

вкусомъ предъ другими Римскаго краснорѣчія мастерами ~~не выдерживающаго образца~~ об храмъ
~~суровъ~~ варварскаго вкуса. Цицеронъ въ своихъ рѣчахъ
слишкомъ много любилъ обращать на свое
искусство вниманіе народа; слишкомъ при-
лично, что онъ умѣлъ громкихъ рукопле-
каній, желалъ, чтобъ восхищался всѣ по-
ѣздомъ: это прекрасно! превосходно! – Напро-
тивъ Вальтеръ совѣтъ забѣгая прит-
чи нуждая слишкомъ любитъ краснорѣчіе,
лишь только обратитъ взоры Франціи
на бѣдственное потрясеніе этой Республики,
узнаетъ, чтобъ они сказали: пойдемъ, нака-
жемъ Франціи, коварнаго врага нашего
отечества. – Красота, краснорѣчіе часто и
имѣетъ дѣло съ человѣческимъ сердцемъ, а
поэзія часто предписаетъ уроки мудрости;
но несмотря на то и первое и послѣдняя
основаются тѣмъ, что они суть. Крас-
норѣчіе никогда не возбудитъ страстей,
не убѣдивши прежде разсудка; а поэзія,
~~хотя~~ ~~самъ~~ получаетъ, то ~~всегда~~ ~~для~~ ~~тѣхъ~~ ~~кто~~
~~краснорѣчіе~~; и если говоритъ разуму,
то всегда языкомъ страстей и воо-
ряженія. –

Поэзія еще водитъ своего любезнаго
имѣла спутницу своего музыку. При
торжествованіяхъ, торжествахъ и
праздникахъ издревле восхвалялись боги
стихотворныя пѣсни сопровождались
звуками лиры или свирѣли. Для лучшаго
согласія съ сими звуками ~~должны~~ ~~сло-~~
~~вныя~~ пѣсни должно было подчинить
изобличивши законамъ размѣра. От-

слова произошелъ отличій поэзіи отъ, по
которому она отличается отъ краснорѣ-
чія, – рѣчи тѣхъ свободно, подобно
рѣкѣ обильной водами. – Впрочемъ сія
вольность можетъ легко обманутъ, водами
въ разливной
поэзіи отъ краснорѣчія вооружающаго-
вается внутреннимъ чего и другой ду-
хомъ. Метръ Еврейской поэзіи хотя-
ръ – не духъ пѣснотворной сохранился
въ священныхъ Моисея и Давида; ~~краснорѣчіе~~
~~чего~~ мѣста въ подлинныхъ словахъ Обо-
слѣдства суть превосходнѣйшія и возвышен-
нѣйшія оды; между тѣмъ, какъ ихъ
бодрственно худо худой прозы. –

Legi, emendavi, probavi.

Почему Іудеи воспротивились ученію Христову.

Св. Апостолъ Павелъ глаголетъ, что душевный человѣкъ непріемлетъ яже Духа Божія: юродство бо ему сіе. Итакъ неудивительно, что ученіе Іисуса Христа, которое есть духъ и животъ, было для Іудеевъ юродствомъ: ибо и разумъ ихъ былъ плотскій, неспособный постигать истинъ всякій умъ превосходящихъ, и воля ихъ была плотская, нетерпящая проповѣданнаго Іисусомъ Христомъ новаго закона любви.

Отъ сего происходило и то, что они самыми неправильное понятіе о грядущемъ Избавителѣ. Боресловіемъ пророковъ ясно предвозвѣщающимъ, что подобаетъ Христу пострадати и тако внити во славу свою, что единственная цѣль его на землю пришествія долженъ состоять въ пришествіи Бога съ человѣческимъ родомъ, что царствіе его будетъ духовное царствіе борія въ сердцахъ, и откроется пылкостію Духа святаго на всякую плоть. но Іудеи понимали превратно сіи пророчества, и наконецъ тѣмъ утвердились въ чувственныхъ и плотскихъ мнѣніяхъ, что истиннаго Мессію, сильнаго борія, отверзшаго и умудрившаго. но немилосердый въ судбахъ своихъ Богъ содѣлалъ пророчества ихъ богатствомъ міра.

Коромо!

Какъ можно судить о крестовыхъ походахъ?

Человѣкъ таковъ по природѣ, что желанія его воспламеняются по мѣрѣ умноженія трудностей къ ихъ исполненію; а когда къ сему побужденію естественному въ Христіанинѣ присоединяется действіе вѣры; когда желанія его освящаются самою вѣрою: тогда ревность и мужество его возносится превыше всякихъ препятствій, опасностей и самой смерти. Но здѣсь ему представляется со стороны его самая великая опасность; – весьма опасно, чтобъ стремленіе силъ его не получило противнаго направленія, и чтобъ устремясь къ доброй цѣли не своротился онъ съ прямой стези въ распутія: ибо тогда произойдетъ столь же злое зло, сколько обильное благо произошлобы въ противномъ случаѣ. –

Крестовые походы суть изъ числа тѣхъ великихъ предпріятій, которыя внушаются пламенною ревностію и одушевляются сею вѣрою. – Поклонники Магомеда обладали Палестиною; Христіане стрѣдали подъ игомъ невѣрныхъ; Восточные Императоры были слабы возвратить имъ свободу и себѣ подданныхъ; западные Христіане встрѣчали величайшія затрудненія и опасности въ посѣщеніи мѣстъ освященныхъ присутствіемъ во плоти Сына Божія: вотъ побужденія, уже давно располагавшія сихъ послѣднихъ освободить Палестину; побужденія, которыя стоило Папамъ только оживить и привесть въ дѣйствіе, чтобъ произвести крестовые походы. – Представивъ себѣ ревность, возбудившую западныхъ Христіанъ на подвиги столь многотрудный, представимъ, какъ

мирные граждане всех состояний и достоинств тысячами друг к другу стекались к принятию крестного знамения, и как самыя жены и малолетныя дети, презрев все опасности и препятствия пути и возраста, стремились за мужами своими пролить кровь за Гроб Христов, — представить себе нельзя не удивиться могуществу любви ко Христу, которая вместе изгоняла страх — самой смерти. — Но, увы! сия святая любовь и сама в свою чреду была изгнана любовию другою, нечистою любовию к мирскому, корыстии и неправедному властительству. Тоже мужество, которым Крестоносцы ополчились против невернных, обратили они на братий своих; тем же оружием, которое изстрелили против врагов Христовых, пронзили чрево Христовой Церкви. — Какая та высокая цель, которую они предположили во основание своих дел? Какая та слава Божия, которую они предполагали в ней? — Потомство вопрошает их: если они имели намерение освободить жителей Палестины и очистить святую землю от мерзости запустения; то для чего бы имя, когда святая земля была в руках их, не исполнить обещания, данного ими Греческому Императору? Для чего бы, забывши не только долг Христианской любви, не чтущей своих-си, но даже обязанность гражданской чести, присвоивать себе законное наследие потомков Феодосия? Для чего бы Христиане, которые надеялись найти в них своих избавителей? Для чего бы вторгаться с вооруженною мечем в Константинополь, и нарушать мир Церкви неистовствами, которых бы устыдились даже невернные? — Дела их отвечают, что намерение сих граней, в начале своем доброе, в последствии времени извращено, изкажено; а дух Римских Первосвященников заставляет и в том сомневаться, были ли совершенно чисто и в самом начале сие намерение. —

Как бы то ни было, (никто не вместо от человека, яже в человецех, точию дух человека живущий в нем) но то известно, что Испытуяй сердца и утробы осветит всех сии начинания. — Крестоносцы искали человеческой славы и плотских выгод, — и Бог в неисследимом искании семь явил славу служащаго своего правосудия, смятожив очи их так, что, подобно слепцам, они всегда падали в тот ров, который изрывали своим неприятелям. Многочисленныя войска поручаются водительству людей, не имеющих ни малейшаго сведения в военном искусстве! Многочисленныя войска идут в отдаленнейшия страны, не думая запастись нужным для защиты от глада! Удивительно ли после сего, что, не достигши еще до Палестины, теряясь они сами собою — или от недостатка в потребностях жизни, или от расстройства, соединеннаго с неистовою жестокостию, которою вооружали против себя (все) проходимые ими страны? Удивитель-

но ли, что неразумныя вожди всеи мамы остатки ихъ, одинъ за другимъ, какъ бы только на закланіе, и естьми иногда по видимому достигали конца своихъ суетныхъ реманій; то для того только, чтобъ раздѣлиться между собою въ личныхъ притязаніяхъ и требованіяхъ, и такимъ образомъ дать врагамъ своимъ время и силы исторгнуть изъ рукъ ихъ пріобрѣтеніе, несравненно благочестія, сколько алтчнаго корыстолюбія.

Съ лучшею бы славою моими ревнители сіи искать крестовъ въ собственномъ сердцѣ; съ лучшею бы славою моими носить кресты домашніе, оставаясь въ недрахъ отечества и семейства — кресты безчисленные, въ которыхъ нѣтъ ни для кого недостатка, которыми устроены всѣ степени человѣческой жизни, всѣ стези состояній различныхъ, всѣ пути мірскихъ честей и преимуществъ, всѣ поприща должностей и обязанностей, — кресты, отъ которыхъ немыслимы самыя скипетры и короны! Благополучно государство изобилующее истинными крестоносцами! благоустройство и спокойствіе внутреннее, уваженіе державъ другъ къ другу, безопасность со стороны внѣшнихъ — вотъ благословенные плоды, которые произращаютъ кресты истинные — бремя не только не тяжкое и легкое. Напротивъ крестовося граждане не принесли подобныхъ благъ отечеству, но еще обремененнаго его тяжкими бѣдствіями. Сколько опустѣлыхъ домовъ, древнихъ и знаменитыхъ пришли отъ нихъ въ краткое время! сколь многія государственныя казнохранилища опустѣли! Но паче всего сколь многія тысячи людей, враждами и христіанъ нами подъ всегубительнымъ мечемъ смерти, преждевременно похищенныхъ у человѣчества, отечества, церкви.

Крестовыя браки дадутъ всѣмъ временамъ урокъ, что всуе тамъ трудятся зиждущіи, гдѣ нѣтъ Бога созидающаго. Богъ изъ ничего человѣческаго творитъ все, и все человѣческое обращаетъ въ ничто.

Почему во время порабощения России Татарами сии последние уважали Российское Духовенство?

Владыка природы есть владетель Царь царствующих и Господь господствующих. Как силы естества, движущия небо и землю, так и сердца Царей, определяющия судьбу политического мира, содержатся в руце единого Бога; и Он располагает бременами и дает их по законам вечного совета, и направляет их к целям единожды утвержденной Его премудрости и любви. Итак (подъ сими) целях обращается на себя взоры всех мужей оной любви, есть ли не сыскал праведных, которого мир не достоин, но для которого единственно он и существует; если не церков спасется — утверждение и столп земли, которая вершина скрывается в небесах, и которой одинь удерживает очи от присносущия Божия, привлекаемыми нечистыми и беззаконными человеков, вопиющими на небо. Отец небесный в слове своем утверждает нас, что он блюдет Церков свою, яко птицу оная, подобно коконы, собирающей под крилы своих птенцов, дабы укрыть их от алчности хищных врагов; и события всех веков и стран свидетельствуют, что Церковь, пребывшая самим Богом, сохранялась посредине и тогда, как воздвигаемыя злостью

ющимъ міромъ свершится воля Божія, и земля, казалось, совершенно
перестанетъ.

Но для чего намъ странствовать по чуждымъ землямъ для обозрѣнія
дивныхъ следовъ промысла о насъ,
грѣшныхъ? Своихъ Промысла, когда
и надъ нами удивить Господь ми-
лостью свою? Свою Россію! воспом-
ните Господа, нынѣ, — подъ сѣнію царя
стоящіе надъ сими Кротости
вы, якоже древній Израиль во дни со-
ломона, кійждо подъ виноградомъ
своимъ и подъ смоковницею сво-
ею, почивайте сладко, и услаждяйте
участь свою; но было время, когда
и наше отечество томилось въ ок-
ровавленныхъ, страданіяхъ. — Но, свята Рос-
сійская! благословите и за сіе Гос-
пода. тогда, какъ иго порабощенія
Монгольскаго ~~сильнаго~~ угнетало
отечество наше, церковь Христова
пребывала спокойною въ недрѣ
его; и младый виноградарь сам со
брегомъ Евхаита преподобный и на-
ставникъ, не престалъ возрас-
тать, ~~и~~ [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
дерзнулъ ли [illegible] [illegible]
его. Не сей ли десницы вѣнцы?
Не перстъ ли Божій устремилъ
на сіе время [illegible] [illegible]
не смогли они простереть грабя-
тельныхъ рукъ на вторую своихъ
данниковъ; что дерзнули своихъ
[illegible] [illegible] [illegible]
общую для всѣхъ государствен-

ныхъ сословій тяготу; нѣтъ Цер-
ковь могла въ сіе открыть гавань
своимъ приверженцамъ, въ которомъ о-
ни безопасны были отъ варварскихъ
притязаній и насилій?

Такъ, не будемъ изыскивать изъявы-
сока и глубока причинъ произволь[illegible]
когда[illegible], единый виновникъ всякаго
блага, близъ насъ есть. — Но истинно
и то, что ради Бога не говорить чу-
да, тамъ дѣйствуетъ чрезъ вторич-
ныя и естественныя причины; и
позволяетъ нашему разуму откры-
вать ихъ, дабы [illegible] [illegible]
благодѣтельныя предъ его мудростію,
и услаждались его любовію. Такъ,
самъ Богъ дѣйствовалъ чрезъ враговъ
Россіи для блага Россійской Церк-
ви: но дѣйствовалъ такъ, что ору-
дія не теряли своей свободы въ дѣ-
лахъ его; а дѣйствуя по волѣ Творца,
которой не понимали, дѣйствовали
вполнѣ по волѣ своего самолюбія,
которое злыхъ разумѣли. Посему-
то что въ Богѣ было отеческое ми-
лосердіе, то въ тиранахъ Россіи
было торе безчеловѣчіе, но только
сокращающее кругъ своей дѣятель-
ности, торе своекорыстіе, но толь-
ко [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]

ряшимъ отечество наше налогами
и податьми, ставко удесять Рус-
скихъ Духовныхъ, чтобъ для однихъ
ихъ долгихъ покаяній изъ всего
пуга законна алчности, позволивъ имъ
спокойно спрять истиннаго Бочу,
оставляя попрекословелившихъ всѣ
приподлеражисе имъ, и даже все при-
лагавшееся къ нимъ. Безъ сомнѣнія,
они знали вліяніе ихъ на образъ мы-
слей и чувствованій въ народѣ, влія-
ніе, замѣнствующее силу своего отъ
сихъ вѣрбъ, вѣрбъ-сильной Богомъ,
отъ котораго они происходятъ. Они
знали, сколь чрезмѣрна въ сынѣ сильномъ
гибкость своемъ вѣрбы; они знали при-
вержность Русскихъ ~~людей~~ къ пра-
родительской вѣрбѣ; знали, — и по-
тому трепетали. Вѣлишеславный
герой Донской далъ имъ чувствовать,
что Россія еще съ избыткомъ имѣ-
ла силы для расторженія поясъ
львовъ ~~трехъ~~ своихъ; что только
мердвоусобная рѣвнія чадолюбивыхъ
частей сего огромнаго тѣла по-
вергли оное въ разслабленіе, кото-
рымъ воспользоваться было болѣе
легко, нежели славно; что разслаб-
ленія сіе не было совершенное ни-
какое разслабленіе отъ чуждыхъ
изъ конорбъ хардвій говорилъ
другому: ~~ты~~ лишь не мѣшай,
что сей самый раздоръ чадолюбія
въ началѣ своемъ происходилъ

отъ чувствованій (впрочемъ обязан-
ныхъ чувствованій) своего древлѣ-
лѣпнаго могущества; и что соединеніе,
сосредоточеніе сихъ раздробленныхъ
силъ въ единую силу, сихъ несог-
ласныхъ хотѣній въ единую хотѣ-
ніе о свободѣ отечества, сихъ проти-
востоящихъ усилій въ единую
волю и рѣшимость возвратитъ
свободу утраченную болѣе нерас-
судливъ, нежели немощно, — бу-
детъ имѣть неизбѣжнымъ слѣд-
ствіемъ паденіе владычества ихъ,
разрушеніе ихъ замысловъ, и са-
мое уничтоженіе политическое
ихъ существованія. Всѣ сіе ~~Хотя~~ Вѣлишеславный! Вчувствуйся въ время и
~~имѣлось~~ Горды сдѣлали все, чтобы
удержать Россію въ узахъ своихъ.
Россія! тебѣ покланяются нѣ-
которые царства земныя. Скинься
львовъ Россія; и когда, утомлен-
ная въ борьбѣ ~~самая~~ съ собою, на-
конецъ возмогла ~~и~~ ты и успула, — и тогда
врагъ въ ярости своей болѣе ды-
шущій, нежели радовался свя-
тая!
слу надъ твоею владычествующую
самою убійственной своей ~~силой~~ Рабою
была яко мертвъ и яко скинься.
Кто могъ возбудить ея, кромѣ
крѣпкаго гласа вѣрбы? откуда онъ-
ра могла притти, ~~какъ~~ Сильнѣе
ка отъ слухи? откуда слухъ, если
ли не отъ тѣхъ, кому вѣрбѣ
ны ~~а~~ всѣ ~~боріи~~? почему-то

ласись по слободнихъ "устремлялся непріятель всѣ стороны обольщеній; посему-то изощрялся во всѣхъ уловкахъ лукавствовать. Онъ надѣялся, что пастыри духовные обѣтомъ будутъ молчать, а пастыри мірскіе отечествія будутъ вести другъ съ другомъ брани; бодрствія и овцы останутся навсегда безъ защитного добычю ухищреннаго звѣря.—

Исторія возстанія Россіи свидѣтельствуетъ и будетъ свидѣтельствовать отъ самыхъ грядущихъ, сколь обманчивы были хитрости нашихъ непріятелей древнихъ. Расточеніе враговъ нашихъ имѣетъ еще объявить любовь Россіянъ къ вѣрѣ Христовой — отечеству — и престолу, любовь, которую тяжкія лѣтнія могутъ поколебать покойный Императоръ Имперіи покойной, кто онъ худой былъ политикъ, предъ татарами, превосходя — ихъ — своею мотостію.—

Въ чемъ должны подражать пропов[ѣ]дники Великаго проповѣдника Апостольской пропов[ѣ]ди.

Единъ Богъ, единъ отецъ, человѣческое сердце одно и тоже: не надѣемся ли и мы, читая Евангелія, найдемъ тамъ одинъ устъ и одинъ языкъ, не надѣемся ли обрѣсть одному и другому для покоренія возлюбленнаго сердца господствующаго надъ всѣми? – Скоро дописано было другое, когда дописывали имя Апостолы! Чудо одного слова ихъ наши идолы, только отъ отвлеченія человѣческаго жертвы богопочтенія, и, еще болѣе, наши искрушились идолы сердца – открылось работающимъ и покорѣвающимъ разумъ, чтобы не имѣть онъ совѣстливости къ Богу истинному. Ближе рабы нужно[?] Христовы оставили намъ образъ для подражанія во всякомъ отношеніи; и когда пастухи и пастухи домовъ, взирая на окончаніе ихъ жительства, подражать откроютъ ихъ, то пастыри сверхъ того должны у нихъ научаться великому искусству нравственно править къ спасенію людей словомъ истины; ибо одно сожитіе жизни ихъ указуетъ всякому Христіанину путь къ небесному блаженству, то пропов[ѣ]дь ихъ указуетъ сверхъ того слушателямъ слова путь къ человѣческому сердцу, которое надлежитъ исправить

ихъ недостойныхъ рукъ суетнаго міра
и возвратить богу, его законному Вла-
дыкѣ и Господу.

Въ самомъ дѣлѣ, если исторія
достаточно краснорѣчія состоитъ въ
его убѣдительности, то краснорѣчіе
Апостоловъ, которыхъ ожиданія, пре-
дѣлія до послѣднихъ концовъ земли
обратили уголки народовъ отъ тьмы
невѣрія ко свѣту Евангелія, заслуги-
вая удивленіе міра, особенно трогаетъ
подражанія тѣхъ, которыхъ Апостолы
брезговали только словомъ
совершенной или подлить проповѣди
крестнаго слова — чтобы составить
себѣ какое-нибудь понятіе о свойствѣ
сей проповѣди, надлежитъ обратиться
къ первобытнымъ дѣламъ Христовой
Церкви. Это было время скорбное для
сторонящихъ. Гоненія не церковь ихъ
лися отъ ея основателя, тѣхъ ихъ го-
нения на искупителя отъ его земли.
Враги Господа и Христова его раздѣлив-
шіе подвиги ополчились тьмы — іудеевъ
и язычниковъ непрестанно озлоб-
лять сыновъ свѣта, и сіи старые
повелѣли своими сынами спасаемыя
подавить еще восходящую, ~~заря~~, не
благословенную пятницу, на конецъ
Господнемъ. Апостолы, — благовѣст-
ники міра, не испугались ихъ ли-
вень тьмы своимъ назначеніемъ,
шли надлежало чудесною силою слова
сопровождаемаго дѣйствіемъ Духа не-
рождать самыхъ сыновъ гнѣва отъ погибели
въ садъ благодати и спасенія, надлежа-
ло адскія узы и ступить обратить
противъ самого ада, и тѣхъ, кои гна-
ли церковь Божію, претворить въ рев-
ностныхъ ея распространевъ. Имъ надле-
жало привести ко Христу будучи ис-
тинныхъ; а для сего нужно было дѣйство-
вать противъ тѣхъ идругихъ такимъ
оружіемъ, какое для первыхъ или послѣд-
нихъ было самое опаснѣйшее; для сего
нужно было открывать и обнажать
и въ ближнихъ собственныхъ ихъ сла-
быя стороны, дабы сюда обратить
всю силу нападенія; для сего нужно
было знать тайныя ихъ предраспо-
ложенія и пользоваться присутствіемъ
трудныхъ мгновеній и разстро-
енія ихъ тѣмъ болѣе князя тьмы
содѣлать сильнѣйшаго, многогнѣв-
нѣйшаго и мудренѣйшаго подъ
Іисуса Христа. — Такимъ образомъ
Апостолы были всѣмъ всѣ, чтобы
всѣхъ пріобрѣсть Господу. И всѣмъ об-
ращеніе изъ отличительныхъ черть про-
повѣди ихъ; всегда одна и таже въ ея
сущности, она принимала раз-
личія изліяній, соотвѣтственно
съ различными состояніями, въ раз-
личномъ образомъ мыслей и чув-
ствованій въ народахъ, которымъ
возвѣщаемо было слово спасенія. И
вотъ одна изъ преимущественныхъ

ныхъ чертъ, которыхъ и нашимъ ора-
торамъ проповѣдникамъ дозволяетъ усвоить
себѣ. Правда, большая изъ нихъ часть
немногимъ отъ нихъ чѣмъ
отличается отъ тѣхъ, которые
ющими будями; но неизбѣжно
они должны въ людяхъ различныхъ по-
ловъ, различныхъ возрастовъ, раз-
личныхъ состояній, различныхъ
достоинствъ, и посему съ различными
предубѣжденіями, съ различными об-
стоятельствами, со страстями въ разли-
ной силѣ, со разсудкомъ въ разли-
номъ степени развитія? – Итакъ да
будутъ они всѣмъ вся. Имъ языкъ міру
долженъ, которыхъ дорого почтъ
чтобы, которыхъ міръ міру имѣетъ
ками, которыхъ нужно имѣть
твердого пищею и страшилищъ. Имъ
языкъ предъ царями, которыхъ нѣд-
лежитъ хвалить любовь къ подданъ-
нымъ, имъ предъ подданными, ко-
торымъ нужно внушать къ царямъ
предъ строемъ воиновъ, которыхъ нуж-
но вооружить мужествомъ къ пре-
зрѣнію всѣхъ опасностей и смертей
за други свои, имъ предъ мирными
гражданами, которыхъ должно пред-
остречь отъ разслабленія въ духѣ
и развращенія среди спокойной своей
жизни. Да будутъ они всѣмъ вся,

да всѣхъ пріобрѣтутъ. Нрисвоенное
къ состоянію слушателей есть вер-
ный способъ подержать ихъ внима-
ніе и овладѣть ихъ сердцемъ. Для ни-
какаго замѣчательно то, что авторъ
относится къ его ближнимъ ни-
казывается "его настоящее положеніе.
Витій никому не искусить, если
хо всѣмъ говорить такъ, какъ бы го-
ворилъ каждому въ особенности. На-
противъ кто только теряется въ
общихъ умозрѣній и отвлеченно-
стей, и нехочетъ низойти въ кругъ
своихъ слушателей, тотъ навсегда
остается одинъ въ своей пре-
возвышенности, куда никто не видитъ
нужды за нимъ слѣдовать. –

Но отъ чего это бываетъ, что же-
лая сдѣлать пользу, должно го-
раздо еще хуже, и пишется возвы-
ситься, чтобы только унизить? Отъ
того, что забываютъ, какая есть
истинная цѣль проповѣдника; отъ
того, что думаютъ только о томъ,
какъ бы выказать себя съ хорошей
стороны предъ слушателями, а не
о томъ, какъ бы выказать слуша-
теля съ худой стороны предъ его собс-
твеннаго совѣстію. Существенная
цѣль, какую проповѣдникъ непре-
мѣнно долженъ имѣть въ виду, сос-
тоитъ въ томъ, чтобы насти-

вить и убѣдить внутренняго въ изяществѣ истиннаго благочестія. Церковь высокая: ибо она соединена со словомъ божіимъ и спасеніемъ человѣческимъ. Можно и спасеніемъ человѣческимъ успѣть тотъ украсить ее, кто, заботясь повидимому о спасеніи людей, заботится только о собственной душѣ своей. Неустанная забота внести сіи внутреннія украшенія, потребуетъ немалаго изысканія, потрудишь себя обременяешь, если только великолѣпіемъ нарядныхъ словъ, которыми на показъ обставляешь, въ ущербъ преизобилію яркихъ цвѣтовъ, которые бросаются на случайныхъ, развѣ будишь спящую совѣсть слушателей? Напрасный трудъ. Истина и ея Евангельская отвергаетъ такую пышность. Красота сей души неба внутрь ея самой; называетъ ее простотою въ отличіе отъ красоты первой, которая всегда бываетъ непрочна. Хочешь ли знать или, лучше сказать, чувствовать скромную красоту сію? надписуетъ читать писаній Апостоловъ.—Какія высокія тайны, какія истины, какія наставленія, обличенія, утѣшенія—и все съ несказаннаго простотою! Ни одной безплодной рѣчи, ни одного обращенія пустаго, лишняго для того, чтобы блистать, ни одного слова поврежденнаго для сущей повѣствости, ни одной частицы употребленной для какого либо безъ-дѣлія! Все съ наилучшимъ—безъ ухищренія, все изъ своихъ источниковъ—безъ принужденности, все отчетливо—безъ обольщенія. Ищешь ли грубость какую нибудь и необразованную низкость разумѣть, когда говорятъ о простотѣ Апостольскаго слова достойной во всѣ времена украшать церковную каѳедру. Напротивъ сія красота согласится со всѣми украшеніями, нужно только, чтобъ они были приличія для излагаемой истины. Сей простоты не противны возвышенность, нужно только, чтобъ самые предметы возвышали ихъ, а не-я старался возвышать посредственные предметы. ~~Красноты~~ И здѣсь опять надлежитъ подражать Апостолами, чтобы узнать тайну—быть возвышенными отъ простоты, и просвѣтить ее возвышенностію.—

На главное и существенное, съ чемъ надлежитъ подражать Апостольской проповѣди, есть духъ ея—духъ пламенный,—духъ благочестія, духъ страха Божія,—духъ кротчайшій

О свойствах Евангелия св. Иоанна отличающих оное от прочих Евангелий.

Во всех мыслях Апостолов св. Иоанн более всех полюбился достопочтенному и нежному любовию наставнику Учителя. Конечно Иисус Христос не находил ни в ком из достойнейших душевно непорочной как в Иоанне. По сей-же причине ученик сей удостоился и превосходных даров св. Духа, которых преизбыточество пред прочими Евангелистами открывается в самом его Евангелии. —

Мерду тем, как другие Евангелисты начинают описывать жизнь Спасителя со дней его плоти, Иоанн обходит за предлог время и совершает Бытие Слова от дней вечных. Какой высокостью выражается он в немногих словах начале своего Евангелия. Тем он великая истина за грехи мира пред смертию Своею; тем Бог приготовил Сыну искупить Богу за творений погибающих, слову его, ходящем силою и премудростию Бога во сотворении мира. Он получает бытие несозданий Завета примиротворения Бога Сына со Богом Отцем. Исполнив предназначенное время сему Завету исполнившись и совершивши во времени, Сыном во плоти явившемся, и плоти его не оставляет. — Тогда слово со —

Было 3

Полезно ли обыкновение Египтянъ судить умершихъ?

Не было ни одного народа, который бы такъ постоянно сохранялъ древніе обычаи, какъ Египтяне; и нѣтъ ни одного обычая народнаго столь благодѣтельнаго и благотворнаго, какъ обыкновеніе Египтянъ судить умершихъ. De mortuis aut bene, aut nihil, было присловіе у Римлянъ. Самъ законъ воспретилъ злословить живыхъ и худо говорить о мертвецахъ. Но между людскими пересудами рѣдко справедливыми, часто злобными и всегда несовѣстными, и между судомъ безпристрастнымъ, строгимъ и осторожнымъ, производимымъ по законамъ и власти законами данною — такое различіе, какое между всякимъ дѣломъ преступнымъ и посему вредоносномъ, и между дѣйствіемъ, которое полезно, потому что справедливо. — Польза отъ Египетскаго суда надъ мертвыми будетъ очевидна, когда представимъ себѣ злобу и лукавство порока естественно ненавидящаго добродѣтель. Злобу: ибо онъ идетъ вслѣдъ по слѣдамъ безвинной своей непріятельницы, и каждый поступокъ ея опрадываетъ ядомъ своей рѣчи. Лукавство: ибо ея дѣзнію свѣтъ, не могши явно преслѣдовать добродѣтели и открыто лишить ея доброй славы

и удареній, старается онъ себя самаго предать
спасенію добродѣтелію, и, покровомъ
ея личнаго, похитить у простыхъ
людей принадлежащее ей достояніе.
Египетскій судъ надъ мертвыхъ во всѣхъ
и другихъ случаяхъ было самое необходимое
и спасительное для порока.
Оно подсѣкаетъ и оставляетъ безъ языка
клевету, которая спѣшится очернить
добродѣтельнаго въ жизни его, и хотя-
бы преслѣдовать его за предѣлами
самаго гроба. Оно подаетъ и обычаю
и исторіи хитрое, которое никогда не
кается тѣмъ, что есть, дабы полу-
чить то, чего не заслуживаетъ.

Недремлетъ великій сознаться, что
самый лучшій народный обыкновенія
не имѣютъ тогда значительной пользы, когда не поддерживаетъ ихъ господствующій въ народѣ образъ мыслей и чувствованій. Такимъ образомъ изъ другой страны и въ другомъ вѣкѣ судъ надъ мертвыми представлялъ бы не что иное, какъ обрядъ занимательный для одного любопытства, и, мало-по-малу ста-
ся, никто не подумалъ бы доискиваться внутренней цѣли его и назначенія.
Напротивъ того для Египтянъ не простое было зрѣлище — видѣть осужденій или оправданій умершихъ своихъ соотчичей, сынчиковъ, друзей, сподвижниковъ,

зрѣть живо начертанное изображеніе протекшей жизни ихъ — цѣпь безкорыстныхъ добродѣтелей — рядъ злодѣяній или усердныхъ заслугъ отечеству, — и наконецъ быть свидѣтелями или отличія бренныхъ остатковъ ихъ отъ средины прародительскихъ, или со всѣми почестями и хвалами совершаемаго ихъ погребенія. Они вторили, что видимый судъ сей есть внушеніе суда невидимаго, что за строгимъ судомъ симъ должно послѣдовать судъ безконечно строжайшій всякаго человѣческаго истязанія, — за судомъ двойственной руки — судъ желаній сокровеннѣйшихъ, помышленій тайныхъ и малѣйшихъ дѣяній сердца, за осужденіемъ или оправданіемъ временнымъ, осужденіе или оправданіе на цѣлую вѣчность. Они вторили, и вторая сія потрясала душу ихъ строгостью, когда судія произносилъ надъ мертвымъ роковой приговоръ, отъ которого зависѣла участь нескончаемой жизни. Они вторили — и вторая сія исполняла сердце ихъ ужасомъ къ пороку привлекающему на главу человѣка тѣмныя подствія. Они вторили — и вторая сія одушевляла ихъ любовію къ добродѣтели, украшающей главу любителя своего отблескомъ славы земной и небесной. —

Египетскій судъ надъ умершими мертво почесть народныхъ учрежденій, здѣ

мертвецы преподавали живые уроки своей
опытности. Добродетель часто гонимая
и еще чаще неизвестная и незабытая
въ міръ явилася здѣсь во всей lustre
и во всей славѣ торжества своего. – Здѣсь
вѣнчь оривлялся благороднаго рвенія-
тію искупить кровію своей без-
законіе отечества. Здѣсь мудрый
сильное чувствовалъ высокое достоинство
истины, и видѣлъ ничтожными труд-
ности въ сравненіи съ благомъ, которымъ
онъ вознаграждается. Здѣсь царь опущалъ
на сѣдь тяжесть вѣнца, и престававъ по-
читать его головнымъ убѣрами своими.
Здѣсь юноши возгурдались къ воздержанію,
мужи къ смиренію, старцы къ бѣго-
рвенію. – Порокъ явился здѣсь уже не
въ томъ привлекательномъ видѣ, ко-
торой столь удобно ~~соблазняетъ~~ не-
винныя души. ~~Онъ представился во всемъ~~
~~своемъ безобразіи — такъ было художнику~~
~~угодно нарисовать — украсивъ его~~, и всякій
чувствовалъ къ нему отвращеніе, самымъ
только имѣнемъ способности чувство-
вать. Самая корона не могла прикрыть
его безобразія, или, – сказать точнѣе,
корона здѣсь изгнана, и на судѣ предс-
тоитъ – человѣкъ. – Постыдныя страсти
нѣ, украшенныя роскошью, облѣнныя мя-
годушіе, невѣріе совѣсти, сластолюбіе, гордость, своекорыстіе прене-
брегутъ.

Вотъ его, кажется, не непріятно сра-
зить: лучшими нами театръ ме-
атра Египетскаго.

Музыкою ли для церковнаго оратора искусственное краснорѣчіе.-

Святая Церковь, съ неизмѣнностію пастыри печущаяся о спасеніи чадъ своихъ, всевѣдущимъ ихъ ~~и~~ любитъ нужду наставлять ~~и~~ ихъ подвизаться въ предѣлѣхъ сихъ, сохранять вѣру и соблюдать себя въ любви Божіей; посему нужны для нея пастыри и учители, которые, охраняя овчій дворъ Христовъ, не престаютъ бы глаголать словесныхъ овецъ, дабы, возлюбивъ невѣдущій вѣкъ, не удалились отъ насъ въ страну далеке и не впали въ пасть Діавола – сего льва рыкающаго и ищущаго кого поглотити. - Апостоли, проповѣдію ученіе Христово во всѣ концы вселенныя, были первые, после бывшаго Виноградника Іисуса, новозавѣтной проповѣдники въ церкви. - Но проповѣдь ихъ была плодъ не искусства и труда человѣческаго, а вдохновенія Святаго Духа, дѣйствіе ихъ устъ и премудрость, которой не могли противиться ни сунагогіе Іудейское, ни гордость Еллинская. Позднѣе преемники звания ихъ не получили того дара чудодѣйственнаго Духа пророчества: ибо церковь Христова получила уже то твердое основаніе, которое не имѣетъ быть поколѣбимо отъ всѣхъ своихъ ухищреній и нечистыхъ словъ. Истины спасенія нашего были уже всѣ возвѣщены, и предѣлами писанія ограждены и обезопасены отъ злобныхъ нечестивыхъ между Христіанами такъ, что не посредственное откровеніе Божіе ~~откровеніе~~ излишнимъ; Господь не творитъ ничего не творитъ напрасно. - Всякому посланному предписано пребывать въ предѣлѣхъ своего званія, ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~

~~слова Христовы~~ слова сего, всегда многоплоднаго
и всемогущаго въ себѣ благословенныя сѣ-
мена многообразныхъ и спасительныхъ ис-
тинъ; – они должны раскрывать краткую
заповѣдь Божію во всей ея чистотѣ, утвер-
дать и объяснять слово сильное словомъ,
и ~~чистоту христианскую~~ чистоту христіанскаго откровенія, ~~разъяснять~~
~~слово словомъ~~ какъ бы сбирать, сливать
и совокупять, дабы тѣмъ вящше озарить
умы, возбудить совѣсти и воспламенить
сердца огнемъ благихъ и достойныхъ Хри-
стіанина чувствованій. – Іисусъ Христосъ ма-
гомъ учениковъ своихъ: не печальтеся, ка-
ко или что возглаголете; слова сіи ~~сказаны~~
не ~~нужны~~ ~~кажутся~~ проповѣдниковъ временъ позд-
дѣйшихъ. Имъ надлежитъ печься и о томъ,
что говорить, и о томъ, какъ должны они
говорить, къ исправленію ли или къ назиданію
щихъ въ вѣрѣ, къ обличенію ли ~~ихъ~~ ~~злобъ~~
умовъ, возмущающихъ насъ вѣру, ко исправленію
и къ наказанію ~~вѣрующихъ~~ вѣрующихъ, но не говоря-
щихъ ~~нѣкоторыхъ~~ ~~ересей~~ ~~вѣры~~, или погрѣшно-
щихъ о истинѣ и непрямо пріемлющихъ
святое ученіе, – сказать просто – имъ нужно
пріобрѣтать даръ слова, который Хрис-
томъ былъ единственно свыше даровавъ,
имъ нужно краснорѣчіе, – которое есть ли не
есть вдохновенное, то должно быть искус-
ственнымъ. –

Да не будетъ кому въ соблазнъ слово сіе: ис-
кусственное краснорѣчіе! – ибо въ самомъ дѣ-
лѣ нѣкоторые, соблазнившись имъ, утверж-
дали, что проповѣднику Божія слова не
нужно никакое искусство, что оно даже было
сіе въ немъ предосудительно, что съ дос-
товѣрностью Евангелія великолѣпіе не сов-
мѣстно, что непритязательная простота
есть лучшее украшеніе и несравненная
его собственность. Видно, что сіи люди и-

мѣли непрозрѣвшія объ искусственномъ крас-
норѣчіи мысли; или бы надлежало увѣриться,
что сіе искусственное есть самое естественное
и непротивное простотѣ дара Евангель-
скаго, что истинное краснорѣчіе не есть
~~искусство~~ ~~искусственно~~ ~~искусственное~~ ~~искусство~~ ~~искусственное~~ ~~искусство~~ ~~искусственное~~ ~~искусство

которыми всевышній Богъ призвавшій его ко спасенію, сдѣлалъ онъ для себя тщетными непокорностію ума своего гордаго и слѣпотствующаго, упорствомъ растлѣнной и порабощенной страстями воли. – Чтожъ теперь должно дѣлать слуге Божію, чтобъ возбудить спящую душу сію отъ бездѣйственной безпечности? – Правда, ничто не можетъ быть разительнѣе истины, которую должно возвѣщать проповѣдникъ евангельскаго; но истины сіи сдѣлались для любящихъ слишкомъ обыкновенными отъ частаго, но безплоднаго ихъ представленія. Правда, путь сему предварительный и очищенный отъ всѣхъ претыканій; но вмѣсто путь самый извѣстнѣйшій, и сильный, по которому только отважатъ шествовать сего сподвижники. Правда, слово Божіе есть сладко паче меда и сота для устъ праведнаго; но кто предѣлитъ духовной вкусъ времянною ересію слѣпотою, тотъ перестаетъ чувствовать пріятность сокровенныя манны; сія нетленная, не надоѣвшая сытостію пища становится ему въ тягость, онъ требуетъ для разнообразія египетскихъ луковъ и чесноковъ. – Смутятся слова остаются въ семъ случаѣ подражать Моисею, и молить Бога, да благоизволитъ онъ срезь нѣсколько не возвратившись они паки въ египетъ, и вмѣстѣ съ ними гнаголемъ Божіимъ и тѣми въ обѣтованную землю. – Такимъ образомъ не новое будетъ онъ дѣлать наставленіе людямъ, и не въ такихъ истинахъ утвердитъ, которыхъ бы доколѣ никто не вѣдалъ; но всѣхъ сія, въ семъ ухо

всѣ наставлены и утверждены, въ такомъ представитъ видѣ, что слово его сдѣлаетъ въ ученикахъ поучаемыхъ глубокое впечатлѣніе. – Но сколь великаго будетъ ему стоить сіе труда! какое потребно умѣніе, чтобы сообщить занимательность новостію вещамъ, которыя, вступивъ [illegible] казались, у всѣхъ подъ рукою! какое потребно краснорѣчіе, чтобъ возбудить и поддержать вниманіе къ урокамъ, которыхъ слышаніе исполнилось всякое ухо, къ картинамъ, которыхъ видѣніе насытилось всякое око! –

Но трудность должна изчезать въ нашихъ глазахъ, когда является священная должность. – Пусть предполагаетъ себѣ всякій проповѣдникъ въ примѣръ подражанія ревность по словамъ Божіи св. Павла, который старался быть съ іудеями іудей, съ Еллинами Еллинъ, чтобы іудеевъ и Еллиновъ соединить подъ единую деррегу благодати Іисуса Христа. Всѣмъ вся быхъ, говоритъ онъ, да вся пріобрящу. – Такъ и всякій, кому промыслъ поручено содѣйствовать церковь – тѣло Христово должно въ соблюденіи непорядочности, или въ ученіи немощей членовъ сего святаго тѣла – сообразоваться съ особеннымъ кардаго изъ нихъ свойствомъ. – Красноречіе духовнаго витіи должно проходить столькіе степеней возвышенности и простоты, искусственности и естественности, сколько степеней въ образованности и необразованности человѣковъ. Сверхъ того различіе

возрасты, различныя состоянія общественной жизни, различныя обстоятельства и случаи часто непредвидѣнные предписываютъ ему различные образы обращенія; и ко всѣмъ имъ долженъ онъ содѣлать себя способнымъ, всякія наученія долженъ дивить слову истины, всякимъ оружіемъ долженъ владѣть и дѣйствовать, чтобы только распространить царствіе Божіе и умножить ему поддавшихся. –

Естественно посему сего оставалась еще сомнительнаго надобность искусственнаго краснорѣчія въ устахъ проповѣди слова Божія, то нелишнее было указать на древнихъ церковныхъ отцевъ, и свидѣтельствоваться великими именами златоустовъ, Василіевъ, Григоріевъ, которые оставили намъ блаженную память святой своей жизни, и памятники неподражаемаго краснорѣчія. – Притомъ мы имѣемъ Моисея и пророковъ; Духъ Божій, освятивъ въ Св. писаніи извитія человѣческаго слова, поучаетъ тѣмъ учителей церкви, что для достиженія своей цѣли они должны имѣть дѣло не только съ разумомъ, но и съ воображеніемъ, и со страстями человѣческими. –

Впрочемъ нужно помнить, что всуе тамъ трудятся зиждущіи, гдѣ нѣтъ Бога созидающаго. – Искусство человѣческое остается безсильнымъ, если оно несоединено съ нѣмою сѣлой силою Божіею; и церковное краснорѣчіе тогда только совершенно, когда въ слово человѣческое облекается слово – сильное Божіе, или самая сила Божія во спасеніе всякому verbo-кующему.

Что будетъ тако имѣлося по прекрасно. –

Пленение Вавилонское, или гонение Антиохово более евангелистовского ворга и блаженство в народе Иудейском?

Бог заключил Иудеев в пещи искушений, дабы явить в них народ чистый, достойный его любви и чрезвычайного избрания. Известно, сколь сильную имели они наклонность к языческому идолопоклонению Вавилонского. От тельца Аронова до кумиров, поставленных Манассиею в храме, святейшее писание повсюду укажет на их богоотступничество, которого Горий Бог не оставлял без наказаний. Седмидесятилетние страдания под игом языческим, столь долговременный и горестный опыт суетности идолов утвердил их в вере и постоянстве. Сие постоянство в блюдении праотческой веры дало им их постоянными в покорности царям, которым Бог предал их более в охранение, нежели в одержание, и заставило их последних уважить самую веру, которую они долгое презирали.

Антіохово гоненіе еще больше воспламенило въ народѣ Іудейскомъ ревность къ закону Божію. Въ особенности же возбудило ожиданіе Царя языковъ и Спасенія Израилева. О если бы то слишкомъ чувственныя въ понятіяхъ Іудеи съ жаромъ въ Мессіи соединили истинное знаніе царствія его! тогда естественная вѣтвь не отломилася бы отъ своего корене. — Какъ бы то ни было, есть Антіохъ великій есть образъ того великаго человѣка, который нѣкогда, какъ нѣкій богъ, сядетъ въ церкви, и будетъ старишевся обольстить самыхъ избранныхъ; то Елеазаръ, Семь сей и дѣти ея, Маттаѳій и дѣти его, и сподвижники ихъ, и весь Іудеи, кровію запечатлѣвшіе исповѣданій истинныхъ предобразуютъ тѣхъ вторыхъ рѣвовъ, которыя въ скончаніе міра будутъ избраны за свое дѣтельство Іисусъ Христово.

Правильно!

Въ чемъ церковный ораторъ долженъ приноровляться къ слушателямъ.

Врачевскіе тѣла сходно съ исцѣленіемъ духа. Какъ въ томъ помогаютъ осистящимъ здравія превозмочь разрушительныя силы болѣзни, такъ и въ семъ возбуждаютъ сохранившуюся въ сердцѣ наклонность къ добру, чтобы она, укрѣпившись благодатію, одолѣла и подавила противообстоящую силу къ развратоносному пороку. Въ томъ и другомъ дѣлѣ, сколько отъ телесныхъ силъ оказываетъ, недовольно простаго знанія общихъ средствъ, ведущихъ къ общей цѣли; потребно искусство владѣть сими средствами и въ многочисленности ихъ избирать лучшія и достоинственныя. Недуги духовные столькоже разнообразны, какъ и телесные; и слово врачующее первое должно принимать измѣненій въ устахъ наставника, сколько въ рукахъ врача вещества, приготовляемыя въ исцѣленіе недуговъ. Отсюда происходитъ то священнаго витійства правило, что, располагая своему слову успѣшнаго дѣйствія въ слушателѣ, должно напередъ быть хорошо знакомъ съ его сердцемъ, знать язвы его и страданія, искусить духъ немощствующаго, и потомъ уже думать о способахъ подать ему помощь. Кто предпримет отъ общій порядокъ природы, тотъ можетъ принести больному болѣе вреда, нежели желаемой душевной пользы; желая тронуть и убѣдить его, можетъ только возмутить и ожесточить, стараясь ожесточить, можетъ оставить сердце его хладнымъ, и порокъ спокойно царствующимъ въ сердцѣ.—

Но с другой стороны тот худой врач, кто требования должности хочет согласить с лукавыми видами своего самолюбия, и безпорядочныя желаний боящих, которыми угождать находит для себя выгоднаго, с возстановителя их здравия, котораго повреждение скрывается в очах желаний, как древо в своем семени. Мерно сие приморить и к обязанности врачующих боящия души. Правило приварения не столько обширно, чтобы могло распространяться на случаи, когда, благоприятствуя пораженному, и самое оно существенной вред для получающих. Человек здержим недугом корыстолюбия, человек зараженъ прожизно роскоши, человек отравился от дьявола ядоносного сластолюбия: горе врачу, если, избавляя врачуемаго от мучительной боли, будет он только щекотить язвы его; горе языку краснозлатому, если он так искренний под[illegible] ственный медь пасти, где должно наносить сердце острым сокрушений и самоосуждения. Горе: ибо Судия вечный взыщет от него погибшия души, которыя он должен был, мог, и не восхотел обратить на путь истины.

Мир сей во зле лежит; но никак не хочет сознаться: ослепительствуют подобна человеки; но почитают себя зрячими, и мнят, что сами способны могли бы быть путеуказателями. Самолюбие их без сильных оскорбится; если кто станет увещать их в противном: но должно им сие устранять посланника Христа, которых долг думать о вечном, как о смертных, как о

и которых на праго святыя Церкви ураганы бисер Христов пророческим словом: будете ненавидимы отъ всех имене моего ради. Ибо злобный мир ничего не имеет чуждаго для тех, которых ищут славы не у людей, но у Бога. Свойство второкаго раба в царствии Христовом есть то, что он исправляет из врожденнаго огня души братий своих даже противя их воли, с опасностию своих выгод, и если то нужно, самой жизни; с благодушием внимает он всему сильному страстей на него вооружающихся, - и в надежду на Бога терпеливо переносит нужды, лишения их силы, и гонение, которыми они желают лишить его сокровища небесного.

Не сообразуйтесь веку сему, поучает Апостол Павел; о себе же говорит: всем вся бых, да всех приобрящу. Проповедники Христова слова не престанут должны взирать на Его образ, который дает им правило мерения линий, и по трудных бедствий между Апостолами. Он произвел быть проповедовать Христа и сего распята, - Иудеям убо соблазн, Еллинам же безумие; ему надлежало благовестить Иудеям и Еллинам такую веру, которая совершенно была противна наслаждениям их мечтаниям; ему надлежало предписывать им закон Евангелия столько враждебный закону чувственности. Он не мог сообразоваться веку сему: и как же мог он быть всем для всех? сообразуясь веку, но не для веку, а для единаго Бога. Он был всем вся, дабы умы и сердца всех приобрести не себе самому, но Богу, которому они принадлежат. Он говорит Иудеям языком Иудеев, Еллинам языком Еллинов; но ни предъ первыми, ни предъ последними

нимъ не измѣнить небесной истины. Онъ только хотѣлъ побѣду ея надъ заблужденіями сдѣлать удобнѣйшею: и для того употребилъ въ ея пользу самыя заблужденія. Различны были заблужденія: посему надлежало и низлагать ихъ различнымъ образомъ, - иначе говорить въ сонмищу Писидійской Антіохіи, иначе въ Ареопагѣ великодушныхъ Аѳинянъ.

Церковный витія недолженъ терять изъ вида истинной цѣли званія своего, состоящей не въ прославленіи себя, но въ спасеніи ближнихъ, не въ угожденіи страстямъ, но въ приведеніи ко Христу заблудшихъ человѣковъ. Для достиженія сей цѣли онъ можетъ пользоваться всѣмъ въ служителѣ, и его недостатками и совершенствами, и пороками и добродѣтелями, и предразсудками и здравомысліемъ, и полемъ, и возрастомъ, и состояніемъ. Кратко сказать: ему недолжно сообразоваться вѣку сему, и при всѣхъ тѣлъ быть всѣмъ для всѣхъ.

О
предметахъ достойныхъ поэзіи.

Правило мудрыхъ: изъ самаго зла извлекай добро; а ~~сіе~~ ~~обратно~~ ~~сего~~ ~~зла~~ ~~извлекать~~ ~~сего~~ ~~зла~~ ~~добро~~ ~~изъ~~ ~~самаго~~ ~~добра~~ ~~извлекать~~ ~~сего~~ зла. — Когда кровожадіе наше вооружило противъ насъ всю природу; то человѣкъ нашелъ въ сердцѣ самомъ новыхъ враговъ, и сама душа его, подобно ехидѣ, наполнилъ раздирающимъ утробу своей матери, обратился въ мученіе родившему его. Всѣ науки и всѣ искусства, представляющія человѣку поистинѣ ~~сіе~~ ~~истинны~~ ~~ые~~ ~~источники~~ ~~истинны~~ ~~ые~~ ~~источники~~ ~~истинны~~ ~~ые~~ ~~источники

питала Поэзія. Платонъ,—честь Греціи и человѣчества, и Платонъ гналь поэзію изъ мудрена Республики, сотворенной его геніемъ истинно политическимъ. Нотъ! исторгать надлежитъ плевелы, и пещись о пшеницѣ. Спрашивалъ: для чего нужно человѣку искусство, не знаемое что оно? на судъ съ Богомъ, и вопрошать, для чего даровано разумъ? — Поэзія равно какъ и философія, имѣетъ свой корень во глубинѣ нашей души; исторгнуть сей корень можно немногихъ, какъ лишивъ человѣка воображенія, на которомъ, какъ умираніе отъ сего органа, туманную способность чувствовать красоту и создавшія Божія, съ котораго она является на позорище міра. — Отъ чего [illegible] воображаемое, отъ чего [illegible] человѣку врага- ми его домашніе — (чувствованія его сердца) — отъ того что онъ не увидитъ, своею воображенія, и не будетъ чувствованіемъ существа умнаго. — и поэзія недолжна имѣть на естество человѣка вліяніе благотворнѣйшее. — Нужно только дать воображенію направленіе истинное, нужно знать предѣлы достойныя Поэзіи. —

Достойна труда души человѣческой та, которая, что мы не [illegible] преслѣдовать долгу, подобно безсловесной; а слѣдственно наши наполненія, что мы не можемъ ихъ небесамъ непрестанно стремиться. Духъ обыкновенный тѣмъ разнствуетъ съ нею и немощи ея; и такъ какъ она изнемогаетъ подъ бременемъ труда многаго, такъ и онъ, [illegible] сквозь тьму заблужденій на блистающій вдали лучъ истины, будетъ [illegible] истощать силъ своихъ, и требуетъ покоя къ нимъ возобновленію. — Но плоть, могла бы улучить благопріятнѣйшій случай [illegible] своевольство къ существенному вреду человѣка, естьли покой нашего духа не былъ только кизненіе [illegible], и подлинно является въ томъ Божія къ намъ благость, что между областію чистаго разума и чувственностію есть еще средина, въ которую съ честію можетъ низойти разумъ употребившійся въ стремленіи къ мудрости, что его многотрудныя изысканія воображеніе можетъ прелагать на благородныя и невинныя упоенія, и такимъ образомъ не [illegible] а [illegible] его, чтобы потомъ паки, яко исполинъ, текъ онъ въ [illegible] свой путь. — Философія съ давнихъ временъ названа [illegible] человѣка въ его жизны; но должно признаться, что [illegible] то заставляетъ насъ пробираться тѣзъ крутыя горы и пещеровыя стези, и тогда какъ пріятно уклониться на время въ зеленую кущу Поэзіи, [illegible] с чемъ мудрецъ устали!

Долгъ нашъ — [illegible] учить, а изящныхъ искусствъ [illegible] — удесятерять. [illegible] Но надобно знать существенное свойство ихъ и назначеніе; и надлежитъ остановя въ заключеніи нѣсколько, естьли судить о Поэзіи по одной вѣчнодѣйствующей ея успѣхъ ея увеличивать. — То несомнѣнная истина, что она теряетъ

всю свою цѣну, теряя свои ~~прелести~~. Философія достигла своего назначенія, когда представила намъ истину въ ея красотѣ, въ нашей волѣ принять ея сужденій или отвергнуть: но Поэзія престаетъ быть поэзіею, когда не имѣетъ, не очаровываетъ, оставляетъ намъ возможность свободнаго выбора въ образѣ ~~сей~~ чувствованій. – Однакожъ, несмотря на такое различіе особенныхъ цѣлей, изъемлющихъ искуства нерушимыми ихъ отъ цѣли общей съ науками; и Поэзія, давъ руку Философіи, не должна ли дѣйствовать въ совокупности съ нею къ усовершенствованію нашей природы?

Совершенство нашей природы въ томъ и состоитъ, что мы сами должны содѣлать себя совершенными; человѣкъ отъ того и великъ, что самъ долженъ достигать того величія, для котораго предвуставленъ въ совѣтѣ Божіемъ. Пустяжное возмогъ онъ въ семъ только важномъ для него опытѣ наставницею природу, и къ сей-то ученому назиданію подвигнется, какъ всѣ ея силы направлены по единому чертежу всеобщаго ~~всесовершенства~~ совершенства, и какъ всѣ части сего стройнаго ~~стѣлесенія~~ сцѣпленія образованнаго цѣлаго ~~сцѣпленны~~ соединены между собою неразрушимымъ союзомъ. – Сколь разнообразны сіи части, и сколь постоянно, неизмѣнно ~~спрегаются~~ сочетаются, онѣ къ единой цѣли взаимнаго сохраненія. пройдите по всѣмъ необозримымъ царствамъ естества: съ какою точностію никогда нерушимою поддержи-вается онъ одно другое. съ какою строгостію каждое хранитъ предѣлы ему положенные. все дѣйствуетъ въ своемъ обнажденномъ предписанномъ кругу, но такъ, что сіи особенныя дѣйствія не только не вредятъ, но еще споспѣшествуютъ

вкупѣ природѣ къ достиженію цѣли всеобщей. Міровыя тѣла, сіи великія колеса въ машинѣ вселенной, по тягамъ или другимъ направленіямъ, съ большею или меньшею скоростію совершаютъ ~~въ пространствѣ~~ ~~теченіе~~ движенія ихъ, ~~сіи~~ движенія ихъ, приводятъ разнообразности, составляютъ, если можно сказать, для высочайшаго Разума согласіе совершеннѣйшее, такъ какъ изъ соединенія многоразличныхъ звуковъ производитъ искуство восхитительную гармонію для нашего слуха.

Человѣкъ есть малый міръ, или въ умаленномъ видѣ дивное составленіе двухъ міровъ вещественнаго и духовнаго. Что происходитъ въ мірѣ вещественномъ по законамъ необходимости, тому подлежитъ быть въ мірѣ нашемъ внутреннемъ, духовномъ – по законамъ свободы. И въ самомъ дѣлѣ, не находимъ ли мы въ нашемъ духѣ тожде разнообразной способностей, какое замѣчаемъ въ частяхъ зримой вселенной. чувственное представленіе, и хотѣній, памяти, воображенія и страсти, ~~разсудокъ~~ ~~умъ~~, разумъ и воля неотъемлютъ ли такожде многоразличія въ дѣйствіяхъ своихъ, какое встрѣчаемъ въ силахъ природы внѣшней. – Дабы сіе многоразличіе сосредоточилось въ ~~тѣсное~~ единство, дабы сіи способности, изъ коихъ каждая дѣйствуетъ сообразно съ особеннымъ естественнымъ ей свойствомъ, образовали единое духовное цѣлое, единый духъ совершенный, – нужно, чтобъ оного имѣли міровую собою неразрушимый союзъ, нужно, чтобъ каждая изъ нихъ, несмотря на особенность своего естества, содѣйствовала всѣмъ прочимъ

чимъ; нужно, чтобы они устремлялись къ единой цѣли, и въ стремленіи сей, медленнѣйшему или быстрѣйшему, прямому или кривому, не только не препятствовали другъ другу, но одна бы другой содѣйствовали къ удобнѣйшему исполненію поприща; нужно наконецъ, чтобы разумъ – способность высочайшая для храненія благоустройства въ ономъ семействѣ различныхъ силъ духа владѣлъ натуры жезломъ, указывалъ каждой силѣ ея истинный путь, давалъ каждой законы для ея дѣйствій, и въ совокупности всѣхъ управлялъ къ усовершенствованію природы человѣческой, – къ сей великой цѣли и назначенію человѣчества. –

Изъ сего всеобщаго закона духовныхъ силъ не исключается ни одна: ибо если хотя маловажнѣйшая уклонится отъ предопредѣленія прочихъ, произведетъ погрѣшность во всемъ составѣ сложенія; такъ какъ, если хотя маловажнѣйшая по нашимъ мнѣніямъ изъ силъ естества устранилась отъ общаго всѣмъ имъ закона, то весь тотъ прекрасный порядокъ, устанавливаемый въ мірѣ, превратился бы въ смятеніе. Умъ, возносясь надъ вещественнымъ въ области духовнаго, созерцаетъ вѣчныя истины, проникаетъ непремѣнные законы добра; разумъ имѣетъ прямое направленіе къ совершенству нашей природы: ибо прямымъ совершенствомъ существо разумныхъ и свободныхъ владѣетъ одна истина и добродѣтель. За то и самая истина священнаго десницею своею обнимаетъ умъ въ высокое достоинство единодержавца всего; и всѣ прочія духовныя силы должны быть

товаты нѣмачеже какъ по державному его мановенію, всѣ духовныя силы, при всемъ разнообразіи особенныхъ направленій должны сообразовываться съ направленіемъ его путеводительства, и, сколь ни различны образы ихъ дѣйствованія, истинное и доброе сталкиваются всеобщими для нихъ точками соединенія. Кругъ разума различать истину отъ лжи, и доброе отъ порочнаго; воображенія долгъ истинное дознаваемое и доброе непознанное дѣлать для насъ привлекательнѣйшимъ. –

Благотворное согласіе! но, – если выраженіемъ внутренняго должно быть внѣшнее, – то гармонія сія нашего духовнаго міра не должна ли отзываться и въ природѣ вещественной, – въ словѣ, въ звукахъ музы, во всѣхъ произведеніяхъ нашего творческаго, богоподобнаго духа? всеобщій законъ всѣхъ силъ духа не есть ли правило неложный законъ искусствъ и наукъ, или произведеній? взаимное отношеніе первыхъ не опредѣляетъ ли отношенія послѣднихъ? Поэзія не подчинена ли столькожде философіи, сколько воображеніе разуму? и если истина съ добродѣтелію составляютъ весь кругъ изслѣдованій философіи: то истины и добродѣтели географическія достойна ли поэзія? Такъ! Сіи божественныя посланницы неба не могутъ отъ себя сбыть, котораго часто сладкія очи перстныхъ людей не могутъ снесть: да будетъ поэзія вторымъ спутницею той и другой; пусть они покрываетъ прозрачною завѣсою блестящія ихъ лица, пусть даетъ чистое облачко сихъ лучезарныхъ, которое (сколько числу, что не стыдливость явится нагими, и пусть ихъ представляетъ такъ нашимъ очамъ,

ибо мы столько нечисты, что часто стыдимся и даже страшимся их наготы. Тасс! поэзія имѣетъ цѣлію воспламенить воображеніе наше, потрясти нашу душу сильными чувствованіями; но все сіе въ чемъ должно быть польза? Поэзія должна нравиться нашей; но для того ли только, чтобы нравиться? напротивъ не преступницами ли она всеобщаго закона искусствъ и наукъ, когда ищетъ, чтобъ нравилось намъ что иное кромѣ того, что одно достойно существъ созданныхъ для безсмертія? —

Тасс! но тогда мы сами виновны, когда приковываемъ все свое вниманіе къ однымъ украшеніямъ хитрости (пятнадцать No 911) краснорѣчія рукою поэзіи. Сіи украшенія предназначаетъ для возвышенія въ нашихъ глазахъ красоты истины и добродѣтели: неблагодарные мы! не украшенія, а сама истина и сама добродѣтель должны владычествовать надъ умомъ нашимъ и сердцемъ. Когда поэтъ (истина) начертываетъ картину ада, не забывая ничего могущаго внушить ужасъ; не хотѣть ли онъ [illegible] о страданіяхъ ужасныхъ самаго уничтоженія. Мы повторимъ [illegible] Вергилій: [illegible] желалъ, чтобъ мы, отвлекшись участіе Корделіи Царицы, вмѣстѣ съ Троянскимъ вождемъ безусловно повиновались священной волѣ [illegible] Мильтонъ. — Самая истина должна [illegible] но въ басню сію [illegible] философія, высокая

[illegible] Пусть бы адскія тѣни запутались въ сплетеніи своихъ [illegible] мыслей: то было бы предразсудокъ, а не вина Поэзіи.

философія, возвышающая нашъ духъ къ Отцу человѣковъ, живописующая его всемогущее божество надъ всею тварію, изображающая все великое и сильное въ человѣкѣ ничтожнымъ и ничтожное великимъ и сильнымъ предъ симъ всемогуществомъ, и какого сіе ничтожное и ничтожное великимъ и сильнымъ при семъ всемогуществѣ, — словомъ тѣшащаяся философія, въ которой [illegible] Ахейскихъ напоминающая земнымъ Владыкамъ, что столь далеко всегда распространяется зло проистекающее отъ слабостей ихъ, какъ далеко простирается власть ихъ. — Вирговыми растеніе, что человѣкъ извлекаетъ изъ него ядъ на пагубу себѣ и другимъ, между тѣмъ какъ мудрая пчела тонкимъ вкусомъ своимъ открываетъ въ немъ сладкій сокъ, и [illegible] Поэзія, [illegible] одинъ заимствуетъ [illegible] понятія о вещахъ, когда [illegible] самыя вещи, между тѣмъ какъ [illegible] видя искусствомъ [illegible] образахъ духовное, въ видимомъ, въ чувственномъ [illegible] изъ рукъ Юпитера громъ, и трепещетъ предъ [illegible] ель, — часто ослѣпленная [illegible] какого, готовящихъ [illegible] леке перуны, — и [illegible] россіянъ всѣ силы естества служащія Отцу [illegible] Платонъ, великій жрецъ мудрости, проникнувшій въ сокровеннѣйшія таинства ея! Мать! другъ истины, тѣ, которой постигъ величіе человѣка, видѣлъ нераздѣльныхъ со злостью человѣковъ, и въ восторгѣ, порожденномъ зрѣлищемъ о богатствѣ вѣчной любви, дерзнулъ, — о слава человѣчества! гадать о тайнѣ

ны спасений! Сбрасывающий Листочь! поэзія, ко-
торую ты исключишь изъ круга искусствъ, долженствующихъ украшать твою республику, не
могши впрочемъ не воздать ей нѣкоторой справедливости, – поэзія, дщерь воображенія, отца ко-
торое не можетъ ни отказаться добрыхъ граждань своихъ, – поэзія дерзаетъ предстать предъ
судилище твое страшное для одной ури. Она повергаетъ предъ тобою тотъ самый вѣнокъ, ко-
торымъ ты почтилъ ее въ лицѣ Омира. Она говоритъ: „я могу съ честію украшаться „не только въ твоей республикѣ.
„Родясь отъ воображенія, дарованнаго человѣку „только, какъ бы ему разумъ, такъ какъ фи-
„лософія, подобно ей родясь моей, я предсказываю „совершенствованіе ее: „совершенствованіе усовершенствованію ее
„чества смертныхъ. Но не могутъ совершенствоваться „твореній человѣка сами совершенствуясь, и-
„зображая истину и добродѣтель въ болѣе или „менѣе чистомъ видѣ смотря потому, въ
„какомъ видѣ они ей явились. „ту и другую ра-
„зумъ. – Не хочу опровергать твоего, Омира, „которое, равно какъ и тебя, называютъ Бого-
„творцемъ; пусть онъ не будетъ Богомъ: „вы, философы, говорите, что онъ не можетъ быть,
„приписывая ему человѣческія слабости. Но лучше ли „было бы, если бы онъ изобразилъ его такъ, какъ
„изображаетъ твоя философія? многіе ли умы „вмѣщаетъ сегодня твоей философіи? и мно-
„гимъ ли самымъ ты откроешься сегодня сей? „Я
„хочу не хочу принести тебѣ удовольствіе и
„похвалу, они должны забавляться и наслаждаться
„произведеніями изящныхъ искусствъ и благочестія
„всѣхъ сокровищницъ. Прости мнѣ, Ома-
„ръ, я ничуть предъ тобою Омира. Но ли
„сей геній порождаетъ предразсудки
„и суевѣрія своего вѣка? или онъ принужденъ былъ
„угождать сему суевѣрію и усвоить себѣ пред-

по тому же

„разсудки другихъ вѣковъ, видя ихъ непонятными,
„нелогическими или пріятными, поэтому
„ни полезными философіи? Гомеръ! Ты такъ тебѣ угодно:
„Гомеръ, ты будешь Омиръ, первый великій учитель
„вѣковъ! Я хочу тебѣ дарить вѣнокъ текущій.
„Но ты не можешь не знать, что надъ моимъ
„творцемъ, равно какъ и надъ тобою, смѣются
„многіе, и что они не будутъ
„ихъ словамъ: „Гомеръ не зналъ ни
„мѣста ни времени! – Листочь! Омиръ жилъ
„болѣе; но онъ живетъ и будетъ жить вѣч-
„но въ своей Иліадѣ; и когда человѣчество дос-
„тигнетъ древности мірской, и тогда бу-
„дутъ ему удивляться, какъ неосмѣянно-
„му старцу, говорившему языкомъ мудрости къ младенцамъ; будутъ смѣяться
„надъ сумасбродомъ младенцемъ для людей бо-
„лѣе невѣжествомъ, и дорогіе сокровища
„истины достойны самыхъ мудрыхъ и стар-
„цевъ мѣстныхъ. Омиръ живетъ болѣе; но
„поэзія переживетъ его, и переживетъ всѣхъ о-
„мировъ, если они будутъ. – Несовершенство
„мое зависитъ отъ несовершенства фило-
„софіи; но ты не скажешь, что надлежитъ
„оставить человѣка слѣпымъ, безъ руководи-
„теля, на опасномъ пути мнѣній, потому
„единственно, что сей руководитель самъ
„часто дремлетъ и позволяетъ падать въ стрем-
„нинѣ заблужденія его сопутнику; ты не ска-
„жешь, что должно уничтожить философію и
„врагу истинной мудрости и что самый
„разумъ потому, что есть философы
„разумъ предлагается часто въ безуміе. Нѣтъ!
„напротивъ ты предполагаешь вторичный путь
„къ усовершенствованію философіи, и почиту-
„ешь разумъ отъ предразсудковъ. Знай же, что ду-
„мая трудиться для одной философіи, ты тру-
„дишься вмѣстѣ и для поэзіи; знай, мудрецъ!
„что поэзія водима твоего рукою при каче-

»тайн плана прекрасной твоей республики; и
»когда осуществишь ты сіе небесную идею родив-
»шуюся въ твоемъ разумѣ, когда научивъ лю-
»дей читать и вникать сего идею до возможной сте-
»пени усовершенствованнаго разума, и когда о-
»тецъ человѣковъ съ превысренняго ~~олимпа~~ неба
»узритъ истину и добродѣтель царствую-
»щую надъ его чадами: тогда явлюсь и я среди
»градовъ твоихъ, явлюсь во всей наготѣ не-
»винной юности, явлюсь съ златострунного ли-
»ры – пѣть одну чистую истину и чистую
»добродѣтель. Ах только пора пусть этотъ во-
»ждь лавръ у ногъ твоихъ: ибо я недостойна
»еще ни торжества, ни тріумфа.

И подлинно, извинительна поэзія древнихъ, если
изображала нечистую истину: ибо чистая ис-
тина тогда нерѣдка еще въ разумѣ ихъ, а чего
въ разумѣ нѣтъ, того не можетъ быть въ воо-
браженіи; воображеній долгъ воспріявъ предметы
отъ разума одѣтъ ихъ въ такіе образы, какіе
болѣе нравятся нашъ, и потомъ препоручивъ
ихъ, такъ сказать, любви нашего сердца. Ко-
нечно сіи геніи, отдаленные отъ насъ столь
многими вѣками, обращались мыслію къ
поздымъ потомкамъ своимъ, видѣть ихъ осѣян-
ными небеснымъ свѣтомъ; но завидовали имъ
въ ~~томъ~~ имѣть ~~самую~~ чистую истину, поэзію. ~~Истина~~
Наконецъ ~~скоро~~ ~~[illegible]~~ Истина земная
Неизвѣстно. ~~сей~~ наиш[illegible] умовъ не похищаетъ болѣе тьма
идолопохлонства и невѣжества; борисшедшая
вѣра явила нашимъ умамъ чистую истину
и чистую добродѣтель: но признаемся, хотя
время еще далеко поэзія отъ того совершенства,
чтобы сохранять предѣлы полагаемые ей здравымъ
умомъ. – Чтобы не могли произвести сіи ~~другіе~~
~~свѣтъ, которой и пропорціи къ чести онаго~~
~~тва ихъ, естьлибъ напрасными сны дарованія~~
Чадъ свѣта, сими бы произволяю не возвращать
въ древній мракъ?

~~къ существенной полезной человѣкъ~~ ? но опрятные
любимцы природы, которымъ ~~обязано~~ [illegible]
лись благодѣтели ея, обращаютъ ихъ во вредъ
сей и другимъ. ~~самообольщенію~~ Поэтъ, кото-
рой ~~нѣкоторой~~ вчера на славу поэзіи сегодня порам-
ляетъ ее трудовъ своего лиру ~~божественной~~ ли и
~~Лафонтеновскому~~ пороку. Недвижимый Вольтеръ,
восхищаетъ насъ блистать съ Бедрихомъ сія-
ющимъ къ престолу Супрѣмо, научаетъ въ сми-
реніи унижаться предъ всесильнымъ Вла-
дыкою земли и неба, и, пораженный турецкою
падшею въ великія пропасти городы, открыв-
аетъ предъ очами – увы! просвѣщеннаго свѣто-
та ужасный адъ лукавствъ сумнительной гнѣз-
дящихся въ душѣ его, и въ услышаніе всѣхъ –
увы! просвѣщенныхъ народовъ изрыгаетъ хулу-
ническій червь на всемогущаго и правед-
наго, скудельной сохи на Художника, въ
десницу коего вся ~~[illegible]~~ его ~~[illegible]~~ дыханіе? – Итакъ,
Лафонтенъ, и ты извлекъ добродѣтели,
ты, котораго ~~[illegible]~~ муза во дни не-
винности своей застѣнялъ безсловесныхъ
и самыя дерева стонъ прекрасно настоящихъ
человѣковъ; ты, которой восхитилъ у Рим-
скаго поэта доброту славу – украсить вѣнкомъ
славу безобразнаго любимца мудрости! –
Безсмертный въ своихъ басняхъ Лафонтенъ
умеръ въ своихъ повѣстяхъ. Второй ~~[illegible]~~ Воротить ли
о тѣхъ ~~названныхъ~~ друзьяхъ [illegible]
роды, которые ~~[illegible]~~ добромъ ~~[illegible]~~
наполнятъ ~~[illegible]~~ книги, которыхъ не-
полезенъ ~~для просвѣщенной~~ ихъ эпизодъ, и кото-
рые условились писать для одной ~~[illegible]~~ и по-
рока, такъ какъ и пивуть для одного забшурде-
нія и расиутства? Пусть они, ~~какъ хотятъ~~,
пусть ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~

они нарицают Аполлона. Божественный,
они нарекли самого Аполлона! „Божественный
Аполлон [redacted], говорят они:
„какое тиранство! какое
„насильственное стеснение свободных душ
„Вооружайся! не свободнее ли дидро его поэзия?
„наши ли будут предписывать законы фи-
„лософы, которых никто понимать не хочет?
„назначение человечества! усовершенствование
„природы человеческой! всеобщий закон всех
„сил духовных и всех искусств и наук!
„и потом — поэзия должна повиноваться фило-
„софии! и наконец — предмет достойнейшее
„поэзии — истина и добродетель. Аполлон мы
„знаем одно изящное; и что нам нужно
„хранить искусства нравиться и пленять?
„всё предписанные нам законы мер-
„но сократить в одно сие великое слово: кра-
„вимся. „[redacted]
„[redacted]
„друзья мои; но нравились ли вы? вот во-
„прос. В пребывание мое на земле, кажется,
„нравился я добрым пастухам моим; но
„признался я восставать их одну истину и
„добродетель. — Чистыя сестры, видались ли
„вы сопернику моему в пении? — но оскор-
„бляется самая невинность, и вы изумлены,
„что я мог так долго терпеть пред ва-
„ми поэтов, которые ищут
„нравиться нам нечистым воображением!
„своим и сердцем? — бесстыдные, вы не
„краснеете. О красы! на ними это все они падут с
„Нарцисса стремглав — с вторгнувшими знаками
„отвержения, возбуждающими с первого взгля-
„да, что это нерадивейшие из разумных
„животных, — люди, не стремящие к благу своим
„и других — они [redacted] нравится.
„[redacted] что, что [redacted] пастух
„[redacted] которые [redacted] [redacted]
Не будем говорить о тех возвышенных умах, кото-

Остановившись
Остановившись
Отступивши
Отступившись
лучше не
изображать
Ваши судьи
Ими они
Ваш суд
Ваше
Ваши
Вы
Вы
Вы

и разсудка, ибо всегдашъ вкусъ отравляетъ, ибо самый воздухъ удушаетъ, сіе царство смерти или адъ ~~его~~ изведенный на землю страстями человѣческими, не приспособленъ къ слѣдующимся доныне. Поэзія убѣгаетъ отъ душныхъ испареній, похороненныхъ ~~подъ~~ развалинами философическими, которыя ~~заслоняютъ~~ ~~отъ~~ всего зеленаго, прохлаждаютъ своего тлѣнія, питаютъ и упрочиваютъ ~~ихъ~~ своими гибелями. –

Правда, сіи гибели должны быть столь прекрасны, какъ и здоровы; плоды не только какъ здоровые родятся въ суровѣйшемъ климатѣ философіи. Поэзія должна гнушаться и гнушаться, гнушаться и опять гнушаться; все, что сбылось обыкновеннымъ, ей гнусно; все, что ~~недостойно~~; царство ея есть царство изящнаго. Тихъ! не царство истины и добродѣтели недовольно ли обширно, чтобъ царство изящнаго содержалось въ немъ, какъ нѣкая часть въ цѣломъ? Поэты. Будьте философы, и ваша лира не будетъ имѣть недостатка, ваша проэзія ~~лира~~ ~~будетъ~~ сопутствуя отъ безобразнаго ~~чтобы~~ ~~чего~~ ~~не было~~ къ ~~чего~~, возвысить нашъ духъ и сердце исполнить сладостью ~~себя~~ самихъ, заключитесь въ работницей храминѣ вашего духа, удивляйтесь и восхищайтесь, удивляйте и восхищайте насъ зрѣлищемъ чудесъ нашей природы. сходите съ Юпитеромъ: какъ великъ и какъ малъ человѣкъ! по духу его оливковому ~~ему~~ онъ чуждъ ~~ему~~ ~~ничего~~ ~~общаго~~ ~~ничего~~ великъ и ~~ничего~~ ~~общаго~~ ~~ничего~~ ~~общаго~~ ~~ничего~~ ~~общаго~~

и принесший сей любви въ реутау все любезнѣй-
шее сердцу родителя, – чадъ своихъ – сыновъ, во цвѣтѣ
лѣтъ падшихъ подъ всесудительною сѣрпомъ смер-
ти на полѣ брани, вмѣсто ихъ самихъ ими мла-
твія ихъ надежды старости теперь ~~только прахъ~~ Да
~~даетъ получить мзду за все что его достойно~~ Да
лась, – его имѣнии и чести и имущества – да
то, что сокровенный подъ древними лѣтъ насѣ-
бался онъ предъ человѣками случайными; недали
ему и послѣдней отрадѣ соединить въ прахъ свой
съ прахомъ отцевъ, – изнеможенный къ народамъ
Дочь, поверженной рукою Гріѣла на одръ тя-
кой болѣзни, и зримъ ~~онъ~~, какъ бѣ, чтобы
любовь подать ему утѣшеніе, и вотъ ~~онъ~~ успокоивъ
его ~~сонъ~~ ропотъ на Благаго и Правосудного.
Ропотъ! только спѣшите удержать преступный
сей ропотъ; напомните огорченному старцу,
что не все съ его рѣзкою кончится, что не все и добре
ничего нетлѣнно у него люди, что по ту сторону
гроба ждетъ его блаженство, которое вкусивши
успокоитъ онъ настоящія скорби. Представьте
предъ очи его чадъ, изъ райской кущи простира-
ющихъ къ нему свои руки, изобразите ему смерть
въ видѣ кроткаго ангела, ведущаго извѣстно стра-
дальца изъ плачевной юдоли, соединить его со всѣми,
съ кѣмъ разлука была для него тяжка, и наконецъ
упокоить всѣхъ въ единомъ Богѣ. Найте ему Бога во
~~всѣхъ ~~ всей благости отеческаго
который не допуститъ посѣтить лютъ насѣ-
вѣчной безсмертій души – великую истину, на ко-
торой зиждетъ человѣкъ свое спокойствіе, утѣши-
тельную истину, безъ которой человѣкъ взираетъ
на себя, какъ на самое ~~ничтожное~~ ракое въ свѣтѣ твореніе;
одинъ словомъ: ~~воскресить~~ облегчить
одну истину; ~~онъ~~ изліетъ цѣлебный бальзамъ
въ страждущее сердце, оно примиритъ его и съ Богомъ
и съ людьми, научитъ его вразумлять людямъ и бла-
гословлять Бога. тогда и вы, поэты! будете бла-
гословенны, и сама истина нарочитѣ васъ утѣ-
шителями ~~сильными~~ смертныхъ. –

Истина явленная въ дѣйствіи есть добродѣтель:
и когда добродѣтель, какъ сказалъ нѣкто изъ древнихъ,
столь прелестна, что человѣкъ не могъ бы ея не лю-
бить, и не могъ бы любить что иное кромѣ ея, ес-
ли бъ ея узрѣлъ тѣлесными очами: то сколь об-
ширное поприще славы представляетъ она для
поэта, если только способенъ онъ принимать
впечатлѣнія небесной ея красоты! Сколь велика доб-
родѣтель на тронѣ, и сколь любезна въ жили-
щѣ земледѣльца. Вдохновеніе не все, что въ обширно-
мъ названіи долженъ добрымъ, есть добродѣ-
тель достойная пѣсней поэзіи. Сосѣдъ одол-
жающій другаго сосѣда въ надеждѣ самъ быть ему
одолженнымъ, или рабъ пропитаніемъ своему го-
подину обѣду, не имѣя силъ мстить ему могутъ
между простыми людьми быть извѣстны подъ
именемъ добрыхъ. Но сіи добродѣтели люди не
останавливаютъ на себѣ вниманія поэзіи, ко-
торая ищетъ добродѣтели очищенной отъ вся-
каго примѣса выгоды и самолюбія. ~~Такова~~ Она
~~есть пріятная пустота пространнаго чувства~~
~~сладкія~~ Богъ Александра великимъ не тогда, какъ побѣ-
дитъ онъ тмочисленные полки Дарієвы, но когда
подтвердитъ сѣтъ самаго и увѣнчаетъ нещастіе
въ лицѣ плѣненнаго семейства своего непрія-
теля. Палатка, гдѣ окруженный врагами Петръ
начертываетъ Сенату волю свою, которую почи-
таетъ полудневною; темница, гдѣ Сократъ съ
чашею яда ~~бодрствуетъ~~ среди друзей о безсмертіи
души безъ трепета вступается смерть къ нему
приближающуюся – вотъ поприще, гдѣ поэзія
дѣйствуетъ со славою, гдѣ геній ~~младенчествуетъ~~ сѣтъ
стогда мореетъ испытывать разсѣдающіяся
силы, и гдѣ пребудетъ честна самая старость
его.

Не нарушитъ внѣшнимъ и тогда поэзія своего
долга, когда, не возбуждая въ насъ высокихъ чув-
ствованій, коснется нашего сердца движеніями
кроткими, живописуя намъ красоты природы,
или невинныя удовольствія сельской жизни.
Сіи душевныя дѣтскія благогріятствуютъ
ученію истины и добродѣтели, когда не вооруже-

гают противъ нихъ нашего разума и сердца. На-
противъ они руководствуютъ разумъ нашъ къ
истинѣ, и настроиваютъ, такъ сказать, на-
ше сердце къ добродѣтели. Сатиры Теокрита и
Виргилія заставляютъ насъ плакать о протек-
шихъ невозвратно вѣкахъ простоты, когда у
людей на языкѣ было сердце. Природа, — пусть
только человѣкъ внемлетъ гласу ея, — вся при-
рода возвеличивается Божіимъ славы, и творецъ услыш-
ная зодчаго призываетъ руку его сотворившую.
И если поэзія должна была
и съ лирою и трещоткою, только бы ей было
для славы истины и добродѣтели. Иногда мерз
возвеличивается подобно истинѣ; [illegible]
[illegible] иногда недостоинъ гимнъ или
отъ худаго воспитанія получившіе худое направ-
леніе, или по другимъ какимъ причинамъ укло-
нившіеся отъ прямаго пути добродѣтели въ
самыхъ заблужденіяхъ или производимыхъ обма-
нутымъ воображеніемъ необыкновенную силу духа рожден-
ного быть великимъ; слава поэзіи, когда она по-
рабощаетъ обманъ въ его гордомъ полетѣ, и когда
тѣмъ бо́льшій опускается въ пискъ и грязь къ по-
року, чѣмъ ужаснѣе порокъ въ пріурядѣ! Есть и сильни-
ныя заблужденія и сильные пороки; поэзія
должна всѣ избрать противъ нихъ примѣнивъ-
шее и способнѣйшее оружіе, только бы она всегда
оставалась согласною истинѣ и добродѣтели.
О есть мечты только ея забавы не увидятъ въ ней худо мудрости
вольности! [illegible] свобода [illegible] такъ часто
Сколько опасно сіе своевольство, столько трудно его
предотвратить, и удержать воображеніе въ долж-
номъ повиновеніи разуму. Чтобъ [illegible]
Сочинитель, когда самъ разумъ, отворивъ ему
Сочинитель [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] говоритъ со страстями! О, сколь [illegible] [illegible]
превозносимый нашъ разумъ! какая густая
тьма иногда на очахъ его. сколь часто оста-
ется самому блуждать онъ въ сей
тьмѣ, гоняется за призраками ложа постиг-
нуть истину! сколь часто обманутый въ ис-

вѣда свѣтила урокъ является ему въ сей тьмѣ, и
обманутый
[illegible] прежнюю проведетъ цѣлую свою молодость,
нашъ страстями; [illegible]
или напротивъ обыкновенный путь добродѣтели
[illegible] когда разумъ [illegible] [illegible] природы человѣческой
[illegible] есть тьма, то тьма кольми! [illegible]
[illegible] [illegible]
Какъ [illegible] философія изрѣзываетъ дозду, поэзія
[illegible] прихрываетъ ея изъятіями страсти [illegible]
[illegible] цѣлостно [illegible] и [illegible] человѣка, хотѣть ли
онъ или нехотѣть. —

Такимъ образомъ разумъ — сей денница долженство-
вавшій озарять всѣтскія въ нашемъ духов-
номъ мірѣ, несохранивъ начальства своего пада-
етъ и омрачается [illegible] хаосъ, и какъ изъ ни-
чего ничто не можетъ произойти, такъ изъ хао-
са сего не можетъ родиться устройство, до-
колѣ свѣтъ свѣтлое не разгонитъ сію тьму.
[illegible] свѣтъ сей есть — Богъ. Разумъ не
есть болѣе свѣтъ; онъ только органъ, которы-
долженъ принять божественный свѣтъ сей и
сообщить его низшимъ органамъ духовной
природы. Тогда [illegible] все иной видъ; смотря
на вещи въ свѣтѣ солнца духовъ еще легче мы
отличимъ истину отъ заблужденія, нежели
какъ ходя во свѣтѣ солнца вещественнаго мира,
отличаемъ бѣлое отъ чернаго. Тогда умол-
кнутъ сіи противорѣчащіе другъ другу фило-
софы, изъ различныя стороны влекущіе бѣдный
нашъ разумъ; всѣ они увидятъ, что всѣ болѣе или
менѣе заблуждали, и, отложивъ враждебныя
прѣнія, пойдутъ одною стезею въ храмъ мудрос-
ти. — Съ усовершенствованіемъ разума и филосо-
ріи усовершится воображеніе и поэзія: ибо воображ-
еніе не осквернится болѣе нечистыми образ-
ами; лукавая лесть и хитрый порокъ не по-
хитятъ украшеній поэзіи, которыя не
для нихъ предназначены. Но прежде нужно, чтобъ
свѣтъ небесный осѣтилъ воображеніе на-
ше, такъ какъ и разумъ; нужно, чтобъ образъ
Божій возсіявшій въ разумѣ отразился и

въ зеркалѣ воображенія; нужно, чтобъ Поэзія, собравъ всѣ краски, какими Природа надѣлила цвѣты, всѣ краски, какими она одѣла лице свое къ Божественному Солнцу: ибо единый свѣтитъ сего Солнца всегда довольно обличить ложь и порокъ, столь часто въ покровѣ изящнаго прохаживающійся въ любовь къ намъ; единый свѣтитъ сей явитъ Поэзіи истинное изящное и посему истинно-достойное ея любви.—

Но что изящнѣе, и что достойнѣе нашихъ восторговъ, какъ не самъ свѣтъ сей? желаетъ ли Поэзія самымъ ~~правильнымъ~~ или нѣтъ образомъ возбудить и подвигнуть нашу душу? пусть устремитъ мысли наши къ Нашему всякаго движенія и въ тѣлесахъ и въ духахъ.—Воображеніе наше любитъ созерцать самую природу—такъ сказать—въ обѣтъ. Распростертое надъ главами нашими небо, коего ослѣпительности не можетъ объять око, или сіи цѣпи кремнистыхъ горъ скрывающихъ въ облакахъ снѣжныя свои вершины, или сіе иногда кипящее и бурное, иногда спокойное и свѣтлое, но всегда невозримое море: отъ чего сіи зрѣлища только восхищаютъ нашъ духъ? отъ чего не порождаютъ въ насъ подобныхъ чувствованій или холмъ, или сводъ въ нашемъ домѣ, или ручей, который можемъ отъ одного берега до другаго измѣрять надію? отъ того, что здѣсь ограниченность противъ воли нашей представляется взору, а тамъ изображается нѣкая безпредѣльность. И когда пріятно намъ обманываться сею представляя безпредѣльное въ вещахъ ограниченныхъ; то созерцаніе безконечнаго ~~предмета~~ Существа не должно ли гораздо болѣе приносить нашему духу удовольствіе?— Безпредѣльная благость, безконечная премудрость, неограниченное всемогущество. Разверзитесь Божіе слово, чтобъ видѣть сіи совершенства въ дивныхъ дѣйствіяхъ ихъ; отъ всемогущаго да будетъ до великаго совершившаяся пространствъ мыслію совѣты Вышняго во всякаго несостоятельнаго человѣчества; и подивимся, что жатва столь обильная, а дѣлателей такъ мало, что исполины изъ рамшевы неистощимы, а Мильтоны и Клопштоки столь рѣдки, столь рѣдки жарующіе сей животворной водой,—одушевляющей небесными восторгомъ.

Слово Божіе представляя столь великое богатство предметовъ, которыхъ нѣтъ ничего достойнѣе Поэзіи, само вмѣстѣ есть истинная Поэзія, которой вся возвышенность зависитъ отъ возвышенности предметовъ. Естьли поэзія человѣческая должна приближаться къ совершенству слова Божія живаго и дѣйственнаго; то ~~гораздо~~ тво для сего одно. Да поставятъ наши поэты ~~да будетъ~~ подобно Давиду, цѣлуя-бия сей то, ~~стихъ~~ ~~стихъ~~ ~~стихъ~~ Божіи всѣ ихъ! да хвалитъ вся-кая псалтирь Господа, всякая тварь! Всякая тварь хвалитъ Господа: ибо всякая тварь, кромѣ человѣка достигаетъ того совершенства, для котораго предназначена Господомъ: такъ и поэзія тогда только получаетъ направленіе къ совершенству нашей природы и сама вмѣстѣ бываетъ совершенною, когда воспѣваетъ все изящное въ Богѣ, и Богъ во всемъ изящномъ: тогда сіе изящное бываетъ одна истина и одна добродѣтель. Но одна поэзія не можетъ произвести всякаго совершенства нашей природы; для сего нужно, чтобъ духъ, вся исполняющій въ мірѣ вещественномъ, былъ всяческая во всѣхъ силахъ нашего духа, чтобъ царствіе Божіе явилось въ силѣ и надъ разумомъ нашимъ и надъ воображеніемъ и надъ желаніями нашего сердца.—

О потребности молитвы для спасительнаго разумѣнія Божія слова.

Всякое благо нисходитъ отъ Бога къ человѣку чрезъ молитву, и открывающія во Іисуса Христа откроютъ, что все, чего они просятъ во имя его, Отецъ Его и Отецъ ихъ дастъ имъ. — Но если Богъ съ любовію пріемлетъ возсылаемыя къ нему съ дѣтскою преданностію моленія и с~~ѣ~~ земныхъ, тѣлесныхъ благахъ, то не вѣнецъ ли дерзновенія, молитвы мы ~~должны~~ должны, чтобы молить его о ниспосланіи къ намъ благъ ~~отеческихъ~~, небесныхъ и духовныхъ? Если Спаситель поучаетъ насъ просить у небеснаго Отца насущнаго хлѣба для укрѣпленія немощной плоти, то не паче ли надлежитъ намъ молить его насыщать хлѣбомъ духовнымъ алчущую нашу душу, и укрѣплять ее питательнаго пищею блаженнаго слова его? Глядя сквозь призму вѣры на всѣ явленія природы, мы видимъ, какъ Іисусъ Христосъ предалъ ученикамъ своимъ словеса спасенія, а ученики преданіе сіе всей твари, такъ что тысящи тысящъ напитались симъ спасительнымъ хлѣбомъ, и отъ него не только не оскудѣвающимъ, но съ умноженіемъ ядущимъ паче и паче, хотя только вѣрою кормятся, и худѣющимъ благочестія промысломъ сохранившись до нашихъ позднихъ временъ въ первобытной непорочности и чистотѣ своей, умножимся наконецъ до того, что уже не ал-

чудій хвалу пищутъ его, а онъ ищетъ сихъ чудесъ, - полны толикихъ недугъ, изліяніемъ своимъ человѣчеству, и особенно хвалящихся, хвалу, когда Богій раны во благое рабы, такъ сказать, около устъ нашихъ обносятъ сіи дѣлительный хлѣбъ, умоляя насъ вкусить и видѣть, яко благъ Господь, - хвалы достойны, что нѣтъ болѣе причины страшиться нашъ духовнаго глада. Однакоже, какая страшность! человѣкъ мретъ исталкивать гладомъ и за обильнаго трапезою. Ему предлагается снѣдь Ангельская; но онъ мретъ не находитъ въ ней для себя никакой пріятности; разуму его представляются небесныя истины; но какая въ толѣ польза, естьли разумъ сей не имѣетъ въ очахъ истинныхъ ничего кромѣ непроницаемаго мрака его ослѣпляющаго? для извязленнаго страстями сердца готовы врачества исцѣлительныя; но, увы! сердце сіе столько обдѣлано ~~во врагахъ~~ хваленія, не будетъ, что хочетъ навсегда остаться въ своей подлости, которая сдѣлалась для него нечувствительною. Между тѣмъ нещастная душа его алчетъ и жаждетъ: яко духъ, по естеству своему требуетъ она для себя и пищи духовной; но яко духъ порабощенный плоти, такъ сказать, только смотритъ на предложенную ей отъ Бога пищу, не имѣетъ силы, не умѣя вкусить ее, и даже не

имѣя къ тому желанія, безъ котораго самое вкушеніе было бы безполезно. - Сего недовольно; она ощущаетъ отвращеніе къ сей пищи: столько-то истинно слово Апостола Павла, что душевенъ человѣкъ непріемлетъ, яже Духа Божія; ибо все сіе ему юродство, ибо Христосъ распятый ему или соблазнъ или безуміе, ибо необогняетъ онъ Христова благовѣщенія, и не чувствуетъ въ немъ божіей силы и Божіей премудрости. - Духовенъ человѣкъ непріемлетъ, яже Духа Божія, подобно плотскому, которая подверженная внутренности не пріемлетъ никакой пищи. Погибель его неизбѣжна, естьли не поспѣшитъ онъ приступить ко храму Духа и тѣмъ самымъ - Богу. Анде есть покровенно благовѣствованіе наше, въ погибающихъ есть покровенно, говоритъ Апостолъ; и никакое искусство человѣческое не сильно помочь силѣ ~~ослѣпляющей~~, естьли самъ Богъ, очистивъ ~~вопросивъ~~ ~~страстей~~ сердца ихъ, не соблаговолитъ ихъ способами къ ощущенію сладости словесъ своихъ; естьли молитва, отверзающая небеса для человѣка, не привлечетъ къ нимъ благодати, отверзающей умъ разумѣнію писанія. - Пусть они пребудутъ твердо въ подвигѣ молитвы, пусть уничтожатся предъ Богомъ въ благоговѣйномъ смиреніи; пусть непрестанно устремятъ сердца взываютъ къ нему съ Давидомъ: Благословенъ еси Господи научи насъ оправданіемъ твоимъ; благъ еси Господи, отверзи очи наши да разумѣемъ чудеса

отъ закона твоего; и Господь, который
есть благъ всемъ призывающимъ его,
не укоснитъ сотворити имъ по своей ми-
лости.-

Но какъ тюлюнную пищу, неспособнаемую
отъ бога человеку во здравіе, человекъ и-
когда обращаетъ во вредъ себе, такъ и
духовную пищу, которая сама въ себе
есть вогня животная и животъ, потре
человекъ легко можетъ сдѣлать для
себя вогнего смертного въ смерть. И се-
сугубая для насъ нужда въ молитвѣ, ей-
ли желаемъ достигнуть спасительнаго
результата Божія слова! Оно вогня живот-
ная и животъ только облагодательствовани-
ная въ людяхъ, которые ведля суетнаго
недѣльнаго разума, но для осѣняющія ду-
ши своей, для угоповленія сей невѣсты
съ Божественнымъ Женихомъ ея, богатѣ-
ютъ въ познаніи высокихъ нашихъ вѣрѣ.
Оно вогня животная въ животъ изгрѣшившимъ
Божіимъ, которые сими освободуступными ме-
чемъ умерщвляютъ въ себѣ Адамли вет-
хаго, и старѣются жить по духу Хрис-
тову, а не по духу прелюбодѣйнаго и гро-
шнаго міра.- Тѣмъ оно вогня живот-
ная въ животъ; ибо укрѣпляетъ сердце ихъ
въ жизни святой духовной, и есть извѣст-
нѣйшее поручительство ординаціей ихъ
жизни вѣчно-блаженной. Напротивъ слово
Божіе есть вогня смертная въ смерть для
того неразумнаго, кто ищетъ въ немъ ни-
чего для суетнаго любопытства; оно вогня
смертная въ смерть для того сластителя,
который недумаетъ быть творцемъ

сластнаго; оно вогня смертная въ смерть
для всѣхъ плоти, міра и дѣявола, ко-
торыхъ постѣдѣлся гвоздями, которыми о-
ковали насъ сіи смертельные Христовы
противники. Вотъ таковая слово Божіе
есть вогня смертная въ смерть: ибо оно
осуждаетъ насъ, уже умерщвленныхъ ерѣ-
хомъ, на смерть вторую; оно воспламенитъ
противъ рода сего на судищи Христо-
вомъ, и тогда мститъ его за оскорбленіе,
какое люди дѣлаютъ сему нѣкогда жесто-
косердіемъ своимъ, будетъ ужасно. Посмъ
сего нѣтъ нужды вопрошать, кто изъ
насъ желаетъ, чтобъ слово Божіе было е-
му вогнего животнаго въ животъ. Живо
любимъ его; только того не пожелаемъ,
чтобъ животъ сей пріобрѣтается; не и-
мѣемъ благой нескромности исполнять
то, чему имѣемъ вѣрить, не пожелаемъ
твердаго женскій презрѣть плотскій
удовольствій за хотящую явиться
въ насъ славу, не пожелаемъ ревности
и мужества побѣдить себя и покорить
волѣ своею благой и совершенной воли
Божіей. - Посмъ сего надлежитъ насъ
спросить каждому у совѣсти, не
вогнего любы смертнаго въ смерть было
для насъ Божіе слово, естьлибы сами Богъ
не живилъ насъ; это словеса вещественныя
ма его несовершимаясь въ немощи челове-
ческой, естьлибы, открывши намъ волю
свою, не открылъ онъ для насъ въ себѣ са-
мый источника дѣлъ, преизбыточество-
ющихъ для исполненія сей воли только
пріятной хотѣніемъ нашего сердца? -

Надлежитъ убо прибѣгать прежде къ благословенному источнику сему съ почерпаемымъ молитвы, и потомъ пить изъ источника Горія слова воду живую текущую во животь вѣчный. Надлежитъ молить Бога, да отыметъ у насъ сердце каменное, и дастъ намъ сердце мягко, - сердце сокрушающееся о своемъ недостоинствѣ, сердце любящее и бѣгущееся по слову Горію. - Ибо точь только во спасеніе познаемъ Бога, кто любитъ его; а истинно любящій Бога, любитъ волю его и похорятся ей. Сей возлюбленъ будетъ отцемъ молимъ, благоволитъ Іисусъ Христосъ, и азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ. - Какое блаженство - имѣть общеніе съ Богомъ! Слово Горіе для того и предано намъ рабами Горіими, чтобы мы достигали чрезъ разумѣніе онаго вожделѣннаго сего общенія; но оно не приступнымъ для насъ останется, доколь самъ Отецъ не привлечетъ насъ къ Сынѣ; тайны благочестія никогда не будутъ намъ явлены, вѣстоли самъ Сынъ не отверзетъ намъ сокровенныхъ въ нѣмъ сокровищъ премудрости и разума; мы будемъ учиться, и никогда не придемъ въ разумъ истины, естьли самъ Духъ святый не наставитъ насъ на всякую истину. -

Хорошо.

О
цѣли философіи.

Естьли бы исторія такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ осталась ~~въ непроницаемой тьмѣ~~ совершенно неизвѣстна, то довольно было бы помнить мученическую кончину мудрѣйшаго изъ человѣковъ, чтобы знать, сколько суевѣріе ~~было всегда враждебно для~~ преслѣдовало истинныя созерцательныя знанія. — Когда чистая вѣра необитаетъ въ разумѣ человѣковъ; тогда не терпитъ они сверхъ себя и чистой философіи. Не разумѣютъ того, что вѣра и философія суть двѣ дружелюбныя сестры — дщери единаго Отца свѣтовъ, что первая не можетъ противоборствовать послѣдней, ни послѣдняя первой, когда и въ мертвомъ веществѣ сродныя силы стремятся не къ истребленію другъ друга, но къ взаимному соединенію и слитію. — Думаютъ защищать вѣру истинную противъ безбожія, — и рапируютъ только за суевѣріе противъ благодѣтельнаго просвѣщенія. —

Въ наши времена, когда свѣтскій фанатизмъ обратился въ причину всего постыднаго для человѣчества, когда откровеніе, по видимому, сблизилось съ разумомъ, и религія обнялась съ философіею, въ наши времена сила темная новосдѣлала покушеніе противъ свѣта, и философія видитъ новаго гиганта возставшаго на нее — это фанатизмъ философскій. Кичливость поставляетъ человѣческій разумъ на мѣсто разума Божія, на такую высоту, гдѣ онъ не можетъ держаться. — Прежде во имя Бога гнали съ лица земли философію; теперь имя ея философіи чудесуютъ, чтобъ оставить

міръ небесная вера – единственное утѣшеніе страждущихъ человѣковъ. Прежде говорили: для чего философія, когда есть религія. теперь вопіютъ: для чего религія, когда есть философія. Свѣтильникъ естественнаго разума довлѣетъ къ тому, чтобы возвести человѣка къ началу, отъ котораго онъ происходитъ; покланяясь сказаніямъ превышающимъ всякое разумѣніе, пускаться въ область тѣней и мрака, гдѣ умъ самый зоркій столькоже мало видитъ, какъ самый тупой – лишнее дѣло.

Роковое – естьли надъ религіи, которой основой камень столь твердъ, что и врата ада одолѣть ее – но ~~ранѣе~~ для самой философіи ~~мнѣніе~~! оно унижаетъ философію въ намѣреніи слишкомъ возвысить ее; подвергаетъ ее опасности презрѣнія и ненависти человѣковъ, для которыхъ (лучше бы было остаться безъ ума, нѣжели безъ вѣры); наконецъ она предоставляетъ философіи вещію безъ всякой цѣли, принимая ей цѣль, которой она безсильна достигнуть, и которая посему не есть ея собственная.–

Говорятъ, что нѣтъ столь чистой лжи, въ которой не было бы чего нибудь истиннаго. Въ самомъ дѣлѣ большая часть заблужденій произошла отъ легкомысленной опрометичивости или алчнотствующей самонадѣянности, которая слишкомъ утверждается о чемъ нибудь то, что съ справедливостію можно сказать объ одной части. Въ таковыхъ односторонностяхъ судженіяхъ всегда царствуетъ неустрашимая смѣсь умообразнаго съ вещественнымъ, существеннаго съ случайнымъ, прошедшаго съ настоящимъ, и настоящаго съ будущимъ; но смѣсь сія такова, что часто ~~фрейгоуголнивій~~ камень правды скрывается въ семъ недостойномъ его мѣстѣ. Это лабиринтъ, въ которомъ многіе блуждаютъ и гибнутъ; но кто идетъ съ златою въ рукѣ нитію истины, тотъ безпрепятственно проходитъ сіи обманывающія излучины, и наконецъ нападаетъ на главу скрывающійся въ нихъ чудовищный предразсудокъ.–

Непрямое мнѣніе о назначеніи философіи составилось изъ прямаго умонаправленія мудрости совершенной въ человѣкѣ совершенномъ, слѣпленной съ наукою умствующаго разсудка въ человѣкѣ посредственномъ и слабомъ.– Разуму надобно отдать всю справедливость. Когда Премудрый судія устроялъ на землѣ нравственное царствіе свое, и пріидѣ личный совѣтъ вочелъ человѣка славою и честію быть гражданиномъ сего блаженнаго царствія; тогда воспріялъ начало свое разумъ – священная черта образа Божія въ существѣ перстномъ,– великая печать союза твари съ Создателемъ.– Единъ Господь,– и доколѣ человѣкъ былъ единъ духъ съ Господомъ; доколѣ соединялъ его съ нимъ одинъ разумъ; доколѣ человѣкъ являлъ себя предъ Богомъ покорнымъ сыномъ, доколѣ разумъ являлъ ему въ Богѣ Отца благотворнаго; доколѣ жилъ онъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ, доколѣ его философія была религіею, и религія философіею.–

Но как вместит он [illegible] Ему
для чего злополучный грехов расторг сие возлюбленное единство? – Нам любимец Неба – и
падение сие удалило его отъ безконечнаго на
безконечное разстояніе. – Возмутившись
противъ Создателя, въ чресолъ зритъ чело-
вѣкъ, что возмутилось противъ него не толь-
ко все внѣшнее естество, но и собственное
сердце его. Разумъ сохраняетъ еще память
первобытнаго величія своего; но память сія
только бы увеличивала бѣдственное состо-
яніе человѣчества; блюдется еще во глубинѣ
души человѣческой отъ всеобщаго отъ кото-
раго она произошла, и съ которымъ единымъ
ея спокойствіе и блаженство; но мысль о
Всесвятомъ и правосудномъ умираетъ
только отчаяніе творитъ только сластію и
только виновной; естьли воплощенная
Бдія Любви не благоволила разрушить то
крѣпчайшее всѣхъ силъ средостѣніе, хото-
рое, казалось, навсегда отлучило сотворен-
ное и преступное существо отъ вѣчнаго
нескорѣющаго Создателя. – Великое сіе чело-
вѣка съ Богомъ въ Богъ-человѣкѣ возсоеди-
неніе есть истинная и слову соотвѣтствую-
щая дѣломъ религія. Она для человѣка со-
дѣлалась тѣмъ, что онъ былъ для него находя
разумъ; и поелику весь человѣкъ уже не то, что
онъ былъ въ началѣ: то и разумъ немогъ
болѣе для растлѣнія быть тѣмъ, что
онъ былъ для святой чистоты и невинности.
Онъ теперь показываетъ намъ только ту
высоту, съ которой мы пали, сознаетъ

ту бѣздну, въ которую повергли; обличаетъ
нашу немощь пройти сію необозримую
пропасть утвердившуюся между нашими
любовь; учитъ насъ чувствовать необходи-
мость силы вышней, которая бы растор-
гла узы чувственности отвлекшей и по-
работившей нашъ духъ, – необходимость
безконечной цѣны умилостивленія предъ
раздраженнымъ судилищемъ безконечнаго
правосудія. – Словомъ: долгъ разума въ настоя-
щемъ естественномъ его состояніи есть – поз-
нать нео бходимость посредника между че-
ловѣкомъ и Богомъ; и философія имѣетъ
единую цѣль, которая есть ея существен-
ная – руководить человѣка къ религіи, кото-
рая есть одна истинная. –

Долгъ словесный, и цѣль великая! – Представимъ
себѣ бѣднаго путника, слѣпца, которому
въ стремя неизвѣстной и чудной нѣтъ иного
вождя, кромѣ стороннической посоха. Засти-
женный въ непроходимой дебри мрачною и
бурною ночью, потерялъ онъ слѣзу свою и
незнаетъ, куда направить стопы. – Между
тѣмъ въ урочномъ трескѣ громовъ кается
ему, что небо ежеминутно готово обрушить-
ся на главу его; между тѣмъ рыщущіе вокругъ
хищные звѣри стремящіе рыканіемъ
угрожаютъ прервать его въ жертву своей алч-
ности. – Изнемогшій въ бѣдственномъ бѣгу-
дѣніи, трепещущій подобно древесному листу
вторгаемому вихремъ, хочетъ нещастный слѣ-
пецъ подкрѣпить отдохновеніемъ остатокъ
силъ, – и падаетъ – въ ехидномъ гнѣздилищѣ змій, которыя

нечаянно возбудившись въ яростномъ нетерпѣніи идутъ смертоносящимъ самомъ своимъ наказать возмутившаго покой ихъ. – Нерѣдкое ли состояніе сего путника? – но естьли бы уредился, кто бы могъ найти его во глубинѣ массовъ заблудшаго, освѣрѣпъ бы устрашенного, оживить бы надгробного отчаяннаго, и отъявши, какъ нѣкую кору, слѣпоту отъ очей его, – наконецъ извелъ бы на стезю вѣчную душу въ мѣсто его рожденія: непочтивши бы его прозрѣвшій смыслъ въ восторгъ души своей имѣніемъ благотворнаго друга человѣковъ – Вѣчнаго утѣшителя посланнаго къ нему отъ милосердаго неба? – Подобной слѣпецъ есть всякій человѣкъ. Добро, отъ хорошей мы блудимъ, есть добро мрачимъ предразсудковъ, мучителяхъ недоумѣлый и жалкаго самоневѣдѣнія. Истинная философія изводитъ насъ изъ сей нещастной добри и управляетъ наши стопы на путь второй, наведенный путь въ отечество наше; она врачуетъ и слѣпоту нашихъ умѣвшихъ очей, и такимъ образомъ преподготовляетъ насъ къ пріятію блистательнѣйшаго свѣта небесной религіи. – Достоинство религіи не уменьшаетъ суровы философіи: ибо мѣстьми отъ того благотворятъ намъ врачи, что возвращая способность зрѣть все въ свѣтѣ солнечномъ, немогутъ замѣнить ничѣмъ сего самаго свѣта, немогутъ нашего взора превратить въ солнце? Нестьми безразсудно требовать отъ нихъ столь многаго; то не столько ли безразсудно требовать подобнаго и отъ философовъ? но сами философы несутубыми безразсудны, что недовольствуясь высокою славою руководствовать насъ къ сей горней истинѣ присвояютъ себѣ возможность содѣлать духъ нашъ источникомъ — сего свѣта, такъ что почти мнѣ было и нечувствовать въ блаженномъ солнцу религіи, оживляющемъ всѣческая въ духовномъ мірѣ? —

Естьли всѣхъ человѣкъ мерзъ; то потому, что всѣхъ человѣкъ гордость. Отъ гордости, отъ единой гордости происходятъ заблужденія наши, и заблужденія домогутъ насъ нещастіями. Естьли бы гордость не заслонила сихъ умовъ имѣющемъ твердыми; они узрѣли бы, сколь слабо великолѣпное зданіе воздвигаемой ими естественной религіи, и сколь не надежно ея основаніе – разумъ, столь немощный противъ насилія страстей и предразсудковъ, – разумъ, – столь часто сговаривающійся съ неразумнымъ сердцемъ и вмѣстѣ съ нимъ влекущій человѣка въ рабство постыдныхъ роковъ, – разумъ – сія слабая трость ветромъ колеблемая, которая долговременныя изысканія часто разрушаетъ и уничтожаетъ одно маловѣріе сумнѣніе, – разумъ, по различію образованія всегда различный, въ различныхъ недоумѣніяхъ самаго себѣ не понимающій вдаре самому себѣ противорѣчущій. – Тако, когда философы не обращаютъ храминъ естественной мудрости въ притворъ храма премудрости Божіей; философія представляетъ Всевышняго столпъ которой никогда не будетъ конченъ. – Всевышній приникаетъ ~~оборонъ~~ на хищныхъ строителей, и видя, что они хотятъ только

сотворить себѣ имя, смѣшиваетъ помѣщенія ихъ такъ, что они неразумно другъ друга раздѣляются въ различныя стороны противоположныхъ линій.—

Но естьли бозвѣсить человѣческій разумъ до тѣхъ поръ сіи шумныя прѣнія болѣе за слова, нежели за вещи; естьли философы кардій своихъ путемъ ищущій истины, чтобы найти одну личную славу, избрали единую прямую стезю безпристрастія; то стоя сіи безъ сумнѣнія привлекли ихъ къ области вѣры; сія очищенная отъ всякаго пустословія философія тѣмъ болѣе явилась бы людямъ необходимостя религіи, и сей высокій умъ въ томъ показалъ бы истинную славу свою, чтобы повергать се въ смиреніи къ подножію креста.—Истина сія опрадывала, къ безотвѣтному стыду христіанскихъ временъ, отъ самихъ языческаго мрака, въ которомъ, какъ въ тѣни ночной, явились по временамъ нѣкоторые великіе, [illegible] ній Платона безъ сумнѣнія для большей части его современниковъ было соблазномъ и безумiемъ; за то оно должно научать насъ познавать истину религіи, которую исповѣдуемъ, и ухаживать цѣлъ, къ которой нашъ разумъ долженъ устремлять шествіе въ своихъ созерцаніяхъ.—Первый нашъ взоръ, кажется, долженъ бы падать на самихъ насъ. Важнѣйшая наука для человѣка есть —— человѣкъ. Всѣ познанія его суетны, естьли не познаетъ онъ себя самаго; но познать себя самаго безъ ужаса немочно. Немногіе безъ ужаса видятъ сію ѣдкую борьбу духа съ чувственностію, оканчивающуюся низверженіемъ перваго, порчествомъ послѣдней, и ввѣргію человѣка.—Немногіе безъ ужаса видятъ, какой восхитительный порядокъ царствуетъ въ природѣ и неразумной и мертвой, и какой хаосъ владычествуетъ въ природѣ человѣческой превознесенной и препрославленной.—Человѣкъ знаетъ, что не слѣдуя закону своего разума, всуе носитъ онъ имя человѣка—высокое достоинство владѣти вселенною; человѣкъ знаетъ, что отъ сослѣдствія сего закона зависитъ все совершенство его естества, что съ нарушеніемъ его неизбѣжно сопряжено зло наигрознѣйшее и единое, какаго долженъ онъ страшиться; онъ знаетъ, что законъ сей написанъ въ его сердцѣ есть власть вопіющая въ немъ Разума Высочайшаго, священный законъ или Бога всеславнаго, или праведнаго Бога разумной твари; онъ знаетъ... но довольномли того, что онъ знаетъ? немудреми было бы, естьли онъ не зналъ сего закона, нерѣдко и никогда не испомнятъ его? немудреми было бы для него совсѣмъ не быть человѣкомъ, когда не можетъ онъ не унизиться до степени несмысленныхъ животныхъ? Возлюбилъ [illegible] ? но кто се зло вѣсть? Какъ безъ богохульства помыслить, чтобы сокрытое Бога про-
тивъ ближняго? Какъ безъ богохульства помыслить, чтобы сокрытое Бога против

зло свободу свою, которая изобличила въ составѣ
его естества; конечно сотворенный для единаго
Бога, внѣ коего не можетъ онъ быть и блаженнымъ,
восхотѣлъ самъ для себя, и чрезъ то содѣлался
нечистымъ звѣремъ; хотѣлъ сей горес-
тный нашимъ нехлюдствомъ ~~злокачества~~ надъ
наслѣдственная зараза, отъ перваго грѣшника
перешедшая къ его потомкамъ; конечно сіи
ужасныя злодѣянія оскверняющія землю, и сія
бѣсовская страсти въ нечестіи своемъ
превращающія міръ въ позорище ада суть
слѣдствія перваго преступленія, -потому
не прекратятся по закону, по коему отъ злаго
корня не могутъ произрасти вѣтви при-
носящія добрый плодъ. -

Напередъ корень нравственнаго зла оста-
лось только посѣщеніе и истребить его; но
безуспѣшными о томъ стараніи мудрецовъ
всѣхъ временъ и народовъ доказываютъ, что че-
ловѣкъ самъ содѣлавшись злымъ, не можетъ
самъ себя содѣлать добрымъ; единородный сына-
чившись грѣхомъ, не можетъ болѣе просіять
святостію; единожды отпадши отъ Бога не
можетъ ужъ собственными силами притти
паки въ блаженное съ нимъ общеніе. — Естьли
смотрѣть на людей со стороны естественнаго
ихъ состоянія — какое печальное представляется
зрѣлище! Большая часть ихъ столько огрубѣли
въ долговременной духовной прокляти, что смыслъ
не способенъ ~~къ~~ ~~духовнымъ~~ ~~вещамъ~~ ~~любви~~ ~~Божіей~~
~~пристрастія~~ ~~къ~~ ~~сотворенію~~ ~~Божію~~ ~~любви~~ ~~Божіей~~
~~къ~~ ~~ближнему~~ ~~и~~ ~~къ~~ ~~самому~~ ~~себѣ~~ ~~и~~ ~~ко~~ ~~всѣмъ~~ ~~людямъ~~
~~пристрастіе~~. Другіе, почитающіе себя людьми
особеннаго рода отличаются отъ первыхъ тѣмъ,
что много говорятъ, и столько мало дѣлаютъ. —
Какъ не мыслимъ? кто сіи мужи, возвѣща-
ющіе чело свое въ знаменіе возвышенности ду-
ха ихъ надъ всѣмъ, что чувственно? непросвѣ-
щенную чернь? Они называютъ себя фило-
софами, но единой премудрой власть, этому
любители мудрости. Жизнію своею разруша-

ютъ они то, что созидаютъ своимъ ученіемъ; пропове-
дуютъ воздержаніе, учатъ презирать славу и честь,
превѣлятъ средоточію перестать любить средоточіе без-
душное, но забываютъ предшествовать ученикамъ
на примѣромъ собственнымъ; похоть плотская, похоть
очесъ и гордость житейская властвуютъ и надъ ними —
тѣхъ изъ нихъ, которые въ самомъ дѣлѣ далеко проѣбор-
лись на пути истины и добродѣтели, сознаются
отъ чистаго сердца, что всѣ они нечисты; что самыя
блистательныя добродѣтели ихъ отравлены ядомъ
сестолюбія; что они не въ состояніи достигнуть того
совершенства, котораго образъ начертали въ своемъ
разумѣ; и что философія, предписывая законы, нада-
етъ силы къ ихъ исполненію, ~~ещеодна~~ ~~стрѣла~~, и сіи
философы на пути религіи — ~~подходятъ~~ ~~къ~~ ~~ней~~ ~~но~~ довольныя
силы къ исполненію закона естественнаго нрав-
ственнаго человѣку — чтобы очистить для себя путь къ Богу — и въ
немъ успокоиться? — Положимъ, что онъ имѣетъ сіи
силы, и что ни одну черту болѣе не преступа-
етъ вѣчной присущаго въ душѣ его судіи. Но и тог-
да что онъ предъ Богомъ, какъ не рабъ, который
исполнилъ только долгъ свой? какое право имѣетъ онъ
требовать даровъ его благости? Онъ рабъ, и рабъ не-
ключимый: ибо чѣмъ вознаградить толикія осква-
ненія сдѣланныя имъ досель небесному Владыкѣ? —
удовлетворить правосудію Бога можетъ одинъ Богъ;
но по законамъ того же правосудія самъ Богъ не можетъ
ничего сдѣлать въ пользу человѣка, естьлибъ не
участвовалъ въ семъ удовлетвореніи самъ человѣкъ.
Итакъ — Богъ и человѣкъ — человѣкъ и Богъ — вотъ суще-
ство, которому предлежитъ великій подвигъ — водво-
рить миръ между небомъ и землею; — вотъ сущест-
во, которое должно содѣлаться для человѣка путемъ
отъ земли къ небу. Сей чрезвычайной посредникъ
долженъ возсоздать въ себѣ человѣчество; въ семъ
таинномъ Праведникѣ человѣкъ долженъ обновиться
и освятиться, такъ какъ растлился и опорочился
въ первомъ грѣшникѣ перстомъ. Это долженъ быть
новый, благословенный корень человѣчества, отъ
котораго и вѣтви должны заимствовать новые,
благословенные соки — новыя мысли, новыя жела-
нія, новыя силы — для произведенія благословен-
ныхъ плодовъ святой добродѣтели. — Но не достигнувъ

мы уже града Давидова? — и звезды истины не приобщали наш вместе съ мудрецами востока къ родившемуся Іисусу? —

Итакъ, кто учителя языковъ сказалъ о законѣ Моисеевомъ, то можно сказать о философіи: — цѣль философіи сбить поступками нашъ во Христа. Она воспитываетъ нашъ разумъ, чтобы потомъ предать его водительству вѣры. Но никто столько не противенъ духу Христа и его вѣры, какъ гордость; гордымъ Богъ противится, и двери вѣры его измѣряются только смиреніемъ пѣвогласующему уму въ послушаніе. Въ семъ случаѣ Богъ поступаетъ съ нами такъ, какъ поступилъ Іисусъ съ вѣтхими откровеніями. Нашъ единородный и возлюбленный Іисусъ есть разумъ. Онъ для насъ всего дороже, на немъ вся наша надежда, — онъ наша красота и упованіе; но Богъ, который нашъ далъ его и вѣрить намъ, хочетъ отъ насъ цѣлаго сего во всесоженіе; и не Богу ли повинуется наша душа? Философія! поступокъ нашего разума! веди воздвигнутаго тобою Іисуса на высоту Божественныхъ [illegible] его открытыя вѣрою, и нашъ — разрушь сторожи его [illegible] ихъ знаній, съ неизмѣримою твердостію вѣры, [illegible] Но Богъ не допуститъ Іерусалима [illegible] [illegible] и Богъ умягчая умягчитъ его. Отъ чего бы возлюбленнаго и разуму нашему, когда его откровеніе [illegible] Отъ Іоанна не всегда тотъ, кто есть. Его болѣе [illegible] тому сей вѣры возводитъ разумъ къ небесной любви [illegible] отъ силы въ силу, отъ истины къ истинѣ, отъ [illegible] къ [illegible] [illegible] [illegible]

Какъ жизнь человѣка взятаго въ единствѣ, такъ
и бытіе состава многихъ людей,—бытіе народовъ
и царствъ имѣетъ свои возрасты,—свое младен-
чество, свою юность, мужество и старость.—Отъ
Ромула до Брута Рима—въ теченіе сорока пять
лѣтъ младенецъ,—отъ Брута до Августа юноша
во цвѣтѣ дней своихъ,—отъ Августа до Феодосія
мужъ въ полнотѣ силъ,—послѣ Феодосія нѣкако
его склоняется къ дряхлой старости,—и Ве-
гецтулъ равнодушно принялъ вѣсть, что долго-
лѣтній обладатель міра низведенъ во гробъ ра-
кою варваровъ. Никто изъ насъ не сильнъ прибав-
вить единаго часа къ своей этику; равнымъ об-
разомъ и этихъ народовъ опредѣляется единымъ
Царемъ неизмѣнимъ, которой съ горняго престола
взираетъ на царства земныя,—измѣряетъ, из-
мѣряетъ, и по судьбамъ своимъ всегда премудро
рушитъ одно низводитъ, а другое возводитъ, раз-
рушаетъ престолы, и на развалинахъ ихъ по-
ставляетъ новые.—

Но слово Божіе, представляя намъ картину
жизни древнихъ Патріарховъ, не только дастъ
намъ видѣть волю Вѣчнаго въ ихъ долговѣчности,
но также ихъ умѣренность, воздержаніе и сооб-
разное съ законами природы употребленіе хотя
жизненныхъ силъ, такъ и средствъ служащихъ
къ украшенію и умноженію оныхъ. Равнымъ
образомъ исторія народовъ, показуя премудрость
и благость, всемогущество и правосудіе Божіе въ
переворотахъ политическаго міра, научаетъ
насъ вмѣстѣ находить естественныя причи-
ны ихъ производящія,—тѣмъ болѣе, что про-
мыслъ Божественный существуетъ неиначе, какъ по законамъ
всеобщаго разума, что зачастую случаевъ послѣд-
ствующихъ всегда скрывается въ произволе-
ніяхъ предыдущихъ, и что при всемъ вліяніи
Верховнаго Владыки на дѣла человѣческія, сво-
боды человѣческая остается непрекословенною,
и смертному предоставлено быть творцемъ
и благодѣтелемъ своего и бѣдности.—

Посему есть ли врѣхи, изслѣдованіе причинъ,
сокращающія человѣческую жизнь, хотятъ на-
учить людей сохранять жизнь свою и здравіе;
то политики, разсмотрѣніе многосложное сплете-
ніе дѣлъ въ исторіи народовъ, и указуя путь
сильнымъ пружинамъ, коимъ дѣйствовали и въ возв-
вышеніи ихъ и паденіи, имѣютъ въ виду ве-
ликую цѣль—уврачевать болѣзни человѣчест-
ва, научивъ народовъ соблюдать свои силы
и утверждать благосостояніе свое на проч-
номъ основаніи. Врачи и политики равномѣрно
слѣдуютъ одинакому правилу въ своихъ изыс-
каніяхъ. Какъ первыя, видя внѣшнія опредѣляющія
причины отдаляютъ или приближенія
чего-либо кончину, обращаютъ все вниманіе
и попеченіе на первыя мѣста того человѣка; такъ
и послѣдніе, видя показатель, отъ чего какой
народъ возвысился и палъ, прилежно взойти
своимъ изслѣдованіемъ къ его младенчеству,
обозрѣть его воспитаніе, и потомъ наблю-
дать, какимъ ходомъ раскрывался въ немъ
духъ, которымъ онъ былъ напоенъ въ нѣжномъ
возрастѣ.

Отъ воспитанія зависитъ все какъ въ участи семействъ,
такъ и въ судьбѣ народовъ и царствъ. Но воспита-
ніе наше не опредѣляется всегда духомъ тѣхъ
людей, которымъ поручается правильное раскрыть
въ насъ способности и дать первое имъ направ-
леніе?—А посему въ изслѣдованіи о духѣ могуще-
ственнаго народа не надлежитъ ли также об-
ращать вниманіе на отцовъ сего народа,—на то
время, которой получивъ отъ щедроты къ нему при-
роды стремленіе ко всему великому, недовольство
силъ къ достиженію своего назначенія, тѣмъ бо-
лѣе давъ стремленіе, тѣмъ болѣе раскрываетъ силы
и въ зачатіяхъ народа, воспріемлющаго отъ него
своего начало?—Великій отъ смертныхъ, но

дрыла его безсмертны; не весь исходитъ онъ во мрачную сѣнь гроба; духъ его, духъ предприимчивости, мужества, неустрашимости, остается жить въ народѣ, который вѣкъ, доколѣ знаменъ его славенъ будетъ процвѣтать и строить врагамъ своимъ.-

Таковъ былъ духъ Ромула, таковъ былъ духъ Римлянъ.- Среди нѣги и роскоши образуется по большой части души изнѣженныя и слабыя; Ромулъ воспиталъ въ училищѣ нужды и терпѣнія. По примѣру крови рожденной для скипетра и владычества, не внимая воплямъ матери въ самомъ рожденіи своемъ подавшей несмѣлые знаки человѣческой,- Ромулъ провелъ первую часть своей жизни подъ руководствомъ голоса, который велѣлъ приготовить его къ тому, къ чему предопредѣлилъ его Промыслъ. Но геній довольно имѣлъ собственныхъ силъ, чтобы развиться безъ помощи посторонней. Возрастая тѣломъ, онъ возрастилъ и духомъ, съ укрѣпленіемъ членовъ укрѣпился и вѣрный взоръ его. Наконецъ природа совершила свое дѣло,- и Ромулъ явился на поприщѣ славы,- и безчеловѣчный Амулій низверженъ съ престола или похищенное, а Нумиторъ возпріялъ наслѣдіе предковъ своихъ.-

Былъ Силвій, которому до сихъ поръ щастіе отказывало въ дарахъ своихъ, нехотѣло быть самъ былъ удаленъ чемъ-либо щастіе.- Онъ отказывается отъ права побѣды, предлагающей ему и готовый скипетръ и готовый народъ;- желаніе его – основать престолъ новый, и подножія коего сокрушившіеся скипетры царствъ міра; желаніе его – составить народъ, которымъ никогда владычествовать надъ цѣлымъ міромъ. Помѣстимъ, восхотимъ – и совершимъ. Уже на горѣ Палатинской почитаются скромныя хижины граждань; на вершинѣ Целія возникаетъ капитолія; храмъ Юпитера Латіарскаго предлагаетъ пристанище всѣмъ, лишившимъ себѣ отечества; цѣлые народы приготовляются къ новому царству Ромула, и умножаютъ число его подданныхъ.- И всѣ сіи разноплеменные народы живутъ единымъ духомъ Ромула, дышутъ единымъ мужествомъ и отважностію.- Римъ еще младенецъ, онъ незнаетъ силъ своихъ, но цѣнитъ уже знатныхъ и чувствуетъ ихъ сосѣдственными народами.-

Пресерпа, первоначальные поселенцы, основавшіе знаменитыя свои пути обрѣтаютъ Тибра, были не очень хорошіе люди; но творческій геній Ромула сорганизовалъ изъ нихъ хорошихъ граждань.- Онъ зналъ, что общество безъ законовъ есть тѣло, что человѣкъ безъ разума,- и его учрежденія называются въ немъ столѣже мудраго законодателя, какъ и великаго героя являются его сраженія.- Былъ извѣстенъ отцу народа Римскаго тотъ великій истинѣ, что равенство состояній противно законамъ самой природы, не въ равной мѣрѣ разрушающей могилы свои,- и потому народъ Римскій раздѣлилъ или на Патрицієвъ и Плебеевъ, тѣмъ и другимъ назначилъ собственный кругъ дѣйствій. Послѣднимъ предоставлены труды и выгоды скотоводства, земледѣлія и торговли, и возлагается на сихъ послѣдней нужды готовность къ ополченію; а первымъ – бремя богослуженія, простонія и тяжесть должностей воинскихъ и гражданскихъ. Уверенъ былъ мудрый, что самые лучшіе законы мертвы, коихъ не хранятъ блюстителей, оружій и поспѣшниковъ своей силы; и вотъ – изъ отличнѣйшихъ гражданъ составляется Сенатъ, предназначенный быть священнымъ союзомъ между Царемъ и подданными, повелѣть справедливость строгою слѣдою поступки какъ Царя, такъ и подданныхъ, все устроять, все объяснять его попечительностію, и не только хранить порядокъ внутри государства, но ревностію блюсти за граждданами на самое поле брани,

и наслаждать, соответственному съ достоинствомъ Римскаго гражданина ведетъ себя Римлянинъ.

Такимъ образомъ своеобразіе сподвижниковъ Ромула, когда они сравнивались его подражаніями, приняли болѣе нѣжныя мужскія черты, измѣнивъ въ изнѣженное мужество, не презрѣнное корыстью, но одушевляемое пламеннаго любовію къ отечеству.—Отечество! слово священное для Римскаго гражданина! слово чудесное, и какъ бы очарованіемъ сильно покоряющее и привязывающее къ нему всѣ его способности!—Любовь къ отечеству покрыла сыновъ волка въ переносеніи тяжкихъ трудовъ соединенныхъ съ его долженствованіемъ, заставляла его преодолѣвать препятствія непобѣдимыя,—во всѣхъ случаяхъ пожертвованіемъ себя самого. Какому общему явленію превыше себя самого. Можетъ ли алчная душа сребролюбца—корыстолюбца питать въ сердцѣ сей небесный, чистый огнь любви къ отечеству? Сердце его приковано къ его сокровищу, онъ весь живетъ въ златѣ и сребрѣ, и рѣдко видитъ надежду приумножить свои сокровища, тамъ его и отечество. Пусть придетъ злоумышленный врагъ, опустошитъ всѣмъ и мечемъ сію страну; тогда сребролюбецъ обязанъ себя гражданиномъ чувствовать, и назоветъ своимъ отечествомъ первую пристанищу душѣ его—золоту. Къ щастію Рима первоначальные граждане его чужды были сихъ духа любостяжанія, несытыми пристрастныхъ къ сокровищу, ни къ роскоши разслабляющей душу.—Ромулъ, воспитанникъ въ простотѣ сельскихъ нравовъ воцарилъ ихъ посреди своего народа.—Златые класы на нивѣ, веселая стада на тучныхъ пажитяхъ, сады насаждennый руками простоты,—вотъ все, что составляло сокровище Римлянина; благоразумный и разчетливый домоводецъ былъ почетный гость въ гражданахъ; огромныя палаты, роскошный столъ, богатая одежда навлекали

презрѣніе и посмѣяніе между людьми, которыхъ обычаи столько сближались съ жесткой суровостію Лакедемонянъ, столько были удалены отъ сластолюбивой изнѣженности Ионянъ.

Таковъ былъ Римъ въ первыя эпохи гражданства! такое воспитаніе далъ Ромулъ своимъ подданнымъ!—Но какъ духовное и вещественное, двѣ противоположныя природы, таинственнымъ и непостижимымъ союзомъ сопряженныя въ единомъ человѣкѣ, идутъ къ усовершенствованію своему съ равною постепенностію и равною силою; по мѣрѣ развитія силъ телесныхъ раскрываются способности души, съ возрастомъ и укрѣпленіемъ тѣлесъ возрастаетъ и укрѣпляется духъ: такой же ходъ примѣтителенъ и въ раскрытіи силъ народныхъ. Чѣмъ болѣе развивающаяся натура Римской, чѣмъ болѣе развивающійся кругъ ея дѣятельности, чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе становились его нужды и связи съ другими народами: тѣмъ большее совершенство получали наклонности и свойства, которыя въ немъ образовала руки воспитанія.—

Измѣнивъ Монархію въ правленіе Республиканское, Римляне не измѣнились во нравахъ своихъ. Свобода тѣмъ болѣе сдѣлалась для нихъ драгоцѣннаго, и все прочее недостойнымъ ихъ вниманія, кромѣ только любви и приверженности.—Когда Курій враги предлагали сокровища, за сокровищами обладать я желаю, отвѣчалъ сей герой сей, хочу повелѣвать тѣми, кто ими обладаетъ. Сенаторы изъ Сената не отличались отъ простыхъ гражданъ. Цинцинната дважды призывали отъ орала къ хорошему народоуправленія, и дважды, отправивши отечеству долгъ службы, возвращался въ сельское свое жилище съ тѣмъ же любовію къ трудамъ земледѣлія и къ спокойствію уединенія. Полководцы, покоряя Риму богатыхъ народовъ, обогащали одну Республику, и съ чистыми отъ мздоимства руками ложились во гробъ,

не оставивъ по себѣ нужнаго для нихъ погребенія. Примѣръ Регула, Павла Эмилія и Мумія доказываетъ, что сія безхарактерность — и умѣренность царствовали между Римлянами долже во время Пуническихъ войнъ, по завоеваніи Греціи, по разрушеніи Коринѳа.

Справедливо говоритъ Ливій, что не было никогда народа, который бы столь долго, какъ Римляне, любилъ трудолюбіе и умѣренность, — прибавимъ къ сему, — и свое отечество. Когда имѣло нужду о спасеніи отечества, Римлянинъ не думалъ сбавить о спасеніи себя самаго. Не подумалъ Муцій Корвъ, что подвергается смерти неизбѣжной, идя одинъ въ станъ непріятельскій для умерщвленія Порсенны. Не подумалъ Регулъ дать отечеству спасительный совѣтъ, и возвратился заочно въ Карѳагенъ своею жизнію. Когда надлежало защищать отечество: Римлянинъ забывалъ все, что претерпѣлъ отъ неблагодарности, или неразсудія сограждань. Камиллъ, спасшій предъ Римлянами Вейентовъ и Фалисковъ, не сыскалъ ихъ быть награжденъ за толикіе подвиги для славы имени Римскаго? и сей же Камиллъ не поспѣшилъ ли вскорѣ къ спасенію Капитоліи осажденной и готовой уже сдаться? не избавилъ ли отъ погибели Республику? не очистилъ ли отечественную землю отъ непріязненныхъ Галловъ? Поступокъ побѣдителя Курія[illegible] доказываетъ, что Римская любовь къ отечеству даже превращалася въ порокъ, преступая предѣлы назначенныя добродѣтели. —

Когда Римскій народъ достигъ юношескаго возраста, мужество его еще болѣе содѣлалось страшнымъ для враговъ его, будучи управляемо сколько строгими, столько мудрыми воинскими законами. Подъ надзоромъ сихъ законовъ немогло излиться Римлянину сердце, всегда и у всѣхъ склонное къ животолюбію. — Одинъ шагъ, сдѣланный назадъ въ сраженіи безъ повелѣнія начальниковъ былъ для воина шагомъ къ смерти; и не только изменники, или малодушные оставшіе послѣ битвы лишались всякаго покровительства законовъ, но даже ихъ теряли права Римскихъ гражданъ, кои не умерли съ мечемъ въ рукахъ, и получили рабскую жизнь отъ руки непріятелей. Побѣдить, или умереть — была единственная мысль, которая въ часъ брани наполняла всю душу Римскаго воина; приводила его въ забвеніе себя самаго и всего любезнаго его сердцу. Впрочемъ законы осуждали не только малодушную трусость, но и безразсудную отважность. Республика драгоцѣнныя свои граждане; она не хотѣла слишкомъ дорого покупать побѣду надъ непріятелемъ, не хотѣла безъ нужды проливать кровь сыновъ своихъ. — Посему-то побѣдитель лишался всей благодарности отечества, если постраждалъ для пустаго звука славы, а не для истинныхъ выгодъ Республики; посему-то подвергался онъ всей строгости суда, если слишкомъ далеко позволялъ увлекать себя воинскому наступленію, и подвергалъ войско опасности лишиться предводителя; и посему-то наконецъ Сципіонъ и Кесарь — сіи образцы храбрости и мужества, являютъ вмѣстѣ образецъ благоразумной осторожности, необходимой для того, чтобъ храбрость вторично достигала своего назначенія.

Къ довершенію воинскихъ законовъ присоединилось военное искусство, и привело Римское оружіе въ полноту силъ и могущества. — Мужество не было особеннымъ даромъ, которымъ бы природа снабдила Римлянъ преимущественно предъ прочими народами. — Естьли они удовольствовались одними мужествомъ; то безъ сомнѣнія сила часто сбивалась отъ равновѣсія

силою, и Рима не забывает столько отрешиться для согласительных переговоров, где каждая сторона ни для другой быть откровеннее. Гений на стезе Римских воинов не художества, и чувство подвигов так же сильно и художество, как сознание своего достоинства и уважение к своему отечеству, не позволяли видеть, что-либо чуждое Римлянке похищение своей власти тех и других — тем. Служение последователей подражать во всяких действиях, искусство пользоваться орудиями способнейшее для их телосложений окончательно в самых сражениях сего, — ближнего побуждать свободнейшее для себя в средствах победу, — значительно, когда ранить полную волю отрешиться воинов, и когда сохранить их неприкосновенность в усталых и потрясенных из виду, и когда оружие наносить на него с бесчувственного полюсия. — Се благородного полюсия. Дочери Российские! сии образы непременяются в ваших сердцах при своих силах! ... Да знаете среди вас, вместо, ныне знаменит, как знаменит досель, великий Дух того воина, которого имея принять преемник невеликая в благополучных небесах чрезвычайных, прежде чем, от вас пронзающих в недра земли, не помрачится в своей основании, прежде чем Екатерина, не оставит Россию в людской бездне! — тогда, прежде чем Суворов не взовет Суворова на поприще политического мира; дотоль Сципионы и Кесари еще не могли сопротивляться в своих отечествах гибнущих. —

На войне есть действие государственное наружное; а другое внутреннее, как в каждом человеке, тех и в нужных отрешительных действиях внутреннее руки нашей всегда тогда только обращается благоразумно, когда они управляемы благоразумие. Ваше для пользы общественного суть руки; они ополчаются, отрешаются, или выговоренными и сокрушают все злобное вам вредить. — Но неосторожными сии руки на поражение своего ближнего гнева, или напрасными в трудах своих раздражать? и правительство в государственном не есть ли более, чем разумно в человеческом пользе? —

Чтение Сенатом известительное было в Риме под именем отцов народа Римского, и поэтому-ное писание Сенатом сей составлять Царей благоразумной в пределах внутреннего, мудрой в дружбе с другими народами, они гордились достойными сего высокого названия быть безупречного поведения. С какого политического основания стараться быть подобранными и нужно в Римлянках нужде мужества, любви к отечеству, привязанности и возвышения, — нужно, быть может, хотя тщетные все усилия возвести народ на видную степень славы! Первая, после священные, слова, которая произносить родители научали детей своих, были: добродетель, честь, свобода и отечество. Со млеком матерним напоевался Римлянка любовью к отечеству; и когда, пришедши в силы, исходить ось на славное поприще государственной службы; его обучали тою мыслию, что ось служить отечеству, а не своевольным приложениям сил, обнаружили наградами и достоинства-

ми, которыя не были достояніемъ искателя-
ка проискрестова. Презрѣніе, отвѣдъ и судъ
отцу, который давши сыну жизнь, не поза-
ралсяѣ дать ему сообразно съ желаніемъ
отечества воспитаніе! но горе и сыну, если онъ
онъ, вошедши изъ подъ руки родителей, за-
сѣлъ правилъ, которыя имѣ столкнулись на-
всегда вкоренить въ его сердцѣ! горе граждани-
ну, если онъ удалился отъ указаннаго
не всѣдѣ и для всѣхъ образа жизни,—неискусен
умѣренностію, пресѣдаемый утѣхами рас-
коши,—забывши честь, впавшій въ распутства,—
схватовъ въ любви къ странѣ отцевъ со-
ихъ, отказавшись отъ священнаго долга слу-
жить оной. Этотъ заснувшій чѣмъ стано-
вился въ тягость всему міру, и его немед-
ленно отлетѣли, дабы незаразились свѣжи-
ствующимъ въ немъ. Одолѣ чѣмъ здравѣе, сей
развратившійся гражданинъ по строгому
суду Цензоровъ лишался всѣхъ правъ и вы-
бывали степень его виновности, быть изго-
няемъ изъ самаго отечества.— Чрезъ сіе обяз-
няется, почему Римъ былъ столь долго пло-
родомъ героями; почему сынъ шелъ столь
долго по славнымъ слѣдамъ отцевъ своихъ;
почему съ благородною кровію переливались изъ
сердецъ въ сердца благородныя чувствованія и
наклонности; между тѣмъ, какъ у другихъ
народовъ потомки знаменитыхъ предковъ
слишкомъ рѣдко съ родовыми преимущест-
вами наслѣдуютъ ничѣмъ достоинства
и высокія добродѣтели, коими прославились
первые.—

Трудно рѣшить, былъли Римлянинъ болѣе му-
жественъ покрытый бронею воинскою, или облечен-
ный въ мирную тогу. Сенаторы, равно какъ и
полководцы, руководствовались однимъ правиломъ—
не уступать ничего, когда хотятъ что нибудь вы-
курить силою. Было время, когда Карѳагенъ, гордый
и оскорбленной, приводилъ къ стѣнамъ Рима
Волѣскія силы; было время, когда Пирръ, наслѣд-
ной своими побѣдами, угрожалъ Риму конечнымъ
разореніемъ: но во всѣхъ случаяхъ, чѣмъ болѣе уве-
личивалась опасность, тѣмъ Сенатъ былъ нело-
лестнѣе въ своей рѣшимости,—дорого не усту-
пать непріятелю, дорого не выступить онъ
изъ Римскихъ предѣловъ, дорого не внимать
мирнымъ его предложеніямъ, дорого любезы
онъ содѣлать миръ постыдными и оскорбитель-
ными для Республики.—Но въ самой полной мѣ-
рѣ Сенатъ имѣлъ сію твердость духа въ войнѣ
съ Ганнибаломъ. Непомѣрными шагами перей-
шелъ вождь Карѳагенскій Ливійскія горы, и
вторгнулся въ Италію, подобно огненной лавѣ,
изъ жерлъ Везувія пламенѣющей на цвѣтущую
долину. Ужасъ предшествовалъ ему,—слѣды его-
опустошеній и крови. И недумавшій Ганнибалъ,
что Канискою побѣдою докончить пораженіе
Римлянъ, и что осталось ему только приго-
виться къ торжественному въ Римѣ вшествію?
Римъ содрогнулся; но Сенатъ болѣе простаго на-
рода внималъ въ тихій умъ, и торжественно
опредѣлилъ непросить у врага мира, но вре-
му недавать его.—Когда Сципіонъ переплылъ въ
Африку, и съ побѣдоносными легіонами явился
у стѣнъ Карѳагена; Ганнибалъ просилъ мира,
но ему недали, и Карѳагенъ палъ. Вскорѣ побѣ-
дою съ нимъ его подданства склонила свою
свою и Греція.—Римляне простирали власт-
толюбивый взоръ на страны отдаленныя—
шія, переносили оружій всѣ на востокъ, и здѣсь
утверждая и распространяя свое владычество
въ тоже время разширяютъ власть свою на за-
падѣ, похищаютъ мужественныхъ Галловъ,
проникаютъ въ дремучіе лѣса Великобрита-
нія, наконецъ почти весь извѣстный тогда

міров признаетъ ихъ своими владыками. –

Кратъ сомнѣнія, что въ покореніи вселенныя дѣйствовало непосредственно мужество и воинское искусство легіоновъ; но извѣстно и то, что побѣды Римскихъ войскъ всегда были слѣдствіемъ глубокой и для другихъ народовъ непостижимой политики Сената. – Сколь бы то строго сановіе сіе въ храненіи государственныхъ тайнъ! съ какою предусмотрительностію все къ совершенію своихъ намѣреній располагало! Другіе народы не столько, какъ сенатъ, сами себя ослѣпляли, сколько ослѣпилъ ихъ Римскій Сенатъ, умѣвшій слабостію правительствъ пользоваться для усиленія республики, имѣвшій даръ обезсиливать могущественнѣйшія царства, особы полезны его или предположить имъ свое покровительство, или принудить ихъ принять его своей власти: цѣль въ самомъ существѣ это было одно и тоже. –

Но равно трудное дѣло завладѣть міромъ, какъ и удержать его въ своемъ подданствѣ; равно удивительны Римляне – завоеватели, и Римляне – владѣтели царствъ отъ Атлантическаго океана до брѣговъ Евфрата. – Аттилла и подобные ему сѣчи человѣчества были великіе завоеватели: но немогли сдѣлать для себя прочныхъ стяженій, пріобрѣтеннаго силою, не могли предотвратить возмущеній и отложеній народовъ, для которыхъ неумѣли обезпечить тяжелаго ярма работы. Напротивъ Сенатъ для выгодъ собственныхъ уважалъ въ побѣжденныхъ нещастіе; Республика принимала въ патронію цѣлыя страны, и, какъ часъ природныхъ, сокровищами своего благотворности питая, хотѣла изъ враговъ сдѣлаться ея подданными. Для всѣхъ подвластныхъ народовъ былъ доступъ къ знаменитымъ правамъ Римскаго гражданства. Всѣ пользовались терпимостію, вторя и обогащеній всякаго рода. Обыкновенные завоеватели обязаны орали и земледѣлія, и торговли, и наукъ, и искусствъ: Римляне сами способствовали всему тому, что могло привесть покоренныя страны въ цвѣтущее состояніе, и заглушить ужасныя слѣды побѣдъ ихъ. Удивительно ли послѣ сего, что въ столь ограниченномъ государствѣ столь рѣдко возникало пламя возмущеній, и бунтовъ, и что покоренные народы столь скоро забывали народную гордость, чтобы гордиться именемъ Римскихъ гражданъ?

Возшедши на верхъ могущества, славы и благоденствія, Римъ, казалось, вѣщалъ во услышаніе вѣкамъ грядущимъ: народы! вы щастливы, если воспитаніе приготовило васъ къ щастію; если младенчество ваше было поручено Небесь попеченію геній. – Народы! не довольно для вашего благоденствія одного мужества: нужно, чтобъ сіе мужество одушевлено было любовію къ отечеству; нужно, чтобъ тревость предохраненія сіе мужество отъ разслабленія; нужно, чтобъ мудрое правительство давало сему мужеству соотвѣтственное съ вашимъ благомъ направленіе. – Народы! не тогда еще вы могущественны и славны, когда побѣждаете другихъ народовъ; но тогда, когда постоянныя благословляютъ судьбу, что не позволила имъ сбить вашими побѣдителями; не тогда, когда оружій ваше содержитъ въ теченіи вселенную, но когда оно возвратитъ миръ во вселенной, и дастъ человѣкамъ забыть хотя на время стѣдствія браней! –

На время! такъ. нѣтъ ничего постоянаго подъ солнцемъ. Трава зеленѣетъ, – и потомъ увядаетъ; твердые дубы возносятъ къ облакамъ славу свою, – и наконецъ, или насильственная буря вырываетъ ихъ съ корнями, или естес-

твенная смерть постигнетъ ихъ. Такъ и между людьми, – родъ приходитъ, родъ проходитъ, – чувственныя разсѣваются, возрастаютъ, съѣдаютъ силы, преобладаютъ, а послѣ путешественниковъ ищетъ на лицѣ земли слѣда ихъ, и не находитъ. – Гдѣ нынѣ Вавилонъ – чудесъ восточныхъ и чудо свѣта? гдѣ нынѣ Персія – обладательница Вавилона? гдѣ Греція – побѣдительница Персіи? и гдѣ наконецъ Римъ – владычествовавшій свѣтомъ? – нѣтъ ихъ! они были на время.

Законъ разрушенія есть общій для каждаго человѣка и для цѣлыхъ народовъ. – По безпечности своей мы живемъ такъ, какъ-бы никогда не надлежало намъ умереть. Между тѣмъ въ зачатіи своемъ имѣемъ смертныя сѣмена, что называемъ нашею жизнію, есть только медленное, но безпрестанное умираніе. Густое сіе сѣмя, или червь точащій корень нашей жизни, есть адское порожденіе – искаженность нашей воли, или противоборствіе чувственной нашей природы съ умственнымъ. Всѣ мы приходимъ въ свѣтъ съ онаго нравственнаго моровою язвою въ сердцѣ; и сбывши не стараемся подавить и обезсилить ея въ самомъ зачаткѣ, то въ послѣдствіи не будетъ уже въ состояніи отвратить ея устрашительныхъ дѣйствій. Если разсудокъ зараженное не наслаждается надъ жертвою осторожности въ обхожденіи съ чувственностію; если онъ опускаетъ бразды правленія и самодержавіе надъ способностями естества человѣческаго; если вѣнецъ свой привѣкъ онъ оставляетъ въ одной совращательности, и позволяетъ плоти дѣйствовать самовольно: тогда плоть болѣе и болѣе привыкаетъ почитать себя въ правѣ не слушать никому кромѣ своей прихоти; тогда сообразно

отъ часу съ большею дерзостію возстаетъ на самый разумъ – и когда сей, не подавивъ и не обуздавъ ея, изыскиваетъ наперевѣсъ средства примириться съ нею, – жестокосердѣйшая еще болѣе надмѣвается, и наконецъ, разрушивъ послѣднія слишкомъ слабыя преграды устремляется на собственную погибель. – Неистовыя страсти растроиваютъ организмъ тѣла; вливаютъ съ тѣломъ, по причинѣ тѣснаго союза, оскорбленіе души, – и тогда близокъ есть конецъ. –

Родителемъ нашимъ жизнь, вѣрнѣе, такъ сказать, нашимъ и смерть. Ромулъ положилъ основаніе Римскаго государства, Ромулъ же первый началъ его и разрушеніе; отъ него получили сердца первонасельниковъ Римляне сѣмена будущаго своего величія; но съ сими благословенными сѣменами слѣдовало и злое сѣмя, которое съ продолженіемъ времени болѣе и болѣе развившись, сдѣлалось и приведено въ истощаніе ихъ силы, и приближило наконецъ къ совершенному изнеможенію. Сіе пагубное сѣмя, или сія искра производится въ послѣдствіи своимъ ужаснымъ пожаромъ, – была предсодѣтельствующая любовь народа къ вольности. – Какъ чувственной въ насъ природѣ, такъ и въ государствѣ простому народу закономъ Творца опредѣлено не повелѣвать, а повиноваться: ибо какъ чувственная наша природа, руководимая однимъ инстинктомъ, любитъ и желаетъ обладать тѣмъ, что только красивится ей, и что въ самомъ существѣ вредно всему человѣку; такъ и въ государствѣ простой народъ, по большой части руководимый одною чувственностію, пылаетъ только тѣмъ, что въ настоящую минуту обѣщаетъ ему удовольствіе, и что въ продолженіи времени нужно и мило для государственнаго состава внѣшняя

слободствій.– По сему какими правилами должень руководствоваться разумъ, въ отношеніи къ тому, что́жде мнѣнія и разсужденія черни должно употреблять правительствую. Чѣмъ болѣе уважаетъ прихотямъ черни: тѣмъ болѣе она умножаетъ сіи прихоти; тѣмъ настоятельнѣе и взыскательнѣе становится въ своихъ требованіяхъ. Наконецъ напрасно въ чернѣ сильнѣйшихъ представляютъ ей истинную пользу ея самой и всего государства; всѣ сіи представленія принимаетъ она за пустыя мечты, или за хитрыя обольщенія. И какое слѣдственно государство, въ которомъ вліяніе просвѣщенства суть вліянія человѣковъ,– въ которомъ гласъ одного народа есть гласъ Божій! Се, развѣтвастся кровавое знамя бунта! се– мнѣнія одного отечества, гдѣ братъ брата, гражданинъ гражданина, раздираютъ утробу общей своей матери! и се– сливъ есть капелька!– Ромулъ, кажется, предвидѣлъ конечну Рима въ самомъ его младенчествѣ; но повдаке опыты, которые онъ сдѣлалъ для ея предотвращенія стоили ему жизни.– И народъ, и Сенатъ представлявшій въ лицѣ своемъ народъ Римскій, сбили уже сами съ ногъ Ромула. Ромулъ самъ далъ народу право избирать Царя, постановлять законы; и когда создавъ свыше Римъ, на самыхъ Ромулъ хотѣлъ съ высоты основанія государства сойти въ обыкновенный кругъ гражданъ. Искренно желалъ сего Ромулъ, надѣялся укротить своевольства ученнаго времени, или только хотѣлъ чрезъ сей поступокъ узнать народныя разсужденія его чувствованій и мысли,– какъ бы то ни было, онъ не прежде принялъ названіе Царя, какъ уже самъ народъ предложилъ ему оное. Все сіе содѣйствовало тому, чтобъ приучить Римлянъ почитать однихъ себя своими властелинами, все сіе образовало въ нихъ ардоръ сѣмена пламенной любви къ вольности.–

Подъ кротким правленіемъ преемниковъ Ромула сѣмена сіи согрѣвались и прозябали болѣе и болѣе. Нума Помпилій, вызванный изъ мирнаго уединенія царствовать надъ Римлянами, обязавъ ихъ нужною ровную стражу предшественника, и окруженъ сей любовію подданныхъ, жилъ между ними болѣе какъ отецъ, нежели какъ повелитель. Тулъ Гостилій не смѣлъ, или нехотѣлъ приступить къ дѣлу Горація, и предоставилъ народу судить посѣдителя врагова отечества и убійцу собственной сестры.– Наконецъ Сервій Тулій столь много ограничилъ самовластіе преобратить Монархію въ Республику, что Римляне не могли болѣе терпѣть тиранской власти Тарквиніевъ; и Брутъ, умерщвленіемъ сыновъ своихъ, первый подалъ Римлянамъ примѣръ приносить въ жертву вольности все дражайшее и любезное человѣческому сердцу.

На развалинахъ царскаго престола воздвигнулся Республики; но здѣсь, какъ менѣе ошибся въ своихъ разсчетахъ Сенатъ, тѣмъ болѣе обманулся народъ въ своихъ предположеніяхъ: ибо онъ увидѣлъ, что на мѣсто одного Царя содѣлалъ для себя многихъ; увидѣлъ, что скромное названіе консуловъ прикрываетъ власть самодержавной; что родъ Патриціевъ, порожденный преимущественіемъ Царей, сохраняетъ свои преимущества и въ Республикѣ; что консульское достоинство въ рукахъ Патриціевъ; что весь оттѣнокъ гражданскія преимущества принадлежатъ Патриціямъ. Родилась зависть, которая произвела подозрѣній; и чѣмъ болѣе Сенатъ старался ихъ уничтожить, тѣмъ болѣе они увеличивались; чѣмъ менѣе Сенатъ употреблялъ силы противъ народнаго безпокойства, тѣмъ болѣе оно воз-

растало, и наконецъ превратилось въ открытое возмущеніе и бунтъ. Во времена суровости Люкреціи, когда не осталось въ Римѣ и тѣни царской власти, Валерій, освободившій отечество отъ Вейентовъ и Фалискевъ, сдѣлалъ для народа подозрительнымъ тѣмъ, что отрекся на довольно долгое время отъ своего дома. Консулъ не только оправдалъ себя покорнымъ уваженію къ прихотливости черни, но еще умножилъ ея силы законами, предоставившими народу Римскаго гражданства. Сего недовольно; даны народу трибуны, которые защищали права его противъ Сената; мало того,—сіи трибуны получили въ самомъ Сенатѣ для себя мѣста, чтобъ ужаснымъ своимъ veto разрушать вся-кія предпріятія несогласныя съ желаніемъ народа. Недоставало народу одного права: полнаго голоса въ законахъ. Консулъ Публій Филонъ далъ ему—и государственныя чины сдѣлались общими между Патриціями и Плебеями.—

Усиленный до такой степени народъ предписалъ Сенату волю свою, твердо надѣялся, что она будетъ исполнена; а Сенатъ видѣлъ всякій разъ въ торжествахъ примиренія трибуновъ непреодолимое препятствіе къ исполненію благодѣтельнѣйшихъ своихъ намѣреній. Сіи раздоры двухъ сословій въ началѣ республики значительнаго вреда для блага общаго; Римъ обязанъ былъ симъ благородному соревнованію Сената. Сей сословіе, ревностно любя отечество, всегда искало средствъ успокоить народъ и вмѣстѣ сохранять государственную пользу. Обыкновенно для того въ семъ случаѣ избрано было—отложить войну. Мы видѣли заслуги Римлянъ сего рода, получившія единственно отъ сихъ раздоровъ отечество; граждане, остававшіеся въ домахъ превращали междоусобія ревности,—и горькое сложили гордую славу свою предъ внѣшнимъ, которое почтило себя и Республику.

Но когда грянула война; тогда пали возгорались пламенемъ мятежнымъ внутреннихъ.—Наконецъ появились люди съ великими талантами и еще съ большимъ честолюбіемъ и злостію сердца, которое прилѣпили къ названію отечества народа и Патриціями въ пользу своихъ властолюбивъ.—Кровавѣе былъ раздоръ; Риму не было страшнѣе: только онъ самъ былъ для себя страшенъ. Когда отечество наиболѣе опасности потеряло свою свободу; тогда народъ могъ болѣе видѣть опасности лишиться вольности отъ Сената. Трибуны первое воспользовались своимъ расположеніемъ умовъ, чтобы отмѣстить Сенаторамъ за нарушеніе договора заключеннаго ими въ славахъ Консула съ Публикою, —другой, чтобъ отмстить Сенаторамъ за умерщвленіе Брута. И тотъ и другой поступокъ; не по правдѣ, какъ по пользѣ ихъ крови; не по правдѣ, какъ сдѣлавъ врагами между народомъ и Сенатомъ смертельнаго для Республики. Это былъ первый удоръ для благодѣтельной Римлянъ; за нимъ послѣдовали другіе безчисленные. Мы увидимъ говорящихъ Менѣнія и Силлу, Помпея и Юлія Кесаря, Антонія, Лепида и Октавія. Всѣ сіи лица человѣковъ вооруженныя и народа пустили Сенатъ и Сенатъ противъ народа, жестокія крамолы, ненавидящія сопротивниковъ, безобразили и Сенатъ и народъ.

Между тѣмъ силы Республики оказывались; цвѣтъ богатства безпрепятственно повсюду въ завоеванныхъ странахъ; въ самомъ обширномъ государствѣ терялся порядокъ и устройство. Законъ! онъ давно уже потерялъ свою силу, одного только сильнаго защищающаго: Кровавѣе! увы! кто въ Римлянахъ той строгой умѣренности и бѣскорыстія, которое нѣкогда среди

ихъ царствовало. Подобными Азіатскихъ народовъ, воиновъ и полководцевъ заимствованными отъ нихъ зарозу роскоши, внесли ее въ стѣны Рима, и отравили ею сердца потомковъ Цинцинната и Фабриція. Вскорѣ искали пищи, и пріучались къ сестѣ въ союзѣ любостяжанія. Тогда все собиралось въ Римъ побѣдоносный, исключая самое самого Рима. — Готовясь ли мстить за отечеству, составившемуся буду Римляне порабощавшія? увы! всякій любитъ только себя; не имѣя враговъ внѣшнихъ Римъ нашелъ ихъ въ своемъ недрѣ, забывши общее благо, мня выгоды управляемыхъ поступками всѣхъ и каждаго. — Одна черта изъ величественнаго характера древнихъ Римлянъ сохранялась еще въ ихъ потомкахъ, одно мужество не погибло еще среди легіоновъ, и побѣдоносало достоинство Рима. —

Августъ на трупахъ своихъ сограждане возвѣщающій престолъ Императорскій, возвышалъ въ Римѣ монархію основанную Ромуломъ. Но онъ не могъ возстановить упадшаго въ Римлянахъ духа, не могъ истребить зла, укоренившагося въ ихъ сердцахъ. Онъ царствовалъ щастливо, славно и мирно; отъ его есть золотой вѣкъ изящныхъ наукъ и искусствъ; подъ сѣнію скипетра его Римляне отдохнули послѣ тяжкихъ бѣдствій, междоусобій и смятеній. — Но съ кончина Августа паки начинается желѣзный вѣкъ для его подданныхъ; и Римъ паки представляетъ зрѣлище почти безпрерывныхъ мятежей и ужасныхъ кровопролитій, произшедшихъ почти отъ обычаевъ и тѣхъ же причинъ съ междоусобіями въ Республикѣ. — Сколько тогда силенъ и сословенъ былъ народъ, столько въ это время могущественно и необуздано было войско. Къ сей необуздалности уже давно

расположили отцы Маріи, Силла и другіе мятежные умы, попрятшіе Римъ въ его основаніи. Имѣя нужду въ приверженности воиновъ, довольно привязанныхъ къ одной Республикѣ, они старались угождать всѣмъ ихъ желаніямъ. Самъ Августъ, вступая на опасное поприще политическихъ двойствій, первымъ долгомъ почелъ щедростію расположить къ сестѣ легіоны, служившіе прежде въ его отцемъ, а послѣ его отцу. Сіи легіоны, увѣнчавъ славу его знаменами побѣды Актійской, можно сказать, возложили на него увѣдимую. Но то, что было въ семъ случаѣ весьма худое для послѣдствій обратили они въ право — избирать Императоровъ. Корысть, одна корысть руководствовала ихъ въ семъ дѣлѣ, только сомнительно, и для государства только весьма. Не будемъ въ разсужденіи такихъ достоинствъ искатели; не будемъ о томъ, довольно ли имъ разума, чтобъ управлять огромною имперіи, довольно ли имъ силъ, чтобы сдержать тяжкое ихъ великаго долга. Кто имъ много давалъ, и еще болѣе обѣщалъ, тотъ былъ Императоромъ ихъ — и слѣдственно всѣхъ Римлянъ. И удивительно ли послѣ сего, что Римская исторія отъ временъ Августа представляетъ столь длинный рядъ государей, недостойныхъ называться человѣками, государей, низкихъ рабовъ страстей презрѣннѣйшихъ, государей, жесточайшихъ враговъ своимъ подданнымъ, государей, изъ которыхъ одинъ сказалъ, а можетъ быть многіе желали, чтобъ Римскій народъ имѣлъ одну голову, дабы можно было срубить ее однимъ ударомъ.

Не смотря на ужасныя нестроенія внутреннія, Римская Имперія не переставала являть изъ всѣхъ видъ могущества и даже величія,

дрохоль наконецъ Феодосій не раздѣлитъ ея съ-
намъ своимъ.— Всякое царство раздѣлючившееся
на ся не станетъ, рекъ Господь Христосъ,— и сбы-
лось на Римской Имперіи слово сіе. Славѣ пре-
емники Феодосія не могли поддержать сего ко-
лосса, со всѣхъ сторонъ склонившагося къ паденію.
Франки лишили ихъ Галліи, Саксонье Велико-
Британіи, Вандалы завладѣли Африкою, Ви-
зиготы Испаніею; Италію разорили и опу-
стошили Герулы, у Герулова потомки ея Остро-
готы; нещастная при Юстиніанѣ подъяла
на минуту главу свою, но вскорѣ Лонгобардомъ
низвергшимъ ея погибель.—

Римъ палъ,— и въ бѣдственномъ паденіи своемъ,
казалось, взывалъ къ царствамъ грядущимъ: не-
спитайтеся! да получатъ васъ быть щастливѣйши
моихъ нещастій. Только никогда могущественъ-
ній и славнѣйшій, я самъ былъ виною своея поги-
бели. О народы—народы! да не ослѣпляетъ ни-
гда растворяемая вами сладость волности.
Вы, которымъ промыслъ поручилъ великое
дѣло воспитанія народовъ, страшитесь да-
вать имъ въ пиръ умаряющаго вкушателю
горестную смерть! Мудрые владѣтели, если вы
вы хотите сохранить народъ свой благополу-
чнымъ; старайтеся прежде всего сохранить
его покорливымъ. Время многократными о-
пытами убѣдитъ его въ щастливой не-
обходимости повиноватися; и наконецъ
возвоя къ небесамъ благодарные взоры, онъ
скажетъ: истинная свобода есть безусловно-
ная покорность правительству, дающему
нашему по мудрымъ законамъ.—

Законы и вѣра суть главныя основанія благосостоянія общества.

Вѣчная Любовь, предназначивъ человѣка для щастія,
предназначила его для жизни общественной; и въ са-
момъ дикомъ общественномъ жизнь въ началѣ своемъ
была жизнію щастливою.— Но тогда, какъ человѣкъ
въ грѣхопаденіи своемъ утратилъ блаженство,—
простота единой невинности—тогда она сохранялась
для него средствомъ къ успокоенію горестей, от-
ражавшихся при его, и къ отражанію бѣдствій и
ужасовъ, со всѣхъ сторонъ его окружавшихъ.— Наконецъ,
конецъ, для которыхъ составилися человѣческія об-
щества.— Всякое изъ нихъ болѣе или менѣе соотвѣ-
ствуетъ своему назначенію, сходствуя по тому, болѣе
или менѣе полезуетъ страждущему человѣчеству.—
Но какимъ образомъ средствами могло бы достигнуть
сего назначенія? что можетъ служить основаніемъ,
на которомъ люди, соединенные въ единый сос-
тавъ, могли бы твердою рукою совершать
общее благосостояніе? Отвѣтъ на сей вопросъ
безъ сумнѣнія для людей занимательнѣйшій, онъ
никакое законодательство не можетъ, чтобъ онъ ни былъ и по-
зненъ.—

Величайшее и ужаснѣйшее изъ всѣхъ золъ, про-
истекающихъ изъ пагубнаго грѣховнаго источника,
не въ томъ состоитъ, что человѣкъ не живетъ бо-
лѣе въ раю сладости, или—что нѣтъ уже въ
его рукахъ первобытнаго блаженства, коего лиши-
ло его; но въ томъ, что потерявъ оное не сохранилъ
онъ свободы собственной,—что самъ не то, что
хочетъ, творитъ, но то содѣваетъ, что пожа-
лаетъ; не въ томъ, что не обладаетъ болѣе зве-
рями рыкающими въ дубравахъ, но въ томъ,
что не можетъ владѣть самимъ собою, не мо-
жетъ запретить страстямъ волнующимъ во

ухъ его, противоборствующимъ закону ума, и производящимъ всякаго рода злодѣяній, кои тяжко унижаютъ человѣчество. Сіи-то страсти во всѣ времена вооружали людей одного противъ другаго, разрывали священные узы крови и возносили убійственную руку Каина на главу ближняго и кратокаго брата его. Сіи-то страсти, гнѣздящіяся въ растленномъ сердцѣ каждаго изъ потомковъ Адамовыхъ, нарушили во всѣхъ вѣкахъ спокойствіе общества, и были причиною паденія государствъ. — И какой оплотъ противопоставить сему потоку съ такими пагубными все увлекающему? Нужно, чтобъ страсти или совершенно были искоренены въ человѣческомъ сердцѣ, — или по крайней мѣрѣ не обнаруживались пагубныхъ для блага человѣковъ дѣйствій своихъ. Для достиженія послѣдней цѣли постановляются гражданскіе законы, а достиженію первой способствуетъ единая вѣра. — Итакъ законы и вѣра — вотъ двѣ главныя пружины дѣйствующія въ щастливыхъ или нещастныхъ переворотахъ общественныхъ; состояніе ихъ въ обществѣ опредѣляетъ судьбу цѣлаго общества и каждаго члена онаго. —

Наблюдательное око любомудра, разсматривая естество человѣка, находитъ въ немъ истое изображеніе состава многихъ людей, называемаго обществомъ. Всѣ члены нашего тѣла имѣютъ между собою тѣсную дивную и нерасторжимую связь, что одинъ всегда служитъ подкрѣпленіемъ другому, одинъ предохраняетъ другой, и чрезъ взаимное сіе служеніе составляются всѣ въ цвѣтущемъ здравіи и совершенной крѣпости. Какая же сила движетъ сими грубыми вещественными непричастными самопроизвольности? Какая сила назначаетъ всякому члену особенную должность, и удерживаетъ его въ предѣлахъ оной? — Существо духовное, разумное, свободное, — душа. — И сила души и въ мысляхъ своихъ и желаніяхъ, отъ которыхъ происходитъ всякое въ тѣлѣ движеніе, слѣдуетъ извѣстнымъ нѣкоторымъ законамъ, и потому только совершится, что имъ слѣдуетъ. —

Такова должно быть и устроеніе общества. Потребна душа, которая бы приводила въ движеніе сіе великое цѣлое, потребна одна воля, которая бы управляла всѣми членами онаго и въ желаніяхъ и въ дѣйствіяхъ. Но какъ душа въ человѣческомъ тѣлѣ, такъ и душа тѣла общественнаго во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и дѣйствіяхъ на оное должна руководствоваться положительными законами, которыхъ основаніемъ должна быть польза не ея личная, и не частная какихъ нибудь особенныхъ членовъ, — но благосостояніе общее — членовъ всѣхъ и каждаго. — Сіи законы укажутъ всякому члену общества должность, опредѣлятъ кругъ его дѣятельности, дадутъ ему живо чувствовать пользу происходящую отъ служенія пользѣ общей, и вредъ проистекающій отъ угожденія себялюбію. — Сіи законы покажутъ ему всѣ средства сдѣлать добро, и преградятъ путь ко злу. — Словомъ, — сіи законы подадутъ въ нашъ неприязненный благу общему законъ чувственности, и предотвратятъ тѣ ужасныя событія, которыя неминуемо постигаютъ общество, когда сей законъ, зачавшись въ сердцахъ человѣковъ вмѣстѣ съ ихъ зачатіемъ, обнаруживается въ ихъ дѣйствіяхъ и образѣ жизни. —

Для справедливости сихъ истинъ представимъ себѣ картину благосостоянія государства, управляемаго законами столько мудрыми, столько и сильными, сколько сильными, столько благодѣтельными для всякаго разряда гражданъ. Что есть Монархъ въ такомъ государствѣ? — Не гордый властелинъ, страхъ и трепетъ своихъ подданныхъ,

но благопопечительный отец великаго семейства; он владычествует надъ народомъ, а законы надъ ним владычествуют; и щастие его – есть щастие народа. – Надъ его скипетром слабая невинность не стружается отъ насилія могущественнаго порока; порокъ не смеет обнаружить законопреступной главы своей, – но, или погибнет отъ меча правосудія, или скрывается подъ личиною добродетели. – Какъ въ тихомъ человеческом жилищ всякий членъ знает свою должность; так и въ семъ государстве всякій благородный исполняет то, къ чему призван законами. Один возделывает землю, чтобъ собрать съ поля обильную жатву; другой претворяет моря, чтобы слабить отечеству свое тихо, чего недостает въ недрах его; одни сдят надъ спокойствіем и благоустройством внутреннимъ; другіе сохраняют предѣлы государства отъ враговъ злоумышленныхъ; а иные наставляют народъ повиноватся власти учиненной отъ Бога, и воздевают руки свои къ живущему на небесах съ пламенными молитвами, да спасет Царя, и да благословит всякое его благое совѣтам и начинаніям. – И всѣ сіи члены, действуя соотвѣтственно особеннымъ своимъ назначеніям, действуют **совокупно** для блага общаго, и – так сказать – изъ различныхъ нитей ткут прочное щастіе народа. –

Когда порфирородный Пророкъ назначал своим своего наследникам престола по сесть, – Боже! взывал къ Тому, въ руце котораго сердце Царево, Боже! судъ твой цареви даждь и правду твою сыну цареву. – Не просил мужъ по сердцу Божію ни того, чтобъ Соломонъ обладал сокровищами сына, ни того, чтобы простер победы свои до предѣлов вселенныя, и похитил подъ ноги свои чуждые языки; онъ просил Господа только о томъ, чтобъ присѣдящая престолу его премудрость озарила лучем своим ум юнаго государя, и вну-

шила ему благіе законы судити людем въ правде, избавлять отъ руки сильнаго нища и убога, слушее не сто помощника. Онъ зналъ, что се одним даром сіи изліются на главу Соломонову всего прочіе; онъ зналъ, что законы и правосудіе привлекут къ нему любовь народную, – а любовь народная будет надежнейшим основаніем его престола и истинной славы его царства. –

Отдаленнейшая древность, представляя намъ начало человеческих обществ, представляет намъ начало законов. – Во всѣ времена чувствовали их нужду; ибо люди всегда были люди, съ испорченною волею, съ развратом готовым на каждом шагу вместо въ заблужденіе, – съ ревнивостію при первом удобном случаи нарушить общественное спокойствіе неистовством самолюбія. Стремдая другъ отъ друга, спрашся всякій отъ себя самаго, приставами они въ сей крайности къ Тому любимцам небес, которых уми сим превыше предразсудков черни, которых сердце билось для блага соотечественников; имъ вверяли они бразды правленія; имъ поручали священную должность постановить законы, и сообразно съ оными управлять поступками граждан. – Сіи законы болѣе или менѣе соотвѣтствовали своей цели, смотря по тому, былъ ли менѣе былъ удаленъ отъ нагубнаго закона чувственности, болѣе или менѣе утвержден – лись на истинной пользе человѣчества, и наконецъ болѣе или менѣе были сильны и достопочтенны въ обществѣ. –

Но благосостояніе общественное зиждемое на основаніи единаго разума подобно храмину на песке утвержденном. Возмутят бури страстей: поколебнут и низвергнут онаго. Благоразумнѣйшій законы полвекомъ только слабыя узы на самолюбіе человеков, которое, коль скоро соберет силы, расторгает ихъ, и не

находить никакой преграды своему господству. Сии разрушительные законы не иное что суть, как напущенная свыше, в которой видят одно слабое и немощное; все сильное и могущественное разрушать сии нижозримыя пружины к своевольному действованию. – Итак, дабы общественная жизнь облегчила бедствия человеков учесть, потребно нечто выше и надежнейшее, нежели всякие законы, потребна сила, которая бы не только связывала злые страсти, но еще истребляла наружный корень их, столь глубоко утвердившийся в человеческом сердце. –

Здесь слабствование законы, и начинает действовать вторая. Ибо еще хранит душа человеческая память о небесном происхождении; пробивши плоть восчает ее дух; хранилище самодурства противляется еще совесть, и есть в противительным и сильным, хотя темным и смутным ей сознанием ея соединяется известный страх вторый, – тогда утихает шумное волнение страстей в человеческом сердце. – Вторая утверждения в уме и сердце человеческом сильное всяких законов. – Преступник может ускользнуть из под меча правосудия; мрак неизвестности может скрыть от очей людских его преступления: но здесь сокроется он от себя самого? Куда убежать от преследующей его совести? Страх предстоящей смерти, которая преведет его через мрачную дверь гроба в отдаленную вечность, отравит горестью каждую минуту его существования. – Посему-то, когда еще тьма язычества облежала землю, гражданская власть всегда подкрепляла ее неправду вторую, которая в свою очередь служила утверждением гражданской власти и общественного спокойствия. – Посему-то ныне, покушающиеся ломать подрывы основания господствующей вторы, во всех ее членах были нетерпимы в человеческих обществах. – Горе тому, кто бы дерзнул говорить хулу на Бога и приводить в подозрение его существование или множество! Горе тому, кто бы стал уверять, что и блаженных полей Елисейских и мрачное царство Плутона суть произведения одного воображения! Сократ, невинный перед судом здравого разума, явился виновным перед судилищем стрегонаго, и верой истинной философии истинь каждый мертвец за то, что сомнение в душе своей и устами вслух о Существе безконечном, едином. – Посему-то вторая составляла всегда существенный предмет воспитания; и училища мудрости были, или по крайней мере должны были казаться училищами религии. – Дворенность, что с высоты небесной призирают очей их на человеков, и что от всевидящих очей их не может укрыться нетолько никакое действие в тайне производимое, но ниже пожелание зачавшееся в мрачной глубине человеческого сердца, ниже мысль родившаяся в уме, – сия уверенность составляла издревле всегдашнее начало нравственности. Без-смертие души, блаженная жизнь ожидающая добрых, гражданина по ту сторону гроба, и страшныя мучения уготованныя злым за пределами времени, – вот те пружины, посредством коих издревле действовали на умы и сердца, и давали или направление соответственное с полевою, наступательною и словом государства. Если ли Египтяне имели добрых государей, то одна вера давала им оных. – Какое величественное явилось зрелище, когда государь, обладающий миллионами подданных, являлся во храме Богов, дабы получить от жреца великой науки царствования; дабы узнать от него, какия злоупотребления преклоняют в государстве, какие недостатки надлежащие ему исправить в себе самом для

участія своего народа; и наконецъ дабы испросить
помощи свыше для прохожденія многотруднаго попри-
ща! Какое величественное зрѣлище, когда вчера,
почтившая память образовъ государей при жизни
ихъ, но смерти должна сѣдлыжелѣзная тѣла ихъ по-
учительными для преемниковъ! Безпристрастная
похвала достодолжнымъ удержится вѣнценосца и
его поверженіе сопровождаемое искренними слезами
сопутствующаго народа, — или безстрашное осужденіе
порочной его жизни и попущеніе останковъ его отъ
царской гробницы — все сіе напоминало государю
его должность, — все сіе было для него поразитель-
нѣйшимъ урокомъ и сильнѣйшимъ побужденіемъ
не отвлекать пользы личной отъ пользы общест-
венной. — Вчера, единая вчера, царствующая въ
совѣстяхъ человѣческихъ, исконно вооружала ви-
ну и правоту въ судилищахъ, утверждала вчера-
шность между мірскими гражданами, вдыхала
храбрость и мужество въ сердца воиновъ. — Кіявъ
получилъ начало свое въ вѣкахъ самыхъ древнѣй-
шихъ; вступленіе въ должность служенія отече-
ству исконно сопровождаемо было действіемъ ре-
лигіи; во храмѣ Монархъ давалъ торжественный
обѣтъ жить для своихъ подданныхъ; здѣсь су-
дія призывалъ Бога во свидѣтели чистоты и
безпристрастія своихъ намѣреній; здѣсь герой
запечатлѣвалъ благородное желаніе свое пролить
кровь свою за царя и отечество. Изображенія бо-
говъ предшествовали бурнымъ легіонамъ преобо-
дательнаго Рима; вѣрующіе въ безмолвіи свя-
щенныхъ дубравъ своихъ въ идольскихъ жертвен-
никовъ изливали огнь неустрашимости въ
души ратоборцевъ Галліи; бѣгуны поддерживали
ими сіе неустрашимость, на самомъ полѣ бра-
ни, восклицая будущія, утѣхи съ мечемъ въ
рукѣ умирающихъ. — Что сдѣлалъ Аннибалъ
для славы и могущества соотечественниковъ? ...
и начала великихъ оныхъ дѣяній, возвеличившихъ
Корфагенскую республику, и устрашившихъ
римскую, надлежитъ искать въ той жертвѣ,
на которую Аннибаръ повелѣвъ юному Ан-
нибалу возложить руку свою и клясться въ вѣч-
ной ненависти къ Римскому народу.

Такъ! и язычникамъ извѣстна была тайна
утверждать благосостояніе обществъ на проч-
номъ основаніи религіи; но они одною рукою
созидали, но разрушали другою. Хотѣли,
чтобъ граждане хранили между собою миръ
и согласіе; и между тѣмъ вѣрили, что Боги ихъ
то ссорились, то мирились; хотѣли предот-
вратить въ народѣ распутство и роскошь,
и вмѣстѣ обожали омерзительныя ихъ воо-
браженіемъ гнуснѣйшія пороки и постыдныя
ихъ страсти; хотѣли вкоренить гражданамъ
уваженіе къ Монархамъ, совѣтамъ непокольбѣ-
мымъ престолы, и вмѣстѣ признавали от-
цемъ Боговъ и человѣковъ того, кто лишилъ
престола отца своего. Словомъ: нелѣпость и
долгослуженія должна была казаться для всѣ-
кого поразительнѣе, кто взиралъ на оное не
увлекаясь предразсудками суевѣрія; и очевидно,
сколь слабо было таковое утвержденій граждан-
скаго благоустройства и спокойствія —

Единъ Іисусъ Христосъ есть тотъ краеугольный
камень, на которомъ все зиждется непоколебимо.
Поелику Его ученій утверждено на началахъ незыб-
лемыхъ, то столькоже незыблема и нравствен-
ность утвержденная на сихъ ученій, столькоже
неизмѣнно и благосостояніе общества, утверждаю-
щееся на доброй нравственности гражданъ.

Пройдите весь ряд разнообразных состояний общественных – от царя до земледельца; и увидите, что Христианин всегда и везде руководствуется духом больше одним и тем же, – духом самопожертвования в пользу человечества. Государь, воспитанный в училище благочестия, есть неустрашимый стражь народа ему подчиненного; не колеблясь блеском порфиры, не надмеваясь своею славою, помнит, что он человек, и подданного своего земледельца, подверженных общим для всех слабостям человечества. Сие сознание есть верный для граждан залог их благоденствия; сие сознание объясняет Государю тую великую истину, что не народ для царей, но цари существуют для народа; сохраняя сие сознание в душе своей он отвратит от лица своего опасный рой льстецов, которые окружая царей хотят нравы, естественно развращая самолюбие, во всех временах унижали совесть Монархов, и приводили их в забвение себя и народа; руководствуясь сим сознанием Государь откроет чертоги свои для всякого из подданных, всякому являть свое милосердие, всякому дать прибежище под сению мудрых законов. Самые законы сии внушает ему религия. Она открывает ему среди толиких стремнин стезю ведущую к истинному счастию человеков; она есть тот благотворный свет, который озаряет путь, и указует ему путь скрываться от очей человеческих камни, которые только отяжеляли служителя Монаршего в шествии своем сокрушали слабый сосуд общественного благосостояния. ——

Отечество мое! прославь благость небесного Владыки, управляющего судьбами царств земных! Монарх твой – спаситель и равноапостольный сын Церкви; за то Он и нарицается отец своих подданных; сие имя в Священном Его ходило Он в заповедях Божиих; за то Он есть подданным законы, которые блюдут и сохраняют их счастие. – Не дай Бог, говорила Екатерина Великая, не дай Бог дожить мне до нещастия – видеть в сынах народ мой щастливое моих подданных! Александр повторяет тоже – своими делами, делами великими, благословениями Своими и человеками.

Не вера, дружа государству с нами Монархов, образует, воспитывает, совершает и для Монархов спокойнее добрых и верных подданных. – Единственная и верховная цель всех желаний, намерений и действий Христиан на есть – исполнять законы Евангелия. – Законы сей власти ему: Бога бойся, царя чти, – и в немногих словах сих изобразил Христианин всю всю обязанности в отношении ко Высшей тебя обществованного. Здесь первым предметом его благоговения и любви поставляется Бог, а по Бог является тот, кого Бог определил властвовать над народом, того облек, он своею силою, да защитит возревнует ему от насилия враждебных языков, того озарил он лучем своея мудрости, да разумевает истинную пользу своих подданных, да утвердит среди их тишину и спокойствие, и да управит всех и каждого к собственному для всякого назначению. – Имея столь высокое понятие о власти Монарха, Христи-

минѣ взираетъ на него нѣмецкѣ, какъ на видимый образъ Существа, невидимо владычествующаго надъ всѣмъ творіемъ; пріемлетъ повелѣнія его нѣмецкѣ, какъ волю Царя царствующихъ; и повинуется ему не за страхъ, а за совѣсть; потому, что возмущеніе противъ предержащей власти мишаетъ благодѣянія его высокой жизни общественной, — не за страхъ; но потому, что противиться власти человѣческой и противиться Богу, вмѣстѣ любящимъ дарующему, по его образу и мысленію, Бога и тварь, — не за совѣсть; не для того, чтобъ чрезъ усердное исполненіе воли Монарха проложить путь къ его сердцу, а отсюда и къ великимъ его милостямъ; но для того, что бы чрезъ то повиноваться повелѣвающему въ немъ гласу совѣсти, — не за совѣсть, но за совѣсть. Честными за совѣсть, но не будетъ ими онъ готовъ каждую минуту пожертвовать ему не только пріятностями жизни, но и самою жизнію? И вѣрнымъ за совѣсть, но не будетъ ими онъ лучшимъ гражданиномъ вездѣ, гдѣ бы ни поставила его воля Монарха, — всегда, сколько ни изыскались обстоятельства его жизни? — Законъ Евангелія вѣщаетъ Христіанину: возлюбиши ближняго твоего, яко же самъ себе; — и нѣтъ столь умилительнаго зрѣлища, какъ Христіанинъ развлекаемый въ отношеніи къ его сограждданамъ. — Естьли десница Вышняго уподобила его дарами благъ земныхъ: то теките къ нему вы, алчущіе и жаждущіе; онъ готовъ не только насытить васъ избытками своими, но даже послѣдній кусокъ хлѣба раздѣлить съ вами: оживитесь надеждою вы, страждущіе на одрѣ болѣзни; только бы перстъ Божій ему указалъ васъ, — прійдетъ, и изліетъ цѣлебный бальзамъ на всѣ язвы, и ненасытная его попечительность испытаетъ всѣ средства, для возвращенія васъ къ жизни; Отечество, трудъ отъ него жертвъ: снисканія трудовъ своихъ почитаетъ онъ одному Тебѣ принадлежащими; ибо мнитъ: отечество открыло мнѣ къ трудамъ путь; уравняло его предѣломъ; въ надеждѣ отечества снискать я мои сокровища, — и не всѣми это его, что я имѣю? — Естьли рука Божія возвела Христіанина на высоту чести, и судей міру повелѣла ему судить ближнихъ: не-винность! онъ не доведетъ тебя до слезъ горести; истина! онъ не позволитъ тебѣ за всѣ сокровища міра, законы! вы будете связаны въ руках его, корысть не застелитъ его искажать вами разумъ, пристрастіе не внушитъ ему склонить вѣсы на сторону несправедливости. — Естьли Судьею призовешь Христіанина къ состоянію воина; то едва возгласитъ трубы бронь, — и герой Евангелія вырвется изъ объятій любезныхъ его сердцу; никто насильно остановитъ его въ исполненіи теченія къ благородному и спасенному для него назначенію, — положить душу свою за други своя: ибо вторая ему вѣщаетъ, что въ семъ состоитъ высочайшая степень любви къ своимъ присносвѣтъ, и что любовь сія увѣнчается въ селеніяхъ вѣчности неувядаемою славою. — Для чего входить во многія подробности? — Вторая гласитъ Христіанину: воздай всякъ должное, не ищи своихъ-ли, но яже суть ближняго, не живи для себя, не богатѣй въ себѣ, носи тяготы твоего брата: и жизнь Христіанина не есть ли

златая цепь благотворений, и числа дней его не есть ли число достопамятных заслуг его человечеству? Кто с бо́льшею нежностью и ревностью заботливостью и рачением воспитывает чадъ своихъ? Кто сильнее его чтитъ узы супружества? Христианинъ есть образецъ вѣрности въ дружестѣ, и лучшій другъ самыхъ враговъ своихъ. Онъ не только чуждъ мстительности, но болѣе тѣхъ, кои ищутъ повсѣмѣстно его, любитъ; тѣхъ, кои осыпаютъ его умышленно, - благословляетъ; за тѣхъ, кои творятъ ему напасть, молится небесному Отцу своему. -

О естьли бы всѣ члены общественнаго тѣла были живые члены тѣла Христова! О когдабы все приняло иной видъ; изчезли бы источники слезъ страждущаго человѣчества; побѣдимъ страсти, не пощадимъ владыки земнаго, съ коимъ вести брани; примиримся каждый съ самимъ собою, удивившись чрезмѣрно тому, что вещи, недостойныя привязанности и вниманія ихъ, питали между нами вражду и ненависть; противоположныя мысли слѣлись бы въ единую мысль, противосѣрствующія воли въ единую волю; общество являлось бы семействомъ, имѣющимъ едино сердце и едину душу; агнецъ вышелъ бы съ тигромъ на пастбу, - и змѣя бы женства возвратившися бы къ своимъ человѣческимъ! -

Но спрашиваютъ: почему сей свѣтъ еще не ободрился на защиту царя, между тѣмъ какъ вѣра, и вѣра истинная, давно уже утвердила на немъ престолъ свой? почему еще страждутъ человѣки, и земля напоевается ихъ кровію? почему злой вождолюбивый непостоянецъ досѣлъ тварей разумныхъ, нещастныхъ, и тѣмъ болѣе нещастныхъ, что они сдѣлали все для привлеченія онаго? - Нѣтъ! ихъ нещастія не вся, или долѣе весьма мало сдѣлали досель люди для возвращенія въ обществѣ свои того блаженства, которымъ наслаждалось нѣкогда общество первоначальное, общество Адама и Евы. Вмѣсто закона Евангелія не царствуетъ ли еще въ мертвенныхъ тѣлахъ ересяхъ? Вмѣсто того, чтобъ покорялися въ послушаніи вѣрѣ, не возмущаются ли противъ нея умы, и не взвеличиваются ли разумъ Божій? Царство вѣры простирается болѣе на внутренняго человѣка, нежели на внѣшняго, не ограничиваетъ въ насъ одного нерушимостію; и владычества надъ нашими сердцами не предвосхищаютъ ли страсти? Не будемъ же говорить хулы на вѣру, а лучше со смиреніемъ признаемъ себя предъ нею виновными. - Не въ вѣрѣ, а въ насъ сихъ христіанъ вина, почему общественная зрѣлость не дѣлаетъ насъ столько щастливыми, какъ мы желаемъ. - Напротивъ единая вѣра поддерживаетъ существованіе общества. - Чтобы послѣдовало, естьли бы люди иконоборцы олтаря, разрушили храмы и изгнали съ лица земли святую вѣру? тогда они истребили бы другъ друга, и міръ политическій превратился бы въ хаосъ подобный тому, изъ которого всемогущее да будетъ изволило міръ вещественный. - Истина сія оправдана опытомъ временъ недавнихъ, когда тысячи невинныхъ жертвъ заклания неистовствомъ человѣковъ; когда съ ужасомъ шумомъ палъ долголѣтній престолъ, и пролитая священ-

ния кровь помазанныхъ Божіихъ. –

Народы, и вы, воспріявшіе на рамена свои
тяжкую должность пещися о щастіи наро-
довъ! научитесь уважать достоинство и мо-
гущество вашихъ. Цари! любите сію небесную
полагаемую, и вамъ будутъ любить ваши под-
данные. – Подданные! будьте вашимъ
благоутробной матери – церкви, и будете и-
мѣть въ царяхъ тяжчайшихъ отцовъ. – Цари
и народы! покорите и умъ и волю вашу подъ
златой скипетръ вѣры, и тогда царствія зем-
ныя будутъ изображеніемъ царствія небе-
снаго, царствія неразборовъ и смятеній, но
любви и спокойствія, царствія не горестей и
слезъ, но радости и общаго щастія. –

Греческому или Еврейскому исполнителю лучше следовать в истории до потопа и после потопа до Авраама.[8]

Со времени Авраамова начали Христиане разногласиться в своих о семь предметов мнениях. До того времени согласно и постоянно следовали всех летосчислению LXX толкователей. Восточная Церковь не восхотевшися и здесь уклониться от церкви первенствующей, удержала все своей стороны всегда новаго завета богодухновенных мужей, освятивших Греческий перевод своим употреблением; западная церкви и по сих пор держатся единаго Иеронима, а перед тем как за достоверность не погрешительность их никак не могут поручиться: не склонятся ли уже и здесь истина на сторону текста Греческаго.[9]

Не есть мое сердце о семь последнем даже как о произведении просто человеческом, то и тогда Еврейское летосчисление не получило бы преимущественной достоверности. Ее как толкователи как в летах до-потопных, так и пост-потопных весьма согласно Иосифа Флавия[10]. Напрасно обличают древнего мира в незнании Еврейскаго языка, которое будто бы не позволило ему почерпнуть истину в ее источнике. Кроме того, что самое происхождение от Иудейскаго священника некоторым образом должно для него необходимым сие знание, сие само говорит о сем,

что исторію, о войнѣ Іудейской писалъ
въ качествѣ на языкѣ туземческомъ. Что
препятствовало ему читать на ономъ
священное писаніе? и что могло бы по-
будить его къ измѣненію Моисеева
повѣствованія, которое онъ конечно при-
зналъ богодухновеннымъ и посему не-
прикосновеннымъ? — Іосифъ говоритъ
ясно объ книгѣ пророка Аггея, что онъ книги
Евреевъ содержитъ отъ себя нѣкихъ 2000 лѣтъ
тайнъ отъ сего числа сотъ осмь, поколику
то есть сама всеключается въ священ-
ныя писанія; а о мѣстныхъ достопамятныхъ
Dipert. de Ol. mundi, c. IV. p. 253. еще ясные: ἀπὸ Ἀβάρις τὰ πρῶτα γενό-
μενος ἔτη ὑπὲρ δισχίλια δισκόσιον πεν-
τεκόντα ἔγ. Исправивъ по сему счету мно-
жій числа лѣтъ Маѳусаиловыхъ и Ла-
мехиныхъ отъ Греческихъ, совершенное между
тѣмъ и другимъ согласіе можно изви-
нить только тѣмъ предположеніемъ,
что Іосифъ основывался на томъ Ева-
нской библіи, на которой и ихъ толкова-
никовъ. — Итакъ отъ нашихъ временъ къ
такому бы согласованію можно по-
мышлять вѣрность перевода ххх, съ какою над-
лежитъ вообще библію оригинальной,
благословенной собранной и предѣленной
Іудеями отъ Ездры.

Въ лѣтосчисленіи отъ потопа до
Авраама удобно согласуются съ ххх
старцевъ самыя Самаритянскія, хо-
тя въ родословіяхъ Патріарховъ отъ
Адама даже они благопріятствуютъ
явленному Еврейскому тек-
сту. Особственный разсудокъ во
всякомъ бытіе, нежели Самаритя-
не. Собственный разсудокъ морятъ по-

107

казать всякому, въ Еврейскомъ ли тексте,
или въ переводѣ ххх толковниковъ
точнѣе наблюдены законы природы, хо-
тящихъ недаромъ терпѣть извѣстія сихъ
лѣтъ обрѣсти истину. Законъ природы,
установленный Создателемъ оной, тре-
хов, что долговременная связь всегда
требуетъ продолжительнаго отечества
и поздой возмужалости. Такимъ образомъ
какъ древніе, такъ и новѣйшіе естество-
испытатели заключили, что человѣкъ
не прежде достигаетъ способности до-
терожденія, какъ совершивши пятую
или четвертую часть цѣлаго своего вѣ-
ка. — Поликуръ въ лѣтосчисленіи Еврей-
скомъ неразумѣнна сія соразмѣрность,
а въ Греческомъ установляется стро-
гое наблюденіе оной; то видно изъ сего,
что время потопу удаляется отъ
исторической справедливости, поколику
послѣднее къ ней приближается.

Другое неудобство Еврейскаго счета
состоитъ въ краткости временъ, ко-
торое въ немъ полагается между потопомъ
и Авраамомъ. Здѣсь обучимся гор-
дое и суетное сложеній человѣческихъ
столпотвореніе; здѣсь произошло смя-
шеніе языковъ, разселеніе людей по ли-
цу земли; здѣсь образовались сильныя
народы, основались многія и великія
царствія. Еще до Авраама перемѣни-
лось на престолѣ Египетскомъ нѣс-
колько династій. Все сіе въ тѣсномъ
292 лѣтъ трудно вмѣстить; есть при-
нятіе лѣтосчисленіе ххх, то
получаемъ 1132 года, и тогда изчезаютъ
всѣ затрудненія.

В прочемъ сколько Греческие лютописцы ни имѣютъ преимущество предъ Еврейскими, возвести его правдоподобіе до несомнѣнности весьма трудно. И подлинныхъ исторій и переводъ имѣютъ свои недостатки, которые произошли отъ человѣковъ, безъ сомнѣнія, но боліе попущеніемъ, съ премудрымъ намѣреніемъ. Мы можемъ пользоватся извѣстностію, какую находимъ; но не-отъемлемъ времени и лѣтъ, кре Отецъ небесный положилъ во своей власти, еще болѣе для насъ полезно.

От плода правды древо жизни произрастет; отъемлются же безвременно души беззаконных. Прит. XI. 30.

Премудрый показывает в сих словах различіе между правдою и беззаконіем в отношеніи к человеку, любящему или правду или беззаконіе: ибо средины между первою и последним. Кто не студен, ни горяч, тому благовествуется Верный и Истинный: изблевати тя от уст моих имам. Апок. III. 16.

Описаніе правды обемлет и время и вечность; картина участи беззаконных только еще начата; но и первая черта ее столько ужасна, что должна в полной силе возбудить в нас ужас к беззаконію.

От плода правды древо жизни произрастет. Все знаменательно. Древо произрастет не от всего плода, но от единого семени в плоде заключающемося. Какое же это семя в плоде правды? и какое сіе древо жизни, произрастающее от онаго семени? и как оно произрастает?

Чтобы найти семя, нужно прежде раскрыть самый плод. Под именем правды Священное писаніе дает нам разумѣть вообще всякого человѣка – в царствіи Божіем. В таком разумѣ благовествует Спаситель: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вам.* В частности – правдою называется всякое дѣло, честное и совершенное по закону Божію. *Мат. III. 15.*

Но не часто ли мы правдою называемъ прикровенный личиною правды порокъ? не часто ли подъ именемъ правды восхищаетъ алчу среди людей самолюбіе, жертвующе собою — но только для себя одного? Всяхъ человѣкъ ложь, говоритъ Псаломопѣвецъ; слѣдственно и правда его — ложь, и плодъ правды его — ѣдь обольстительная по внѣшности плода — ложь, призракъ, обманъ вводящій тѣхъ, которые ходятъ во тмѣ невѣдѣнія Христовой вѣры.

Тотъ плодъ правды ума не есть ложь, въ которомъ находится горушное сѣмя вѣры. Когда благословенное слово сіе, въ сердцѣ слухъ, падаетъ на добрую землю, на сердце, еще не окрѣпшее въ злости, еще не заросшее волчцами похотѣній; тогда сердце сіе приноситъ плоды правды и веселящіе Ангеловъ и удивляющіе человѣковъ. Когда питаемое вѣрою Христовою сердце человѣка; тогда добродѣтели его не суть земныя, но небесныя; ибо вѣра истинная не отъ земли, но отъ небеси; плодъ бо таковъ, каково сѣмя.

Отъ сего плода правды, древо жизни произрастетъ, говоритъ Соломонъ. Сіе древо есть то, отъ котораго въ небесномъ царствіи всѣмъ будетъ ясти побѣждающему; Іисусъ Христосъ, который есть путь, и истина, и животъ. Яко Богъ и человѣкъ, онъ совмѣщаетъ въ себѣ жизнь сугубую по сугубому естеству, жизнь богоподобную, которую даетъ сущимъ питіи отъ себе, и жизнь человѣческую, въ первообразной ея чистотѣ и славѣ, но безконечно болѣе очищенную и прославленную въ соединеніи съ жизнію Божественною. Сіе-то древо жизни произрастаетъ въ сердцу человѣка отъ плода истинныя правды, — не отъ вѣры. Его Христово ученіе — Его вселяется въ сердца наша, по словамъ Апостола.

Но сіе древо жизни не вдругъ возрастаетъ въ насъ, но произрастаетъ, мало по малу, и постепенно; отъ вѣры въ вѣру, по степенямъ отъ вѣры въ вѣру, по степенямъ восходитъ отъ славы въ славу. Сіе древо животное въ настоящемъ вѣкѣ только еще произрастаетъ; откровется въ полной мѣрѣ возраста своего, въ вѣчности. Посему-то говоритъ Апостолъ Павелъ, что животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ. Изъ всего сего можно видѣть разныя жизни, одушевленной правдою, и жизни, проповѣданной безъ закона. Та вливается отъ древа жизни, сія имѣетъ корень свой въ древѣ познанія добра и зла, отъ котораго грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть.

Бѣдность сей послѣдней жизни умножается тѣмъ, что она безвременно отчуждается у человѣка. Когда безумныя страсти говорятъ во ушеса сердца его: миръ, миръ; тогда внезапу при-

ходить на них всечувствительство;
и тогда духовная смерть порядится
смерть вторую – вечную от вот-
нея ока правосудія Божія.

Такимъ образомъ Соломонъ пред-
лагаетъ намъ и воду и огнь, от-
дая на свободную волю нашу из-
брать то или другое. Праведный,
котораго плодъ правды – рай сдѣлся
и сохранится свято ввѣрь, живетъ и
будетъ жить вѣчно
Живою истинною и благодатною
у безпокойною и безпечною душею
отъ [illegible]ся, и тогда увидятъ
они бѣдность ризы своей, но
поздо.

Чтен[illegible] Дух[illegible]

№ 27. 1876.

Какія причины призыванія Авраама изъ страны отечественной въ землю неизвѣстную?

Читаемъ въ Св. Писаніи, что Богъ повелѣлъ Аврааму, оставивши землю, въ которой онъ родился, возрось и старый имущество, оставивши родъ свой, и домъ отца своего, дабы онъ могъ ~~онъ~~ наслаждаться безопасностію и прочими выгодами жизни, итти въ землю чудную и неизвѣстную, гдѣ нѣтъ ничего его собственнаго, ни своего, ни своихъ.- Какъ во всѣхъ бѣдныхъ путяхъ и совѣтахъ, такъ и въ околѣ призыванія Авраама, усматривается дивная и многомудрая премудрость. Въ Месопотаміи, гдѣ жилъ прежде Авраамъ, князь тьмы столько усилился, что люди совершенно забыли истиннаго Бога и законъ его, разратились въ мысляхъ своихъ, помышленіяхъ и дѣйствіяхъ, и не только поработили себя суетѣ, содѣлавшись рабами страстей беззаконныхъ, но и сами превратились, такъ сказать, въ сусту, содѣлавши своими богами тлѣнныя вещи, сотворенныя на служеніе имъ. Идолопоклонства наконецъ коснулась дары изступленнаго племени; самъ Ѳарра не могъ устоять противъ стремительнаго потока окружавшихъ его худыхъ примѣровъ. Церковь Божія находилась въ крайней опасности; и опасность сія, которой отклоненіе превышало силы человѣческія, есть сомнѣнія возрасла бы въ неизмѣримое и всеконечное подѣствіе искупленіе въ человѣческомъ родѣ святаго сѣмени, ~~ставшаго~~ Господь

отдѣливъ себѣ отъ всѣхъ племенъ земныхъ. Авраама, сохранилъ въ немъ и послѣ него въ его потомкахъ истинную вѣру – залогъ безконечной милости его къ грѣшникамъ. и сія есть первая причина, по которой онъ возвелъ его изъ земли Халдейской въ Ханаанскую. Авраамъ дошелъ бѣлъ уклониться отъ зла, и творить благо.

Но Авраамъ предназначенъ былъ не только соблюсти святую вѣру и предать ее сынамъ своимъ, но и быть отцемъ всѣхъ обратившихъ; для сего надлежало ему въ лицѣ своемъ совмѣстить образы тѣхъ совершенствъ высокихъ, которыхъ богъ требуетъ отъ обратившагося; для сего надлежало ему явить примѣръ отказа вѣру во всей ея чистотѣ, безкорыстности, самоотверженія, и всегдашней преданности въ волю божію; для сего надлежало ему собственнымъ примѣромъ показать путь, по которому вѣра ведетъ человѣка чрезъ поприще искушеній и лишеній къ обители небесной, где пребываетъ ангелъ и человѣкъ славою и благостію человѣческихъ являетъ богъ богатство любви своей и блаженства. Богъ глаголетъ Аврааму: изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и пріиди въ землю; въ какую? вопросимъ здѣсь человѣкъ не подобный Аврааму. конечно въ землю лучшую той, въ которой я нахожусь теперь. но богъ не назвалъ сей земли Аврааму, какова и где та земля, въ которую онъ долженъ идти; пріиди, глаголетъ, въ землю, которую тебѣ покажу, иди туда, куда бы я ни повелъ тебя. – Авраамъ конечно былъ

уже мужъ совершенъ по духу, что повиновался богу, какъ смиренный ученикъ отцу. Тогда изшелъ изъ земли Халдейской, говоритъ св. Писаніе, вселился въ Харранъ. Послѣ того уже не читаемъ отечества на землѣ. –

Таковъ путь къ духовному совершенству предлагаетъ нашъ богъ всѣмъ желающимъ пресѣляющемся изъ странъ отечественной въ землю неизвѣстную. Въ комъ видитъ онъ нѣчто благоугодное ему, тому не хочетъ ничего оставить оставить отъ собственности. Отецъ вѣрующихъ глаголетъ, глаголетъ во гнѣвѣ сердца его, изсѣки изъ земли твоея, оставь сію землю, которую ты по праведно и по уставу твоему почитаешь своею, въ которой располагаешься такъ, какъ бы тебѣ надлежало остаться на ней вѣчно; не подай тебѣ ужасъ, что она не твоя; изыди отъ земли твоея и пріиди въ землю новую, которую я тебѣ показала тебѣ въ словѣ моемъ. Сія земля, которую ты почитаешь своею, не есть твоя, и посему ты долженъ быть на ней странникомъ и пресельникомъ; не долженъ имѣть на ней града, въ которомъ бы пребывалъ упокоенъ самодовольствіемъ сердце твое, но не престанно взыскуй грядущаго. Изыди отъ рода твоего и отъ дому отца твоего, если среди сего не можешь остаться такъ, чтобы имѣть пребывать и въ немъ. Богоотечественная любовь не совмѣстна съ любовію человѣческого. Надлежитъ отвергнуть ее, чтобы единое, въ которомъ вся, пріобрѣсти, и должно быть никѣмъ, чтобы богъ что нибудь могъ сдѣ-

лато изъ мѣста.

Высокое въ сочиненіи разсматриваемаго, и если нравится, то какъ опредѣлить сіе разнообразіе?-

Совершенство искусства состоитъ въ совершенномъ подражаніи природѣ; природа есть образецъ; искусство достигаетъ своего назначенія; когда представляетъ оборотной стороной своего списка, когда какъ въ чистомъ зеркалѣ истинно отражаетъ въ немъ образы предметовъ существующихъ, или могущихъ существовать въ области природы, воображаемой, или чувственной.- Посему природа не можетъ производить въ нашихъ чувствованіяхъ противоположныхъ ощущеній, которыхъ объяснить прежняго искусства; посему, какъ различные предметы въ природѣ должны въ нашей душѣ столькоже различныя впечатлѣнія, такъ и искусство изображенія подобныхъ предметовъ необходимо должно доставлять намъ ощущеніе другое; посему способность подражанія образовать; посему какъ природа, такъ и искусство доставляютъ вкусу удовольствіе, но удовольствіе всегда отъ многообразныхъ предметовъ,- всегда многообразное.- Въ истинѣ сего можетъ увѣриться всякой собственнымъ чувствомъ сильнѣе всѣхъ умствованій.- Весною, когда благодѣтельное солнце оживитъ и воскреситъ животворными лучами природу,- идите смотрѣть на цвѣтущій цвѣтами лугъ, слушайте

пѣвчей веселыхъ птицъ, смотрите, какъ смотрятъ, слушайте, какъ слушаютъ; смотрите и слушайте, какъ чувствуетъ, и душа ваша исполнится высочайшимъ удовольствіемъ. – Но совсѣмъ иначія чувства будятъ волнуютъ ваше сердце, когда созерцаете вы волнующееся море, или создавшемуся въ тихомъ волнѣ. – Одни и тѣ же чувствуемъ, когда смѣнимъ слухъ нашъ къ журчанію кроткаго источника, и когда слышимъ шумъ произведшій водопадомъ? одно ли и то чувствуемъ, когда смотримъ на текущую мирно среди брегов своихъ рѣку, и когда свидѣли мы предъ собою, на-подобіе сей картины, волненіе вокругъ луча и тарити? Таковы дѣйствія искусства, – и разница ихъ отъ живыхъ изящныхъ отъ высокаго основываетъ на разныхъ тѣхъ и другихъ отъ природы. – Какое чувство отъ Цезаря-полководца, когда изображаетъ Богъ-крѣпость свое прибѣжища къ нему на помощь противъ враговъ его? Онъ видитъ подвигнутося и востреветалую землю, – основанія горъ движутся, домы и огнь предвозвѣщаютъ явленіе Господне; наконецъ Всевышній явленіемъ прекланяетъ небеси и нисходитъ, мракъ подъ ногами его, – эѳиръ его – тѣни, шествіе его на херувимахъ, и молніе его на крилѣ стремленныхъ. – Мягко чувствуемъ,

когда описываетъ Давидъ бѣгство мудрыхъ не идущихъ на совѣтъ нечестивыхъ, или благословляетъ Господа, которого судебы привели его отъ пастушескаго рѣдки къ скипетру, или приноситъ смиренно сокрушеннымъ сердцемъ покаяніе во грѣхахъ своихъ. –

Чрезъ отличающія въ произведеніяхъ ума и воображенія высокое и изящное нерѣдко между собою смѣшиваются, и часто сіе отъ неспособности различать творенія достойныхъ геніи не получаютъ надлежащей справедливости. – Строгимъ отличіемъ свойствъ того и другаго видно отъ самыхъ чувствованій произведшихъ ихъ въ нашей душѣ. Чувство изящнаго спокойно и мирно, чувство высокаго быстро и стремительно; чувство изящнаго можетъ поддерживаться чрезъ долгое время, чувство высокаго всегда бываетъ непродолжительно; первое услаждаетъ нашъ духъ, послѣднее поражаетъ его; предметами перваго могутъ быть всѣ обыкновенныя, предметами послѣдняго – чрезвычайныя, возбуждающія въ насъ понятіе о безконечномъ.

Жорж Все, особенно
Ростовъ-Ярославскій

Приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ ея
Псал. XLIV, 15.

Благословенная дѣва, введенная днесь въ храмъ Господень, уже вошла въ невидимый храмъ славы царствія небеснаго.

Такъ и мы, сл. еще въ младенчествѣ вступившіе въ видимую божію церковь, достигнемъ наконецъ небеснаго Христова царствія. Сего сомнѣнія: ибо дверь въ небеса, единого отверзтая во Христѣ благословеннаго дѣвою, незакмлочена и для насъ.

Однакожъ для вящаго утвержденія въ благой надеждѣ, или — чтобъ не обольщаться надеждою ложною, вникнемъ мы нынѣ въ сказанныя слова Давидовы, коимъ условіе, отъ исполненія коего зависитъ все.

Приведутся, говоритъ онъ, Царю дѣвы въ слѣдъ ея. Вотъ условіе: мы должны хранить дѣвственную чистоту, дабы въ слѣдъ за Маріею достигнуть совершенства въ соединеніи съ богомъ.

Чистота или дѣвство нашихъ душъ состоитъ въ храненіи верности къ божественному Жениху, который обручилъ ихъ себѣ въ вѣрѣ, и слѣдственно въ соблюденіи себя отъ сочетанія съ его врагами. Враги сіи — плоть, міръ и діаволъ. Напрасно нехорошо жить по плоти, не хорошо соображаться всякому, не хорошо давать въ сердцѣ своемъ мѣста діаволу; а должно чтить единаго Господа Іисуса Христа, объ Немъ единомъ помышлять, его единаго желать, и творить волю его единаго. Се чистота дѣвствъ

Христовых!

Без сей чистоты нельзя достигнуть блаженства в соединении с Возлюбленным Женихом.

Невозможность со стороны Его — и двоякая:

Он есть весь ревность, так как есть весь Любовь.

Он есть самая святость, так как есть Бог. — и

Невозможность со стороны нашей: ибо хотя бы и могли мы при всей нечистоте своей (что впрочем совсем невозможно) внити на брак Агнчий; то не могли бы обрести блаженства и в раю, принесши туда ад в своем сердце. —

Итак вторично слово, что ничтоже сквернo внидет в царствие Божие. Отчего же так буйны мысли спокойны? Они надеются на грядущее впрыск. Преступная надежда! блаженная безпечность на оной утверждается! Лучше бы ничего было не познавать сей вторы, нежели познавать ее. Вторая только более тяжкими содержит их истязанiе. Се гряду, глаголет Господь Iисусъ: трепещите буйныя мысли!

Напрасно вторно слово, что чистии сердцем узрят Бога. —

Сколь они будут блаженны!

Сколь они и ныне блаженны! они и ныне ощущают уже по временам посещения Жениха Божественного.

Однакожь по временам. Ибо то есть блаженство их несовершенно: ибо нечиста еще несовершенна.

Но, возлюбленныя души; не оставьте!

здесь всему добрно начаться, а там — всему кончиться.

Но, возлюбленныя души! не оставьте, а паче подражайте Пречистейшую вашей Марiи. учитесь у нея сохранять чистоту свою в удаленiи от мирских соблазнов. Поспешите миръ вторый. Сицево обильно приподастся вам входъ в вечное царство Господа и Спаса нашего Iисуса Христа. Аминь.

122

Письмо ваше очень хорошо. — Об учить надобно в справедливом, а не в неудовольствии. — Вторым Богу на пути дела совершить легко!

Авг. 3. 1818.

Existentiæ Dei demonstratio ex ideis.

Si per omnia naturæ regna tot et tam magnis miraculis repletæ ire, et nexum illum omni admiratione superiorem, qua res inter se sunt continuæ, perspicere vellemus, sane ubiq summæ sapientiæ ac potentiæ vestigia conspexerimus immensæ, neq domicilium istud amplissimum, quod nobis ipsis arrogantiæ nullam modo a se ipse constructum persuadere sibi potest, a coelesti Artifice nobis concessum capturi dubitaremus. Sed etsi invisibilia Dei ex creaturis considerata visibilia fiunt, et gloriam Numinis Optimi, Maximi coli dissertissime prædicant: non tamen prædicant nisi tacite, et multo magis unum de Dei existentiæ testimonii valere apud nos debet, quod universæ animæ inest, multoq commodius ex hominis mente, quam ex mundo corporeo, an sit illud necessarium ens et infinitum, quærere possumus.

Veritatum, quas certissimas habemus, prima hæc est: nos existere. Deducuntur in nihilum omnia, quæcunq extra nos sunt, aut, sicuti scepticis placet, esse tantum nobis videntur; corpora, eorumq in sensus impressiones nam nisi habeantur pro vanis phantasmatum visis: nihilo tamen minus certum manebit, nos existere. – Existimus, quia cogitamus. Si cogitantes simul et non existentes essemus, nihil aliquid esse, et existentiam suam per actiones manifestare posset. – Num quidem certum est, nos cogitare? – Ipsa dubitatio tollit omne quoad hanc rem dubium.

Cogitamus, existimus: existit quoq; Deus. Si penetrare latebras animorum nostrorum velimus, duplici cogitandi ratione gaudere nos constat. Cogitamus prima ita, ut melius nobis esset, si non cogitaremus. Veritatem assequi cupientes, eius umbram arripimus; quod prosperitatem nostram euertit, eligimus et amplectimur; quod ad statum nostrum perficiendum uel maxime facit, auersamur et reiicimus. Praeiudicia atq; cupiditates tenebris nostram mentem obducunt, atq; ita fit, ut decipiamur specie recti.

Sed mira est naturae hominis, quantum humilitatis, tantum dignitatis continet. Mens, cuius intellectus tam sepe in ueritatis uia labitur, eadem foleis rectissimis gaudet, quae ab omni aggressione ac impetu ueritatis hostium manent immunes. Ita nouimus, unam eandemq; rem simul esse et non esse non posse, pertem suo toto minorem, totum simul suarum partibus aequale esse, aliasq; eiusmodi ueritates quamplurimas, quae cum demonstrationem simul et euidentiam in semet ipsis complectantur, non amplius ponere nos est illas negare, uel saltem uocare in dubium. Universales sunt: neq; cuiquam hominum ignotae, acceptae a rudibus non minus ac ab eruditis. Aeternae sunt: mundo praeexistebant, antequam aliquid esset, iam. eque ac nunc impossibile erat, ut idem simul existat et non existat. Immutabiles sunt: hinc facile concipi potest, cur uel temporis, uel loci spatio diuisi homines de una re unum idemq; sentiant. Duraspent, uel si mun-

dus destrueretur, nullusq; intellectus reperiretur, qui eos intellexisset; quemadmodum sol lucere non desineret, etiamsi nullus oculus adpulisset; quem splendore suo perstringere possit. Variae auctoritatis sunt, ut intellectus earum legibus sit subiectus, quibus cum submisse obtemperat, recte tendit ad ueritatem, et in errores ruit, cum ab iis deflectit. Non per consultationem hominum stabilita, nec in earum potestate positum est abrogare illas, uel quidquam de illis derogare. — Non a mente nostra oriuntur; quamuis enim ea sit per naturam suam actuosa, non tamen nisi ope reflexionis, nec iure spontaneitatis ideas, quae ipsa et rebus extra ipsam positis stabiliores sunt, quae ipsi assensum atq; approbationem remotae omni perpendicione extorquent, quasi a se productas gratulari sibi nullomodo potest. — prioris

Est igitur Deus. — ideae rationis sphaera comprehenduntur: an recte cogitamus, cum eam esse nostram dicimus? — Nobis inest, sed non est a nobis. Est sol spirituum, quod euidentius est, quam esse solem corporeum. Est summa, aeterna intelligentia, a qua omnes aliae procedunt, tantoq; pauriores sunt, quanto propius ad originem suam primitiuam accedunt. — Ut solis radii conspicuas nubes dissipare, res praestant, ita ideae euidentes, pro rata omnem ueritatem faciunt, exorientem solem fugiunt tenebrae, illucentibus in mente nostra ideis obscuritas cessat, omnia luce complentur, in luce

ambulamus? Cum igitur solis radios, quod per eos omnia cernamus, a nobis prouenire, num ideas, quod solo ueritatis sint uolices, etq. omnis cognitionis principia constituant, a mente nostra ipse effictas opinari possumus? – Quid habes tu, mens mea, quod non accepisti? – Eripare, labi tuum est, reuocare te ad ueritatem solius est Dei. Tuum in uolicanda; tuum in operanda omnis iustitiæ sol! Imbecilles creati animi! propter perfectionum tuarum splendorem perspicere te apertis oculis nequeunt, num ideo de existentia tua dubitare serio possunt? Qui quidem cæci, quamuis solis lucem usu non percipiant, nihilo tamen minus eius præsentiam ex salutari radiorum calore sentiunt. –

Sed multo certius est ipse Deum, quam existere solem; solem percipimus non nisi per Deum, et quodnis finitum nonnisi per infinitum. – Est autem idea infiniti impressa nobis ita, ut istud ab omni, quod finitum est distinguamus. – Triangulus non est infinitus; quia quod figuras non habet, nullam etiam habet figuram. – Itol questionem, quodnam sit infiniti primum punctum, nec infiniti finem, nec medium, nec principium, nullum adeoq. in eo primum, aut postremum, aut quod his sit interpositum, dari posse dicimus punctum. – Qua ratione cognamus notionem morbi, nisi representando simul salutem, cuius ille est defectus? – Eadem ratione representamus omne

quod limitatum est, quod nihil est aliud, quam absentia ulteriorís progressus. – Frustra igitur agunt ii, qui infiniti ideam esse negatiuam contendunt; uel maxime positiua est, sicut solus et lux, et finitum negatiuum est, sicut morbus et tenebræ. Quemadmodum ergo morbus salutem, tenebræ lucem præsupponunt: ita etiam pars substantiarum imperfectiones, ens aliud, cuius perfectio nullis limitibus est circumscripta, denunciatur; præcipue, cum ipsius summæ perfectionis istius idea in mente nostra resideat. Ut resideat: nam quid est, quod Deum intelligentiam, quæ absq. ullo successu, uno actu omnia perfectissime scientem nomino, cum ipse non nisi gradu lento, graui cum labore et sudore ad ueritatis templum proserpam, et in hoc difficili itinere, proh dolor! turpissime offendam mea imprudentia? – Quid est, quod Deum sanctum ita, ut nullomodo ab essentia sua legibus deficere possit aut uelit, concipio, cum ipsum nunquam me non a pietate, ab officio, a uirtute discedere deceat agnoscere? – Hinc etiam colligitur, me non potuisse formare summæ perfectionis istius ideam per considerationem mei ipsius, multo minus obiectorum externorum: nihil enim tale, quod Deo tribuo aut in me, aut in aliis rebus reperio. – Ita, mens superba! præciosissimum hunc thesaurum tibi longius reparie arrogare audeas? Ut

si eum peterem, ubinam collocarem? Aut potest infinitum comprehendi finito? Atq ab hoc illud eo firmari nomine videtur est, ac si aliquid ex nihilo ortum fuisset?

Unde igitur oriatur haec idea sublimis atq excelsi? ex cælo. — Quemadmodum in aqua pura conspicitur nitidus solis facies, ita in animo casto splendida luminum patris imago apparet. — Num autem imago potuisset sine obiecto reali subsistere? — Prope est deus: tanto turpius est eum ignorare. Prope est fons verae sapientiae et felicitatis: tanto gravior est culpa perdurare in miserrima eius inscitia. —

De prima et vera philosophiæ origine.

Ad indagandam primam illam et veram inter homines sapientiæ originem primum hoc quæstio: unde insipientia hominum prodierit, soluenda est. – Nos creclimus, et ipsa sanior persuadet ratio, Optimum, Maximum Numen hominem rectum, quoad rationem non minus ac quoad voluntatem rectum creasse. – Hinc primum generis humani parentem etiam primum sapientiam possedisse eamq non didicisse, sed ex unico omnis scientiæ fonte Deo hausisse euidens est. – Mira inter sensualitatem integri hominis ac rationis facultatem erat concordia, neq illa hanc maiestate legislatiua priuare aut directionem eius ac nisum ad infinitum impedire tentauerat. – Cum autem cuncta miserabili hominis lapsu ceciclissent, etiam sacer ille inter mentem ac propensionem corporis nexus disruptus est, – neq amplius inter eas conuenire potuit, quid imperare, quid obedire debeat. – Iners ac inefficax iacet ratio, cupiditates in puppi sedent, et clauum tenent, hominesq in altam perniciosarum errorum voraginem pernicioramq turpissimorum gurgitem trahunt ac rapiunt. –

Sed quia secunda sorte factum est, quod, cum innumerorum turba hominum densis ignorantiæ tenebris obuoluta fuisset, ex iis alii nitidæ atq excelsa petentes in ueritatis palestra progressus fecerint, et rerum notitia non solum humanarum, sed etiam diuinarum emi-

nere coperint.[2] – sortium beneficio diuitiæ paran-
tur, dignitates largiuntur; sapientia sola ani-
mi contentione et continua cum corporis cor-
rupta propensione pugna assequitur. – Et hæc qui-
dem est prima ac vera philosophiæ origo – iustæ
rempse in homine naturæ ipsius rationalis præ-
dominatio. – Sicut amissa integritate amisit ho-
mo sapientiam, ita recuperare hanc et reparan-
da illa incipere debuit. Sicut, postquam durissi-
mam cupiditatum seruitutem subiit, mens eius
nebes et ad veritatem contemplandam inepta
facta est, ita, ut primitiuæ actuositati eam
restitueret, ipsum iugo illo exuere se oportuit. –
Et quidem, si vari nominis philosophi est res non
ut apparent, sed ut sunt perspicere, non se-
cundum nos aut alias sensationes, quas in
organis efficiunt, sed secundum propriam ea-
rum naturam estimare, quæ ope solius ra-
tionis assequi potest: primus ad philosophiam
gradus certe simul primus ad restinguen-
dam sensualitatis vim erat, quæ est rationi
inimicissima. – Hinc concipi facile potest, cur
gentium barbararum adeo miserabilis, ho-
rum et maxime recentiorum tam pulchra
ata augusta philosophiæ facies appareat. –
Tantum hæc in sapientia omnibus tempo-
ribus propiciebant, quantum in superandis
cupiditatibus non deficiebant. – Silentibus
his clamat ratio, et Socrates excudit boni
genium. –

Romæ et multis etiam locis
sepe quæ vidimus sed longe
ab Attica tenuitate vivere.

An oratori futuro multarum doctrinarum
scientia necessaria sit –

Quæritur. Mea sententia, ait Cicero, nemo esse
potuit omni laude cumulatius orator, nisi
erit omnium rerum ora artium scientiam
consecutus. – Sed plus quam æquum est ho-
norum eloquentiæ putet postulasse videtur:
nec enim vita homini a Deo concessa est
tam diuturna, ut ad exhauriendum immen-
sæ eruditionis mare vastissimum suffi-
ceret; imo nec ipse, cum mira agendi di-
cendique facultate omnes suæ ætatis ac pat-
riæ oratores, antecelleret, et Græcorum etiam
disertissimis se eloquentiæ famam pro in-
re optimo non cedere fateretur, omnem, qua
homini assequi fas est, sapientiam, sibi
adeo arrogantia tribuere potuit. Rectius i-
gitur Quintilianus iudicat, cui satis est,
eius esse oratorem rei, de qua iudicat, non
imperitum. At quam multa debet scire o-
rator, ut sit suæ rei non inscius! quam
multa ata varia debet explicare, prius-
quam rem suam explicauerit. quam
multa ata varia ignorare non potest,
nisi in suæ rei ignorantia perdurare o-
bus velit. Sicut enim in mundo visi-
bili omnes res ita sunt comparatæ,
ita nexu proximo inter se sunt coa-
ervatæ, ut una semper inserviat al-
teri, una concurrat ad alterius existen-
tiam conseruandam promouendamq;
sic etiam in mundo intellectuali ita
sunt omnia intime connexa, ut scien-
tiæ varia et multæ non nisi catenam
solam constituant, quarum
unam possidere perfecte non possumus,
nisi ad alteram, quibus adhæret, possessi-
onem peruenire conemur. – Certum autem
est, aliis nos dare non posse, quod ipsi

— si non habemus; nunquam igitur etiam aliis quamlibet rem persuadebit, qui ipse sibi illam persuasam non habet; neq uero habebit, nisi aliarum rerum, cum illa necessitate quadam et cognatione deuinctarum, scientiam comparauerit.

Sed hic habenda est ratio discriminis inter eum, qui aliis quibuscunq rem aliquam quomodocunq persuadere uelit, et inter eum, qui cum apud auditores exultos sermonem habeat, eos uel ad cogitandi uel agendi rationem, quam suadet, singulari modo constructa oratione perducere conatur. Audi enim et agresti ad faciendum omittendumue aliquid suos ui adhortationis impellere persape contingit; nec indiget ille quidem multa doctrina; ut finem assequatur, quem sibi proposuit. Sed non meliori iure oratissimum oratoris nomen tali competit, quam gloria ducis, cui satis nouisse est ad prouidendum et prosternendum quemlibet alium. Ex aduerso, quemadmodum bonus dux, cui res agenda est cum hostibus, qui ipsi nec militaris non sunt imperiti, eiusmodi milites eligit, ita collocat, ita eorum ardorem comprimit, aut exerere se iubet et accendit, quod hos, non autem alios, sic non aliter collocatos, hoc non alio temporis momento impetuosos uel moderatos ad uictoriam de hoste oportune dum aptos iudicet; sic etiam uere nominis orator [illegible] ad suae sententiae rationes inuenit, inuentas disponit, tandemq enunciat et uerbis exprimit, quod nos pro ceteris aliis, hoc non alio ordine sibi inuicem succedentes, hoc non alio dicendi modo expositas ad conuincendos, capiendos, rapiendos auditorium uel legentium animos magis lucere posse opinetur. — Eiusmodi oratori futuro, si non omnium, arte non paucarum doctrinarum scientiam necessariam esse diximus. Nec dissentit quidem nobis ipse Horatius; scribendi enim recte sapere principium et fons est, inquit, bene scentiae; nullum ipse posse bene dicendi autem, solidiorem eloquentiam a scientia solidiori originem omnemq suum uim petere monens. Et sane, oratoria artis ea est indoles, ut cum omnibus doctrinis atq artibus copuletur, ipsa earundem operum uel maxime indigeat. Optimus naturae conditor hominibus facultatem hanc pretiosissimam, qua quisq uult ac sentit, alteri explicandi denegaret, inutilis quodammodo esset intelligentia, quam nobis contulit, si lucis ueritatem assequi contingeret, alteri in media ad eam uia semper perseuerent, uel etiam non iter difficillimum et incertum ingrederentur. Hinc quod nostram scientiam dicimus, nihil aliud est, quam congeries eorum, quae alii cognouerunt, quae audiuimus, legimus, accepimus. Nihilo tamen minus cogitatio secundum naturae ordinem orationi debet praeodere, quae illius est expressio; hinc nihil ore proferre nisi quod mente iam habemus conceptum, nullam de re bene dicere possumus, nisi prius illam bene nouerimus,

nec ullus orator potest fieri, nisi prius philosophus fuerit. – Sicut enim antiqua properanda materiam requirit, ex qua aut pingat effigiem, aut clamium construat; ita etiam orator nihil ex nihilo producere habet, sed scientiarum copia opus habet, ex qua pro necessitate sibi idoneis depromptis convenienter scopo suo utatur. –

Res, ~~inquam~~, imbecillitatem mentis humanae superans est – uniuersum scientiarum ambitum comprehendere; sed cum non unius generis sint oratores, scientiae etiam in manibus elapsae dispersae possunt, quarum alia plus, alia minus cum re unius, vel alterius cohaerent, adeoque plus aut minus se huic aut illi commendant.

Dantur autem scientiae, quarum cognitio omni oratori ab hoc illo singularis cuiusvis muneris respectu necessaria est; inter eas veritatis indagatrici philosophiae iure praecipuus locus debetur. Haec enim fundamenta cunctis principiis solidiora oratori exhibet, quibus non superstructa oratio debilis, ut et robore omni destituta ruinae sane rationis affatim ruit et concidit. – Ne in opinionum varietate labyrintho a recta veritatis semita oratio aberret, logica philosophiae debet nec potest a arte eloquentiae separari, recteque Zeno illam manui constricto, hanc expansae assimilavit. – Vel commorandes in ruinis plurimum historia confert, sed nihil philosophia, nihil logica, nihil historia, aut aliae scientiae proderint, nisi vernacula linguae oratoris futuri sit peritus. Sit enim oratio eruditissima et solidissima, ut nihil aut quoad res aut quoad verba premissis contradicat principiis, sana rationis asserta experientiae exemplis illustrata ac corroborata; adhaec sit lingua ~~et audientium pectora~~ pectora pertractet.

Intelligitur ex his, quam magna et gravis sit res, esse bonum oratorem, quamque multas difficultates superaverint, quantos labores subierint oratorum illi principes quibuscum ut ante et nec oratoria scientia, ita disciplinarum et litterarum humanarum studio separare disparile est. –

Postme.

De origine cognitionis humanæ.

Homo eiusq plena miraculorum natura doctrinam omnium maxime arduam ac necessariam exhibet homini. Philosophi ueteres a cognitione hominis ordiendum existimarunt studium sapientiæ atq huius summam omnem in tò nosse se ipsum celebris illa templi Delphici inscriptio statuit.

Sed naturæ interpretes ut in aliarum rerum causis inuestigandis, ita in semet ipsis perscrutandis ualde omnibus temporibus dissentiebant. Quemadmodum circa mundi originem innumerabiles extant eorum opiniones, ita, cum originem cognitionis humanæ explicare conantur, uarii uarias incedunt uias variosq errores procreant. Ita qui ad sensualitatem plus iusto respiciunt, in materialismum, qui intellectui et rationi nimia tribuunt, in idealismum prolabuntur. Est autem inter hæc duo extrema semita media, quæ ad ueritatem certam perducere posse uidetur.

Sane, quamuis animus noster facultate cogitandi præditus, mens autem, ut imago mentis diuinæ, natura sua est actuosissima; adstricta tamen hæc est corpori et nonnisi per organa sensoria perceptiones rerum extra se positarum primitiuas potest acquirere. – Num enim oculus

natus perceptionem colorum habere, aut cui-
dita carens de sonis proferre potest iudicium?
Animo nostro ea est natura, ut communicati-
onem ipsius cum mundo materiali non nisi
materia, qua est endita, redolat possibilem. Quae
si esset destituta nihil materiale extra se senti-
ret, nihil perciperet, nonnisi ipsa secum ver-
saretur.-

Nihilo tamen minus sensus, quoy nec affirmare,
nec negare certum est, materiam solum pro re-
praesentationibus adferunt, ipsi nihil representant,
nec non plurimas habemus cognitiones, quae de-
ci non possunt ab iisdem profecto. -Habet enim-
vero anima ideam Dei, utpote aeterni, perfectissimi,
infiniti, omniscii, omnipotentis rerumq omnium,
quae praeter ipsum sunt, creatoris, quae a sensuum
impressionibus derivari nullomodo potest. Om-
nia enim, quae sensibus occurrunt, per eaq ad
animam perveniunt, sunt entia mutabilia,
non per se existentia, finita. Porro nec per ab-
strahendi vim ista Dei idea formatur: quidquid
enim abstrahitur, prius debet inesse rebus,
a quibus abstrahatur; ea autem quae Deo
tribuimus neq in rebus extra nos positis, neq
in nobismet ipsis reperire possumus. An Dei
cognitio orta possit a sensibus pro exemplo
gentiles sunt, quorum theologia nihil a-
liud erat, quam congeries vitiorum, quae Diis
tribuerunt, quaq vel enti creato finitoq es-
sent dedecori. -

Colligitur ex his cognitiones humanas in du-
as dispesci posse classes, quarum altera origi-
nem petat a sensibus, nihilq aliud initio sit,
quam mera rerum externarum representati-
ones; altera ab intellectu, qui perceptiones inter
se comparat easq coniunctas vel disiunctas
tradit sub forma iudiciorum rationi. Haec
surgit altius, cita data ista iudicia ad legem
sibi propriae unitatis examinat. -Illa vero
sunt ideae a natura insitae hominis menti,
quae in ea, ut in silice ignis, quasi sepultae
manent, donec per sensus ad obiecta externa
opemve citq allisae evoluantur ac resuscitentur.
Quanquam autem omnes, qui sanis praedi-
sunt organis, secundum eosdem leges eodemq
modo afficiuntur a mundo visibili; sunt ta-
men nobis illae ideae plus aut minus puras,
clariores aut obscuriores, verae aut erroneae. -
Cur non omnibus aequalis citq eodem? Non alia
est ratio, quam quod non omnes debitam
ac iustam ad eas attentionem exhibeant; sed
alii sensibus stantes sepultas quasi iterum se-
peliant et continuis sensationibus obruant.
Ita enim natura comparati sumus, ut vicis-
sim fortiusq obiectorum externorum represen-
tationes afficiant conscientiam nostram, quae
ideas rationis; hoc autem, cum dux et lux no-
bis pro assequenda veritate sit data, haud ta-
men raro eat, non quo eundum est, sed quo
itur, vel quo eam sensualitas et orta inde

cupiditates reprimunt. Quemadmodum igitur
ad veritatem acquirendam, ita etiam ad veri-
tatem cognoscendam et amplectendam pug-
na perennis cum sensualitate est nobis gerenda,
cupiditatesq mortificando. – Per crucem ad lucem.

Optimam spem facit hoc
initium. Quae te Veritas
per viam, quam elegisti!

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ